

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ****ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ****НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 3, 2023**

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Белобородова Ниля Сабитовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Бирск, Башкирский государственный университет (Бирский филиал))

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Елшанский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский экономический институт)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Кашлявик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московская международная академия)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Хабидуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шачкова Эльвира Вадимовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ниженва Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ширинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 3, 2023**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Nadezda N. Menshakova** – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)**Nylya S. Beloborodova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Birk, Bashkir State University (Birk Branch))**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)**Natalia P. Dvortsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)**Irina V. Evseeva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Sergey P. Elshanski** – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Institute of Economics)**Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)**Aza D. Joselin** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kira Yu. Katavi** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia)**Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)**Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)**Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)**Natalia A. Orekhovskaya** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)**Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow International Academy)**Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Natalia N. Semenenko** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)**Olga G. Sidorova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)**Oleg I. Syromyatnikov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Nelly A. Trofimova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)**Galina V. Faizieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)**Olga V. Felde** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Alexander S. Fetisov** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Liliya F. Khabibullina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Medical University)

Dmitry Alexandrovich Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Elvira V. Shachkova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Crimean Federal University named after Vernadsky)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

Natalia V. Kopteva – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Viktoria M. Kosteva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)

Konstantin E. Besukladnikov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Tamara I. Zelenina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, St.-Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena P. Karzenkova – Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	6
<i>Фомина С. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ЧАСТНОВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАННЕНОВОФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРИОД.....	6
<i>Завгороднева М. П.</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПАРЕМИЯХ	16
<i>Багринцева О. Б., Файзиева Г. В.</i> ТЕРМИНЫ РОДСТВА В «ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРЕ СЛЕНГА И ЖАРГОНА «СЛЕНГЕР».....	32
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	39
<i>Архипова И. В.</i> ДЕВЕРБАТИВЫ КАК ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....	39
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	47
<i>Красноборова Л. А., Ерыпалова М. А.</i> СТИЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА.....	47
<i>Химинец Е. М., Верхокамкина К. А.</i> ТРАНСЛЯЦИЯ КОНЦЕПТА <i>MEMORIA</i> ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ТЕАТРАЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ	61
<i>Хорошева Н. В., Саакян А. А.</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Ж.-И. ЛЕ ДРИАНА).....	72
СОЦИОЛИНГВИСТИКА.....	85
<i>Киндеркнехт А. С.</i> ПОМОГАЮЩИЙ СТАТУС КОММУНИКАТИВНОЙ ПРОФЕССИИ МЕДИАТОРА	85
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	97
<i>Чагина А. П.</i> ОБ ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА М. ПУИГА «BOQUITAS PINTADAS».....	97
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ.....	110
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	115

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 6–15.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 6-15.

Научная статья

УДК 811.133.1

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ЧАСТНОВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАННЕНОВОФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРИОД

Светлана Серафимовна Фомина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
svefomina@yahoo.fr

Аннотация. Научный интерес к вопросительному предложению обусловлен несомненной значимостью данного объекта исследования, неразработанностью проблем, связанных с коммуникативной природой и грамматической структурой вопросительного предложения, а также необходимостью изучения вопросительных конструкций в исторической перспективе. В истории становления и развития французского письменно-литературного языка XVI в. занимает особое место: он является начальным периодом становления французской национальной грамматики, периодом усиленной эволюции языка, кодификации норм морфологии и синтаксиса, орфографии, пунктуации и интонирования. В описательных грамматиках ранненовофранцузского периода данные о вопросительном предложении весьма разрознены, однако вопросительное предложение широко употреблялось в речевой практике в XVI в. Вопросительное предложение обладает особой вопросительной целеустановкой, отличающей его от других коммуникативных типов высказывания. В плане выражения оформление вопросительной целеустановки зависит от характера вопроса, конкретной ситуации и контекста. Настоящая статья описывает наиболее существенные признаки вопросительных предложений полного состава во французском письменно-литературном языке XVI в. и выявляет основные тенденции в их употреблении. Статья описывает также некоторые случаи интерференции коммуникативных типов высказывания в вопросительном предложении, а также некоторые синкретичные формы вопросительных предложений. Синкретизм рассматриваемых вопросительных конструкций обнаруживается в особенностях лексико-грамматического оформления предложения. Анализ формальных признаков, выявление основных типов вопросительных предложений и их функциональных особенностей, присущих языку ранненовофранцузского периода, представляет интерес в свете активно разрабатывающейся в настоящее время теории соотношения коммуникативной природы предложения с его грамматической структурой.

Ключевые слова: ранненовофранцузский период, особенности вопросительных предложений французского языка XVI в., общевопросительное предложение, частновопросительное предложение, альтернативный вопрос, сложносочиненное вопросительное предложение, сложноподчиненное вопросительное предложение, синкретизм вопросительных конструкций, эволюция структуры вопросительных предложений.

Для цитирования: Фомина С. С. Особенности общевопросительных и частновопросительных предложений в ранненовофранцузский период // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 6–15.

Original article

FEATURES OF GENERAL AND PRIVATE INTERROGATIVE PROPOSALS IN THE EARLY FRENCH PERIOD

Svetlana S. Fomina

Perm State University, Perm, Russia, svfomina@yahoo.fr

Abstract. Scientific interest in the interrogative sentence is due to the undoubted significance of this object of research, the lack of elaboration of problems related to the communicative nature and grammatical structure of the interrogative sentence, as well as the need to study interrogative constructions in a historical perspective. In the history of the formation and development of the French written and literary language, the XVI century occupies a special place: it is the initial period of the formation of the French national grammar, a period of enhanced language evolution, codification of the norms of morphology and syntax, spelling, punctuation and intonation. In the descriptive grammars of the early French period, data on the interrogative sentence are very scattered, though the interrogative sentence was widely used in speech practice in the XVI century. An interrogative sentence has a special interrogative purpose that distinguishes it from other communicative types of utterance. In terms of expression, the design of the interrogative goal setting depends on the nature of the question, the specific situation and context. This article describes the most significant features of interrogative sentences of the full composition in the French written and literary language of the XVI century and identifies the main trends in their use. The article also describes some cases of interference of communicative types of utterance in an interrogative sentence, as well as some syncretic forms of interrogative sentences. The syncretism of the interrogative constructions under consideration is found in the peculiarities of the lexical and grammatical design of the sentence. The analysis of formal features, the identification of the main types of interrogative sentences and their functional features inherent in the language of the Early French period is of interest in the light of the theory of the correlation of the communicative nature of the sentence with its grammatical structure, which is currently being actively developed.

Keywords: early French period, features of interrogative sentences of the French language of the XVI century, general interrogative sentence, partial interrogative sentence, alternative question, compound interrogative sentence, compound interrogative sentence, syncretism of interrogative constructions, evolution of the structure of interrogative sentences.

For citation: Fomina S. S. Features of general and private interrogative proposals in the early French period. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:6-15. (In Russ.).

Введение

Большинство русских и зарубежных лингвистов помимо среднефранцузского (XIV–XV вв.) и новофранцузского (XVII–XVIII вв.) периодов развития языка выделяют также ранненовофранцузский период (XVI в.). Это объясняется тем, что именно этому периоду были свойственны процессы интенсивной эволюции языка, кодификации языковых норм, становления узуса и формирования лингвистического самосознания французской нации.

Несмотря на довольно многочисленные высказывания грамматистов XVI в. по вопросам синтаксиса среди исследователей преобладает точка зрения, что они не интересовались проблемой синтаксической правильности. Грамматики данного периода редко и неполным образом могут помочь в понимании текстов XVI в., в анализе языковых явлений [Sancier-Chateau 1993: 13]. Действительно, первые французские грамматисты не придавали особого значения вопросам синтаксической правильности, однако, анализ их трудов в этом плане показал, что авторы грамматик осознавали необходимость изучения синтаксических особенностей языка.

Что касается вопросительного предложения как одного из коммуникативных типов, которое непосредственно нас интересует, то замечания относительно порядка слов в вопросительных конструкциях мы можем найти в некоторых грамматиках ранненовофранцузского периода, например, в трудах Ж. Гарнье, Р. Этьена, Ж. Пило, А. Матье. Грамматисты обращали внимание на роль местоимения и на изменение его места в вопросительном предложении [Huchon 1988: 29]. В описательных грамматиках ранненовофранцузского периода данные о французском вопросительном предложении весьма разрознены, несмотря на то, что вопросительное предложение употреблялось в речевой практике. Доказательством этому служит большое количество примеров вопросительных предложений, содержащихся в литературных произведениях XVI в. [Fragonard, Kotler 1994: 15].

Особенности языка того или иного периода наиболее ярко проявляются в живой разговорной речи. При изучении языка в определенный исторический период возникают сложности с изучением разговорной речи. Иллюстрацией разговорной речи XVI в. могут служить диалоги произведений Франсуа Рабле, Маргариты Наваррской, Де Перье, Монтеня [Rigolot 1982: 105]. Нас интересует вопросительное предложение ранненовофранцузского периода, а именно особенности выражения вопросительности в указанный период развития языка. В плане содержания в вопросительном предложении в XVI в., как и в современном языке, есть основания выделять два типа: общий вопрос и частный вопрос [Trudeau 1992: 155]. В плане выражения общего и частного вопросов в XVI в. существовали специфические особенности.

Основная часть

Общевопросительное предложение в ранненовофранцузский период

Рассмотрим основные структурные и функционально-семантические закономерности общевопросительного предложения ранненовофранцузского периода. В примерах, отобранных методом сплошной выборки из литературных произведений XVI в. Ф. Рабле

«Гаргантюа и Пантагрюэль», М. Монтеня «Опыты», М. де Валуа «Гептамерон», К. Маро «Эпитры», Б. Деперье «Кимвал мира», Ж. де ла Тай «Трагедии», общевпросительные предложения составляют приблизительно 40 % от общего количества вопросов.

Простое общевпросительное предложение в ранненовофранцузский период было представлено несколькими структурными типами:

а) инверсия местоименного подлежащего: *N'as tu pas veu tuer un de nos roys en se jouant?* (Mont, Es, I, XX, p. 86);

б) инверсия именного подлежащего: *N'as pas fait la coustume encore une chose publique de femmes à part?* (Mont, Es, I, XXIII, p. 120);

в) конструкция с репризой именного подлежащего: *Et un de ses ancestres mourut-il pas choqué par un pourceau?* (Mont, Es, I, XX, p. 86);

г) прямой порядок слов, предположительно, сопровождавшийся особой вопросительной интонацией: *Vous estes morfondue, m'amie?* (Rab, Garg, ch. V, p. 50);

д) конструкция с оборотом *-est-ce que-*: *Seroit ce pas aussi que ce repoche semble envelopper la couardise et lacheté de coeur?* (Mont, Es, L. II, ch. XVIII, p. 71).

Анализ простого вопросительного предложения показывает, что сфера распространения его структурных типов неодинакова. Так, если конструкция с инверсией местоименного подлежащего оказалась во французском языке наиболее устойчивой и продолжала широко употребляться в XVI в., то в конструкции с инверсией именного подлежащего происходили определенные сдвиги в сторону ее сокращения по сравнению со старо- и среднефранцузскими периодами. Инверсия именного подлежащего оставалась в ранненовофранцузский период возможной и функционировала в общевпросительных предложениях вплоть до конца XVI в.: “Doibt son Malheur ester estimé offense?” (Marot, Epit, p.188). Это отмечается в исследованиях многих грамматистов, например, Ж. Гугенейма. Ж. Гугенейм в своей работе «Grammaire de la langue française du XVI-e siècle» отмечал разницу между современным французским языком и языком ранненовофранцузского периода: «La principale différence avec la langue moderne est que le XVI-e siècle, comme le Moyen Age fait un emploi étendu de l'inversion du nom sujet... » [Gougenheim 1984: 212].

Однако в этот период вышеуказанная конструкция встречалась редко. Можно констатировать развитие тенденции к ее вытеснению конструкцией с репризой, которая к концу XVI в. стала нормой [Катагощина, Васильева 1997: 324]: *Vaccus ne fut-il engendré par la cuisse de Jupiter?* (Rab, Garg, ch. VI, p. 57) Для ранненовофранцузского периода было характерно также усиление тенденции к установлению прямого порядка слов в предложениях с местоименным подлежащим: *Vous voulez vous tuer?* (La T, Trag, p. 71). В текстах XVI в. встречаются также примеры постпозиции сказуемого по отношению к именному подлежащему: *Dieu voudroit donc aux siens faire ennuy et dommage?* (La T, Trag, p. 69).

Ранненовофранцузский период является периодом дальнейшей эволюции общевпросительных предложений от инверсии к прямому порядку слов. Однако в общевпросительных предложениях с местоименным подлежащим инвертированный порядок слов остается нормой. Вопросительная форма 3-го лица единственного числа

достигла большой степени устойчивости. Многие лингвисты отмечают, что в XVI в. стало возможным появление конструкции *aime-t-il* (по образцу *vient-il*) вместо соответствующей конструкции *aime-il*, то есть появление усилительной вопросительной частицы *-ti-* [Доза 1956: 272]. В изученных примерах обнаружен лишь один случай употребления подобной конструкции: *Messieurs, y a-t-il ici dangier de peste?* (Rab, Pant, ch. 32, p. 405).

Таким образом, есть основание говорить о появлении в ранненовофранцузский период усилительной частицы *-ti-*, которая, однако, еще не может рассматриваться как показатель общего вопроса: *Y a-il des verollez de par delà?* (Rab, Pant, ch. 30, p.385); *Se laisse-elle non plus mener aux conclusions de nostre raison?* (Mont, Es, I, XXI, p. 107).

Одним из существенных явлений в системе вопросительных предложений ранненовофранцузского периода является оформление общего вопроса при помощи оборота *-est-ce que-*. В ранненовофранцузский период конструкция с оборотом *-est-ce que-* заметно расширяет свои позиции. Главной особенностью является то, что именно с начала XVI в. оборот *-est-ce que-* становится средством оформления общевопросительного предложения. В XVI в. оборот *-est-ce que-* мог ещё изменяться по временам. Проанализированные примеры дают тому подтверждение: *Seroit-ce que la hardiesse, luy fut si commune...?* (Mont, Es, I, 1, ch. 1, p. 6); *Seroit-ce pas aussi que ce reproche semble envelopper la couardise et lacheté de coeur?* (Mont, Es, I, 2, ch. 18, p. 71).

В ранненовофранцузский период общевопросительное предложение могло быть также сложным и образовывать как сложносочиненное предложение, так и сложноподчиненное. Основным семантическим типом сочинительной связи предикативных единиц в ранненовофранцузский период остается связь, для выражения которой используются союзы: *-et-*, *-mais-*, *-ou-*: *Je suis icy de haan pour entendre la procédure de vostre différent, et tu me viens encores tabuster?* (Rab, Pant, ch. XI, p. 163); *Mouillez-vous pour seicher, ou vous seichez pour mouiller?* (Rab, Garg, ch. V, p. 51).

В ходе анализа материала нами было выявлено несколько примеров вопросительных предложений, основным конструктивно-грамматическим признаком которых был союз *-ou-*, то есть альтернативных конструкций. Структурный тип альтернативной вопросительной конструкции локализует коммуникативный элемент – новое в двух синтаксически равноправных членах высказывания. Ж. Поль рассматривал альтернативные вопросы на равных правах с общими и частными, то есть он выделял третий коммуникативный тип вопросительных предложений [Луев 1971: 36].

Основной критерий выделения – возможность для говорящего предложить собеседнику выбор конкретных ответов. Следует отметить, что синтаксически альтернативные вопросы не отличаются от общих, то есть в них сохраняется инверсия: *Parlent ils du magistrat, ou parlent ils à luy?* (Mont, Es, t. I, ch. XXV, p. 142).

В альтернативных вопросительных предложениях ранненовофранцузского периода вторая часть после союза часто строилась как придаточное предложение [Васильева 1996: 3–10]: *Songé-je ou si vray est-ce qu'on me dict?* (Rab, Garg, ch. III, p. 28).

Основным семантическим типом сочинительной связи предикативных единиц в ранненовофранцузский период остается связь, для выражения которой используется, в первую очередь, союз *-et-*. Литературные произведения XVI в. изобилуют примерами сложных вопросительных предложений, в которых союз *-et-* выполняет как соединительную, так и вводящую функции: *Je sue icy de haan pour entendre la procédure de vostre différent, et tu me viens encores tabuster?* (Rab, Pant, ch. XI, p. 163); *Et si la compagnie vous peut soulager, le monde ne va-il pas mesme train que vous allez?* (Mont, Es, I, XX, p. 98). Для выражения противопоставления между предикативными единицами в ранненовофранцузский период продолжал использоваться союз *-mais-*, который уже в среднефранцузский период практически вытеснил противительный союз *-ainz-*: *Toutes ces choses à ceux qui aument, sont ells licites, mais qu'on n'en sçache rien?* (MDV, Nept, p. 137)

Одной из основных особенностей сложноподчиненного общевпросительного предложения в ранненовофранцузский период является установление более разнообразных и более четко дифференцированных синтаксических связей и семантических отношений между компонентами сложного предложения по сравнению со среднефранцузским периодом. В системе подчинительных связей французского языка в ранненовофранцузский период, как и в среднефранцузский и новофранцузский периоды, все структурные признаки сложного предложения (порядок следования главного и придаточного предложений, формы времени, наклонение глаголов, лексическое наполнение) играли в основном подчиненную роль по отношению к союзу: *Voyez-vous cest home qui vient par le chemin du pont de Charanton?* (Rab, Pant, ch. IX, p. 133).

Существует мнение, что в сложноподчиненном предложении предикативность придаточных нейтрализуется предикативностью главного предложения, которая является основным выразителем коммуникативного назначения всего предложения в целом [Золотова 1973: 291]. Другие, напротив, считают, что как главное, так и придаточное предложения потенциально могут обладать вопросительной целеустановкой, но не во всех типах сложных вопросов [Терешкина 1971: 29]. По мнению В. И. Корж, вопросительность придаточной части возможна в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнительным [Корж 1974: 56].

В сложноподчиненном вопросительном предложении XVI в. оба компонента сложного вопроса (главное и придаточное предложения) не могли быть вопросительными одновременно. Вопросительная целеустановка всего сложного предложения определялась вопросительной целеустановкой одного из его компонентов. Во всех проанализированных примерах вопросительно оформленных сложноподчиненных предложений вопросительность локализуется только в главном предложении.

Наиболее часто встречающимися типами сложноподчиненных вопросительных предложений в ранненовофранцузский период были сложные предложения с придаточным дополнительным, с придаточным относительным, с придаточным условным предложением: *Comment, dit-il, rustre, à quoy juges tu que je sois à cette heure courroucé?* (Mont, Es, I, II, ch. XXXI, p. 122); *Y a-il chose qui ne vieillesse quant et vous?* (Mont, Es, I, ch. XX, p. 98); *Si*

sommes payez, ne payera-il pas comme nous? (Rab, Le QL, ch. XXI, p. 643). Основным средством выражения подчинительной связи в вопросительных предложениях с придаточным дополнительным ранненовофранцузского периода служил союз *-que-*: *Verray-je plus que ma Naiade sorte du fond de l'eau pour m'enseigner le port?* (Rons, p. 60)

Вместе с тем в структуру сложного вопросительного предложения с придаточным дополнительным мог также входить союз *-de ce que-*. Сложноподчиненное вопросительное предложение в XVI в. получило более широкое распространение, чем сложносочиненное. Оно представлено конструкциями со всеми типами придаточных, функционирующих в современном французском языке.

Частновопросительное предложение в ранненовофранцузский период

Частновопросительные предложения составляют приблизительно 60 % от общего количества вопросов. Эволюция частновопросительного предложения XVI в. шла по тому же пути, что и в общем вопросе. Основным средством выражения данного типа вопроса были вопросительное слово и инвертированный порядок слов: *Gouyatte, combien veux-tu par mois de tō labeur?* (MDV, Nept, p. 547); *Que reste-il a unvieillard de la vigueur de sa jeunesse, et de sa vie passée?* (Mont, Es, l. 1, ch. 20, p. 92); *Combien d'exemples du mespris de la douleur avons nous en ce genre?* (Mont, Es, t.1, ch. 14, p. 59).

В ранненовофранцузский период все большее распространение получили вопросительные слова в сочетании с вопросительным оборотом *-est-ce que-*. Отдельные примеры использования данного оборота встречались уже в старофранцузский период, а в среднефранцузский период *-est-ce que-*, являясь одним из важнейших признаков вопросительных предложений, служил для частного вопроса [Brunot 1966: 282]: *Où est-ce que l'on relie le mieux?* (DP, CM, d. I, p. 304).

Помимо местоимения *-que-*, наречий *-pourquoy-*, *-ou-* в подобных конструкциях встречаются и другие наречия, например, *-comment-*. Оборот *-est-ce que-* часто встречается в виде *-c'est que-*: *Ne plus ne moins, que font nos damoiselles, quand c'est qu'elles ont leur cache-laid, que vous nommez touret de nez ?* (Rab, Pant, ch. IX, p. 135). В предложениях, где вопрос задается к дополнению, встречается инверсия именного подлежащего: *Mais à qui donnera Saffredent sa voix?* (MDV, Nept, t. II, p. 250).

Альтернативный вопрос в ранненовофранцузский период мог иметь как общий характер, так и частный при наличии его конструктивно-грамматического признака-союза *-ou-*, имеющего значение альтернативы, а, следовательно, в частном вопросе мог быть представлен основными структурными типами частного вопроса: *Mais à qui me plaindray-je, ô toy malencontreuse? Aux hommes ou aux dieux?* (La T, Trag, p. 163).

В сложноподчинённых вопросительных предложениях могла выражаться вопросительность как общего так и частного характера. Предположим, что частный вопрос мог быть задан к придаточному дополнительному предложению: *Quel spectacle pensez-vous que ce leurs soit?* (Rab, Le TL, ch. 48, p. 540).

Об отнесении вопроса к содержанию придаточного предложения возможно судить в некоторых случаях по общему содержанию контекста. Проверить направление вопроса, то есть его отнесение к придаточному предложению, можно также с помощью формальной операции трансформации придаточного предложения в самостоятельное, при которой главное предложение опускается [Корж 1974: 53], например: *Que veulx-tu que j'en face?* (Rab, Le QL, ch. XXV, p. 652) > *Qu'est-ce que j'en fais?*

Основным структурным признаком сложноподчиненных вопросительных предложений, в которых вопрос может быть отнесен к содержанию придаточного предложения, является то, что вопросительное слово, напротив, входит в состав главного предложения. Так проявляется своего рода противоречие между формой и содержанием: вопросительность придаточного предложения находит свое формальное выражение в главном.

Однако подобные примеры в исследованных текстах XVI в. встречаются крайне редко. Более того, во всех примерах данных предложений придаточное дополнительное вводится глаголами *penser, croire, vouloir, falloir*, которые можно отнести к особому лексико-синтаксическому классу комментабельных глаголов. Главное предложение в подобном случае присоединяет придаточное дополнительное предложение не столько в силу грамматического характера переходности, сколько по своему функционально-семантическому содержанию, требующему раскрытия в придаточной части.

В таких предложениях вопросительность придаточной части объясняется спецификой функционирования лексико-синтаксического класса комментабельных глаголов. Вместе с тем формально вопросительная целеустановка остаётся выраженной в главном предложении. Так, в сложноподчиненном частновопросительном предложении с придаточным дополнительным вопросительная целеустановка локализовалась в главной части предложения.

Заключение

Таким образом, в ранненовофранцузский период эволюция структуры всех типов вопросительных предложений – обще-, частновопросительных шла в направлении от инверсии к прямому порядку слов. В простом вопросительном предложении в структурном выражении частного и общего вопросов прослеживаются тенденции близкие современному французскому языку. Однако средства выражения вопросительности обладали своей спецификой, свойственной только данному периоду.

Для сложного вопросительного предложения XVI в. характерно сочетание двух или нескольких вопросов, связанных союзным или бессоюзным способом, а также сочетание вопроса с частью, имеющей значения повествования или побуждения.

В сложносочиненном вопросительном предложении оба компонента могли быть вопросительными, а в сложноподчиненном вопросительном предложении вопросительным мог быть только один компонент, как правило, главное предложение.

Список сокращений

1. DP – Bonaventure Des Périers Cymbalum Mundo.

2. La T – Jean de La Taille Tragédies.
3. Marot – Clément Marot Epîtres.
4. MDV – Marguerite de Valois Heptameron.
5. Mont – Michel de Montaigne Essais.
6. Rab – François Rabelais Oeuvres complètes.
7. Rons – Pierre de Ronsard Les amours.

Список литературы

1. Васильева Н. М. Формы интерференции коммуникативных типов предложения // Лингвостилистический анализ языковых единиц на уровне текста и предложения (синхрония и диахрония). М. : Изд-во «Московский педагогический университет», 1996. С. 3–10.
2. Доза А. История французского языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. 472 с.
3. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 351 с.
4. Катагощина Н. А., Васильева Н. М. Курс истории французского языка. М. : «Диана», 1997. 421 с.
5. Корж В. И. Сложноподчиненное вопросительное предложение в современном французском языке (структура и типология) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 217 с.
6. Луев В. И. Вопросительные предложения современного французского языка. Белгород : Изд-во «Белгородский государственный педагогический институт им. М. С. Ольминского», 1971. 58 с.
7. Терешкина Л. З. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в современном французском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 28 с.
8. Brunot F. Histoire de la langue française. Paris: Colin, 1965. 320 p.
9. Fragonard M.-M., Kotler E. Introduction à la langue du XVI-e siècle. Paris: Editions Nathan, 1994. 128 p.
10. Gougenheim G. Grammaire de la langue française du XVI-e siècle. Paris: Picard, 1984. 277 p.
11. Huchon M. Le français de la Renaissance. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. 128 p.
12. Sancier-Chateau A. Introduction à la langue du XVII-e siècle. Paris: Editions Nathan, 1993. 128 p.
13. Trudeau D. Les inventeurs du bon usage (1529–1647). Paris: Les Editions de Minit, 1992. 226 p.
14. Rigolot F. Le texte de la Renaissance des Rhétoriciens à Montaigne. Genève: Librairie Droz S. A., 1982. 284 p.

Список иллюстративных источников

1. Des Périers B. Cymbalum Mundo, 1872. 426 p.
2. La Taille J. de Tragédies. Paris : Société des Textes Français Modernes, 1998. 183 p.
3. Marot C. Epîtres. Paris, 1977. 312 p.
4. Montaigne M. de Essais. Paris: Presses Universitaires de France, 1965, t. 1, 2. 1461 p.
5. Rabelais F. Oeuvres complètes. Paris, 1973. 1321 p.
6. Ronsard P. de Les amours. Paris, 1995. 423 p.
7. Valois M. de Heptameron. Paris, 1607. 589 p.

References

1. Vasil'eva N. M. Formy interferentsii kommunikativnykh tipov predlozheniya [Forms of interference of communicative types of sentences]. *Lingvostilisticheskii analiz yazykovykh edinit na urovne teksta i predlozheniya (sinkhroniya i diakhroniya)* [Linguistic and stylistic analysis of language units at the level of text and sentence (synchrony and diachrony)]. Moscow, Izd-vo «Moskovskii pedagogicheskii universitet» publ., 1996, pp. 3-10. (In Russ.).

2. Doza A. Istoriya frantsuzskogo yazyka [History of the French language]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury publ., 1956, 472 p. (In Russ.).
3. Zolotova G. A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka, 1973, 351 p. (In Russ.).
4. Katagoshchina N. A., Vasil'eva N. M. Kurs istorii frantsuzskogo yazyka [French History Course]. Moscow, «Diana», 1997, 421 p. (In Russ.).
5. Korzh V. I. Slozhnopodchinennoe voprositel'noe predlozhenie v sovremennom frantsuzskom yazyke (struktura i tipologiya) [Complex Interrogative Sentence in Modern French (Structure and Typology)]. PhD thesis. Moscow, 1974, 217 p. (In Russ.).
6. Luev V. I. Voprositel'nye predlozheniya sovremennogo frantsuzskogo yazyka [Interrogative sentences of modern French]. Belgorod, Izd-vo «Belgorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M. S. Ol'minskogo» publ., 1971, 58 p. (In Russ.).
7. Tereshkina L. Z. Funktsional'no-semanticheskie tipy voprositel'nykh predlozhenii v sovremennom frantsuzskom yazyke) [Functional-semantic types of interrogative sentences in modern French]]. PhD thesis. Moscow, 1971, 28 p. (In Russ.).
8. Brunot F. Histoire de la langue française. Paris: Colin, 1965. 320 p.
9. Fragonard M.-M., Kotler E. Introduction à la langue du XVI-e siècle. Paris: Editions Nathan, 1994. 128 p.
10. Gougenheim G. Grammaire de la langue française du XVI-e siècle. Paris: Picard, 1984. 277 p.
11. Huchon M. Le français de la Renaissance. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. 128 p.
12. Sancier-Chateau A. Introduction à la langue du XVII-e siècle. Paris: Editions Nathan, 1993. 128 p.
13. Trudeau D. Les inventeurs du bon usage (1529–1647). Paris: Les Editions de Minuit, 1992. 226 p.
14. Rigolot F. Le texte de la Renaissance des Rhétoriciens à Montaigne. Genève: Librairie Droz S. A., 1982. 284 p.

Информация об авторе

С. С. Фомина – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

S. S. Fomina – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 10.06.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 16–31.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 16-31.

Научная статья

УДК 811.112.2

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПАРЕМИЯХ

Мария Павловна Завгороднева^{1,2}

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

² Языковой центр «Dialog», Пермь, Россия, maria-deutsch@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену лингвокультурных кодов, в частности природно-ландшафтному коду и его репрезентации в русских и немецких фразеологизмах и поговорках с компонентами *Rose* и *роза*. Принято считать, что у каждого народа существуют эталоны, которые объединяют его мировидение с другими народами: получается, что то или иное наименование растения может иметь вполне устойчивые характеристики и проявлять смысловые аспекты. В то же время индивидуальность образного мышления конкретного народа может приводить к тому, что некоторые названия растений несут в себе разные качества. Фразеологизмы и поговорки, как носители исторической памяти народа, воспроизводят культурные традиции, показывают самобытность целого народа и отдельного носителя языка. Использование названий растений в качестве косвенной номинации обусловлено ассоциативно-образной связью, которая, в свою очередь, определяется национально-культурной спецификой данного языкового коллектива. В определённой культуре тот или иной вид растения может ассоциироваться либо с позитивными, либо с негативными признаками, присущими человеку. При этом некоторые фитонимы обычно маркируют как положительные, так и отрицательные качества. Основная цель данной работы заключается в выявлении и описании культурных смыслов указанных выше единиц в составе фразеологизмов и поговорок. Лингвокультурологический анализ даёт возможность охарактеризовать национально-культурную специфику немецкого и русского менталитета. Благодаря анализу поговороческих дискурсов русского и немецкого языков мы выделили как универсальное, так и специфическое в их интерпретации, что позволяет установить ценностную картину мира немцев и русских. Фразеологизмы с компонентом *роза* активно используются в современном русском языке. Значения этого компонента могут как совпадать, так и различаться в плане выражения и в плане содержания в двух языках. Поговорки русского языка акцентируют амбивалентность фитонима – наличие колючих шипов наряду с прекрасными цветами, что обуславливает установку культуры на труднодоступность всего прекрасного и горячо желаемого. Результаты проведённого исследования необходимо учитывать при преподавании русского языка как иностранного, в лекционном курсе по лингвокультурологии, при составлении лингвокультурологических словарей.

Ключевые слова: культура, язык, код культуры, природно-ландшафтный код, фразеологизм, поговорка, немецкий язык, русский язык.

Для цитирования: Завгороднева М. П. Актуализация лингвокультурного кода во фразеологизмах и поговорках // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 16–31.

Original article

ACTUALIZATION OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL CODE IN PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAROEMIAS

Maria P. Zavgorodneva^{1,2}

¹ Perm State University, Perm, Russia

² Language School «Dialog», Perm, Russia, maria-deutsch@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of linguocultural codes, in particular the natural-landscape code and its representation in Russian and German phraseological units and paremias with the component «Rose» and «роза». It is known that each nation has standards, common with other peoples, in connection with which one or another plant name has stable characteristics and semantic aspects. At the same time, individuality of figurative thinking of concrete people leads to the fact that names of plants contain different qualities. Phraseological units and paroemias as carriers of the historical memory of the people reproduce the cultural traditions, identity of the people, a native speaker. The use of plant names as an indirect nomination is conditioned by the associative-imaginative connection, which, in turn, is determined by the national-cultural specificity of the given linguistic community. This or that type of plant in a particular culture is associated either with positive or negative attributes inherent to man. At the same time, some phytonyms mark both positive and negative qualities. The main purpose of this article is to identify and describe the cultural meanings of the above-mentioned units within phraseological units and paremias. The linguocultural analysis provides an opportunity to characterize the national-cultural specificity of the German and Russian mentality. Through the analysis of the paremic discourses of the Russian and German languages we have identified both the universal and the specific in their interpretation, which allows us to establish the value picture of the world of Germans and Russians. Phraseological units with the component *rose* are actively used in modern Russian. The meanings of this component can both coincide and differ in terms of expression and in terms of content in the two languages. The paroemias of the Russian language emphasize the ambivalence of the phytonym – the presence of thorns along with beautiful flowers. This determines the attitude of culture to the inaccessibility of everything beautiful and much desired. The results of the study should be taken into account when teaching Russian as a foreign language, in a lecture course on linguoculturology, when compiling linguoculturological dictionaries.

Keywords: culture, language, culture code, natural-landscape code, phraseology, paroemia, German.

For citation: Zavgorodneva M. P. Actualization of the linguistic and cultural code in phraseological units and paroemias. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:16-31. (In Russ.).

Введение

Нация, проживающая в определённых природных условиях, вырабатывает собственное к ним отношение, фиксирующееся в языке, и поэтому каждый географический рельеф имеет свою собственную характеристику, которая в полной сохранности дошла до наших дней [Колесов 2000: 225]. В результате освоения человеком окружающей действительности возникает система знаков, которая наделена вполне определённым культурным смыслом, – совокупностью кодов культуры. Основой для культурных кодов «может выступать

практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие...» [Савицкий, Гашимов 2005: 15].

В современной лингвистике принято выделять целый ряд кодов культуры: анималистический [Шустова, Тяпугина 2020], антропоморфный [Ильичева 2022], костюмный [Ковшова 2015], кулинарный [Дмитриева, Андреева 2023], соматический [Омаров 2021], природно-ландшафтный [Шустова, Носкова 2018; Пинягин, Завгороднева 2021], аквакод [Аглеева 2022; Завгороднева 2021], орнитологический [Манова 2021], растительный код [Зайцева 2021], пространственный [Шустова, Яхьяпур, 2020] и другие.

На данный момент в научной литературе не существует единой, исчерпывающей классификации кодов культуры, которая могла бы систематизировать их многообразие. Это вызвано тем, что культурных кодов существует много, а при их наложении «возникают» новые [Розенкова, Шустова 2017: 102].

Коды культуры существуют во всех языках и культурах, находя своё отражение, помимо всего прочего, во фразеологизмах и поговорках. Некоторые из фразеологических единиц человек способен воспринимать интуитивно, что свидетельствует о наличии универсальных черт в культурных кодах, лежащих в их основе. Тем не менее, культурные коды всегда обладают национальным своеобразием, а овладение иностранным языком подразумевает также и осведомлённость о наличии пересечений и расхождений в кодах родной и целевой культур [Розенкова, Шустова 2018: 33].

Фразеологизмы известны с незапамятных времён, но возникают и новые. Одни фразеологизмы используются многие годы и даже столетия, другие – в какой-то момент выходят из активного употребления. Фразеологизмы отражают менталитет нации: по их изменениям можно проследить изменения и в менталитете. Обычно активный словарный запас включает в себя большое количество фразеологизмов. Идиомы, пословицы или сравнения часто используются носителями языка в повседневном общении, в основном – в неформальном. Особое место в лингвокультурологии занимает изучение природно-ландшафтного кода. В него входят ментальные образы, связанные с природой, ландшафтом или отдельными природно-ландшафтными объектами.

Для получения исследовательского материала нами был использован словарь Лутца Рёриха «Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten», данные «Большого словаря русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010), «Фразеологического словаря русского языка» И. В. Фетосова (2003).

В результате поиска было найдено 19 единиц (вхождений), представляющих собой фразеологизмы и поговорки с компонентами *Rose* и *роза*. Выявленные поговорки и фразеологизмы были определённым образом сгруппированы, также были осуществлены их лингвокультурологическое комментирование и сопоставительный анализ. Помимо этого, нами использован исследовательский ресурс Google Books Ngram Viewer, немецкоязычный корпус DWDS, корпуса языков Лейпцигской лаборатории и Национальный корпус русского

языка, послужившие иллюстративным источником функционирования фразеологизмов. Целью настоящей статьи является лингвокультурологический анализ фразеологизмов и паремий, содержащих лексемы *Rose* и *роза*.

Основная часть

Роза – уникальный цветок с большим количеством культурных смыслов. Благодаря её красоте и неповторимому аромату она считается царицей цветов. С древних времён роза ассоциируется с любовью, а быстрота увядания этого цветка сделала его символом смерти и хрупкости. В древнегреческом мифе роза вырастает из крови умирающего возлюбленного Афродиты Адониса и становится атрибутом богини любви. Согласно другому преданию, роза родилась вместе с Афродитой из морской пены и поначалу была белой, но от капельки крови богини, уколовшейся о шип, стала алой.

В древнем Риме существовал праздник Розалии – чествование памяти умерших, во время которого гробницы украшались венками из роз. Римляне верили, что роза вселяет мужество, поэтому надевали на воинов вместо шлемов венки из роз, а на щитах выбивали изображение розы. Этими цветами усыпался и путь возвращающихся с войны победителей, украшались их колесницы.

Когда обнаружили, что соцветие семейства розовых имеет пятиречную симметрию, то есть представляет собой пентаграмму, образ розы получил дополнительное значение тайны. В Древнем Риме вешали над столом ветку розы как символ того, что произнесённое под розой должно остаться в тайне. С тех пор и сохранилось выражение *sub rosa dictum* ('под розой сказано'). Именно поэтому изображение розы присутствует на скатертях в трактирах, в залах, ратушах, а также в исповедальнях [Моложавенко 1993: 24].

Роза часто встречается в сагах и легендах. В Германии существует легенда о «тысячелетнем» розовом кусте, растущем на внешней стене апсиды в Хильдесхаймском соборе. Точная дата появления Хильдесхаймской розы неизвестна, легенда называет 815 г. Согласно этой легенде Людовик Благочестивый потерял на охоте реликварий с мощами девы Марии, а слуга нашёл пропажу в снегу на цветущем кусте роз. Император расценил это как предзнаменование и приказал основать на этом месте часовню, которая позже стала Хильдесхаймским собором. Во время войны, 22 марта 1945 г., куст сильно пострадал, думали, что он засох, однако корни растения не были повреждены, и уже весной 1945 г. появились новые ветви, а к 1948 г. розовый куст полностью восстановился [Bächtold-Stäubli, Hoffmann-Krayer 1987: 777].

Большую известность в Германии получила и средневековая легенда о ландграфине Елизавете Венгерской. Суровый муж запрещал ей подавать милостыню бедным, но однажды она несла в корзине хлеб, чтобы раздать его нищим и по пути встретила мужа. «Что там?» – спросил он строго. Святая, вспомнив о всяческих карах, которыми он грозил не только ей, но и её подопечным, солгала: «Розы». «Покажи!» – приказал муж. Елизавета открыла корзину, и случилось чудо – там действительно оказались розы. В Эльзасе существовала легенда о розовом кусте, расцветающем в канун рождества. Считалось, что он берёт своё

происхождение от куста, на котором дева Мария сушила пелёнки младенца Иисуса. Чем дольше цвёл этот куст, тем плодороднее был год [Bächtold-Stäubli, Hoffmann-Krayer 1987: 777] (перевод – М. З.).

В Германии с розой связаны и различные приметы. Например, если на одном стебле одновременно цвели три розы, это означало скорую помолвку. Роза зацвела осенью – к свадьбе. Чем дольше оставались свежими подаренные на крестины розы, тем дольше проживёт ребёнок. На розах гадали, бросая их в ручей: если две розы плыли друг за другом, то это также означало скорую свадьбу. По розе определяли пол будущего ребёнка. Беременной предлагали два цветка – розу и лилию: если она выбирала лилию, то считалось, что родится мальчик, а если розу – девочка [Bächtold-Stäubli, Hoffmann-Krayer 1987:778] (перевод – М. З.).

В Россию первая махровая, «бархатная», как тогда называли, роза была привезена немецким послом в XVII в. для царя Михаила Фёдоровича. В садах стали разводить розы при Петре I и в особенности при Екатерине II в Царскосельском парке. В начале XIX в. «розовое поле» в этом парке было отведено лицеистам для игр. Розы в России были дорогими цветами, их выписывали из Франции и выращивали только в садах зажиточных людей [Верзилин 1995: 125].

Die Rose определяется словарями как: 1) *als Strauch wachsende, Stacheln tragende Pflanze mit gefiederten Blättern und vielblättrigen, meist duftenden Blüten in verschiedenen Farben*; 2) *einzelne Rosenblüte mit Stängel*; 3) *Rosette; Fensterrose*; 4) *Schallloch bei Laute und Gitarre; Schallrose*; 5) *Wundrose*; 6) *meist fünfblättrige stilisierte Rose (als pflanzliches Ornament)* [DOW]; 7) *Blatt des Kompasses*; 8) (*Jägerspr.*) *Geweihansatz* [Wahrig 2011: 1243].

В этимологии немецкой лексемы *Rose* прослеживается следующее.

Ср.-в.нем. *rōse*, др.-в.нем. *rōsa*, ср. нидерл. *rose*. Как и др. англ. *rōse* восходит к *rosa* (с долгим первым слогом), которое восходит к греч. (диалект.) *rhóson*, оно же восходит к греч. *rhódon*. Существительное пришло в греческий язык из иранского. Дальнейшая этимология не прослеживается. В переносном значении «*Rose*» используется для обозначения острого, инфекционного заболевания «*Wundrose*» («рожистое воспаление») из-за цвета покраснения кожи [Kluge 1999: 692] (перевод – М. З.).

Роза определяется словарями как: 1. Кустарниковое растение семейства розоцветных с красивыми крупными душистыми цветками и со стеблем, обычно покрытым шипами, а также сам такой цветок. 2. Архитектурное или ювелирное украшение, схематически воспроизводящее форму такого цветка (спец.) [Ожегов, Шведова 1996: 671]. 3. Сорт скороспелого картофеля (обл.) [СРНГ, 2001: 158]. 4. Фигурное печенье из крупитчатой муки [там же]. 5. Возлюбленный, милый, возлюбленная, милая [там же]. 6. Заразная болезнь кожи; рожа [там же]. В говорах ряда регионов Сибири *сибирская роза* означает крапиву, а *сахарной розой* обычно называют бальзамин султанский [Федоров 1983: 167].

Укр. *рóза* (обычно *троянда*, откуда *трояндовий* («розовый»)); обл. *рóжа*, *рúжа*, *рожéвий* («розовый»); блр. *рúжа*, *рúжавы* («относящийся к розе»), но *ружóвы* («розовый о цвете»); болг. *рóза*, *рóзов*; с.-хорв. *рúжа*, *рúжин* («относящийся к розе»), *рúжичаст* («розовый» о цвете); словен. *roža*, *rožen*, но (о цвете) *rožnat*; чешск. *ruže*, *ružový*; польск. *róža*,

róžanu («относящийся к розе»), *róžowu* («розовый о цвете»). В русском языке слово *роза* известно, по крайней мере, с XVI в. Ср. в «Пар. сл. моск.», 1586 г., 454; *des rozes – rosse* [там же; издателем (139) указан и более ранний пример: роза – в «Травнике» (лечебнике) 1534 г.]. И. И. Срезневский (III,140) отмечает, рожа («роза») [в одном из списков «Книги премудрости Соломона», гл. 2, стих 8 (без даты): Венчаемъ насъ *рожами*; в поздних изданиях Библии читается иначе: «увѣнчанмъ насъ шиковыми цвѣты»]. Форма *рожа* почти до конца XVIII в. употреблялась как нормальная. Ср. П. Алексеев, ЦС, Дон. I, 1776 г., 218: *рожа* – «щипок», «роза». По-видимому, – из латинского языка, через лечебные руководства. Ср. латин. *rosa* [которое само восходит к греч. *ῥόδον, ῥόζα* – «роза», а в греческом языке, оно древнеперсидского происхождения (др.-иран. корень **urda-* > новоперс. гол)]. К латинскому источнику восходят западноевропейские формы: франц. *rose*; англ. *rosa*; нем. *Rose*; ит. *rosa* и другие [Черных 1999: 120].

Проведённый лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами *Rose* и *роза* позволил нам выделить следующие образы фразеологизмов и паремий.

1) Счастье: (*wie*) *auf Rosen gebettet sein, auf Rosen gehen, auf lauter Rosen sitzen* (досл. «почивать на розах»; «быть очень счастливым человеком»); *усыпать чей-л. путь розами* (сделать чью-л. жизнь лёгкой, счастливой).

Фразеологизмы со схожим компонентом встречаются во многих европейских языках: нидерланд. «*op rozen gaan*», франц. «*être (couché) sur des roses*», «*son chemin est jonché de roses*», англ. «*their path is strewn with roses*». Фразеологизмы берут свои корни в представлении о розе, как о цветке радости и веселья. На древнеримских фресках пирующие часто изображались с венками роз на головах, и до сих пор лепестками роз осыпают новобрачных.

В Древнем Риме выражение «*iacere in rosa*» (досл. «почивать на розах») использовалось в прямом значении. Розы ставили в чашах на пирах, украшали ими колонны и стены парадных залов. Во время пиршеств Нерона гостей осыпали лепестками роз; один из его приемников – император Гелиогабал, желая поразить своих гостей щедростью, приказал осыпать пирующих розами. По приказу Клеопатры, пол в зале для пиров покрывался розовыми лепестками. У древнеримского политика Гая Вереса имелся матрас, набитый лепестками роз, и путешествовал он в венке из этих цветов. О сибаритах, жителях известного в древности богатого города в Лукании, рассказывали, что они спали на матрасах, набитых лепестками роз.

В немецкий язык фразеологизм пришёл из латинского и используется только в переносном значении, как например, в шпрухе Мартина Лютера:

Des Christen Herz auf Rosen geht,

Wenn's mitten unterm Kreuze steht.

В переносном значении используется и субстантивированный вариант фразеологизма – «*das Rosenstreuen*» (досл. рассыпание роз»). Он встречается в балладе «*Lebenspflichten*» немецкого поэта-лирика Людвиг Гёлти (1748–1776):

Rosen auf den Weg gestreut

Und des Harmes vergessen!

Старая пословица «*Es ist nicht auf den Rosenblättern zu bauen*», встречающаяся в 1541 г. в работах немецкого философа-мистика Себастьяна Франка (1499–1542), имеет следующее значение: тот, на кого бросают лепестки роз, должен воспринимать это как мимолётную любезность [Rohrig 2001: 1253] (перевод – М. З.): *Auf Rosen gebettet. Was für ein Wort! Wenigstens du sollst auf Rosen gebettet sein! Das war ihr Wunsch für mein Leben, so wie es ihr Wunsch für ihr eigenes Leben gewesen war* [Otti Pfeiffer, der Nachlass, 2000, S. 18, Ngram]; *Da gibt es Kinder, die reiche Eltern haben, ein Leben lang auf Rosen gebettet sind und dann noch schwer erben, wenn ihre Eltern sterben* [DWDS, Süddeutsche Zeitung, 06.07.2017]; *Но мы молчали, а она, обождав немного, снова принялась за свое, расхваливая неких удачливых счастливиц, прибравших к рукам превосходных мужей, которые усыпают их путь розами, сплошь одними розами...* [Людмила Уварова. Одинокий с собакой снимет комнату // Библиотека «Огонек», 1990, НКРЯ].

2) Двойственность: *das wird ihm keine Rose tragen* (досл. «это ему не принесёт розу»; «это не принесёт ему желаемого удовольствия»); *нет розы без шипов*. Немецкий фразеологизм вышел из современного использования. Французский эквивалент «*il ne l'emportera pas en paradis*». Разговорное сравнение «*Rose unter den Dornen*» (роза среди шипов) впервые встречается в книге, входящей в состав еврейской Библии и Ветхого Завета, «Песнь песней Соломона» [Песн. 2:2] «*Wie eine Rose unter den Dornen, so ist meine Freundin unter den Töchtern*» (Что лилия между тёрнами, то возлюбленная моя между девицами) [Rohrig 2001: 1253] (перевод – М. З.).

Фразеологизм «*нет розы без шипов*» – один из наиболее частотных в русском языке. В нем утверждается, что всё хорошее и привлекательное имеет и свои дурные стороны [Фетосов 2003: 441]. В русском языке существуют синонимичные паремии: *Хорош цветок, да остёр шипок* [Даль 1996: 101]; *Где розы – там и тернии* [Мокиенко 2010: 763]; *Нет розы без шипов, нет молодца без задоринки* [там же]; *Роза духовитая, да колючки у ей* [там же].

Как указывает В. Андреева, «единица берёт свои корни в христианской символике розы», потому что «в христианстве она представляет собой символ Христа и Девы Марии, Царицы небесной» [Андреева, Куклев, Ровнер 2004: 419].

Богоматерь называют *розой без шипов*; согласно Св. Амвросию, в раю роза не имела шипов; после грехопадения на розе появились шипы, призванные напоминать человеку о его падении, в то время как запах и красота самих цветов продолжают напоминать ему о рае [там же].

Баня, «лавочка», прогулки, книги, кружки самообразования, лекции – всё это были розы нашей тюремной жизни; но, как известно, – нет розы без шипов [Р. В. Иванов-Разумник. Тюремьы и ссылки (1934–1944), НКРЯ].

– *Что и говорить, прекрасное, – согласился Семен Яковлевич, – но нет розы без шипов* [А. И. Куприн. Яма (1909–1915), НКРЯ].

3) Девственность: *Rosen brechen* (досл. «сломать розы»; «лишить девственности»). Во многих фразеологизмах *Rose* является символом девственности. Например, о девушке, потерявшей девственность, говорили «*Die Rose ist früh gepflückt*» (розу рано сорвали), нидерл. вариант: *Het roosje is te vroeg geplukt*.

Pflücket die Rose,

Eh' sie verblüht! говорится в стихотворении швейцарского поэта Мартина Устери (1763–1827) «*Freut euch des Lebens*» (1793), ставшем впоследствии народной песней. Не только в народных песнях сорванные красные розы являются эротическим символом; немецкий педагог-демократ, создатель самой большой из существующих ныне коллекций немецкоязычных пословиц Карл Вандер (1803–1879) указывает на многочисленные пословицы с этим эвфемистическим значением, например, «*Wer Rosen da will brechen, der scheu die Dornen nicht*» («кто захочет сломать розы, того не испугают шипы»).

В немецкой народной песне есть следующие строки:

Als ich im Gärtlein war,

Nahm ich der Blümlein wahr,

Brach mir ein Roselein,

Das sollt mein eigen sein.

Мотив розы как символа девственности активно используется в немецкой литературе эпохи Просвещения и у представителей литературного движения «Буря и натиск». «Сорвал розу, прежде чем буря унесла её лепестки» – этой фразой заканчивается одна из самых известных драм в немецкой литературе «Эмилия Галотти» Готхольда Эфраима Лессинга (1772). В произведении тема изнасилования, то есть *Brechen der Rose*, ассоциируется с насильственной смертью [Rohrig 2001: 1253] (перевод – М. З.).

Поскольку розу особенно часто связывают с красным цветом, она является повторяющимся мотивом сексуальности. Везде, где она появляется, её ломают, как например, в стихотворении Гёте «*Heidenröslein*» (1825):

Sah ein Knab' ein Röslein stehn,

Röslein auf der Heiden,

War so jung und morgenschön,

Lief er schnell es nah zu sehn,

Sah's mit vielen Freuden.

Röslein, Röslein, Röslein roth,

Röslein auf der Heiden.

Knabe sprach: ich breche dich,

Röslein auf der Heiden!

Röslein sprach: ich steche dich,

Daß du ewig denkst an mich,

Und ich will's nicht leiden.

Röslein, Röslein, Röslein roth,

Röslein auf der Heiden.

*Und der wilde Knabe brach
 's Röslein auf der Heiden;
 Röslein wehrte sich und stach,
 Half ihm doch kein Weh und Ach,
 Mußt' es eben leiden.
 Röslein, Röslein, Röslein roth,
 Röslein auf der Heiden.*

Фразеологизм вышел из современного использования [Rohrig 2001: 1254] (перевод – М. З.).

4) Несбыточные мечты: *sie ist einmal bei einer Rose vorbeigegangen* (досл. «однажды она прошла мимо розы»); она представляет себя молодой и цветущей); *wenn's schneiet rote Rosen* (досл. «когда пойдёт снег из красных роз»; «когда рак на горе свистнет»).

Немецкий поэт–сатирик эпохи Реформации Иоганн Фишарт (1546–1591) в «*Ehezuchtbüchlein*» (1577) пишет, что те, кто при женитьбе обращают внимание на красоту лица, а не на доброту – *die Rose küssen und nicht daran riechen* – «целуют розу и не чувствуют запаха».

Выражение «*wenn's schneiet rote Rosen*» (досл. «когда пойдёт снег из красных роз»; «когда рак на горе свистнет») используется часто в немецких народных песнях для описания событий, которые никогда не произойдут; например, стихотворение немецкого поэта Эмануэля Гейбеля (1815–1884), которое называется «*Wenn es rote Rosen schneit*».

Немецкий поэт Фридрих Рюккерт (1788–1866) писал:

*Hatt' ich wirklich dem Wunsche geglaubt
 Dass ihm genüg' am Rosenblatte!
 Wie die Ros' ihm ein Blatt erlaubt,
 Ruht' er nicht, bis die Ros' er hatte.*

Важное место в народных песнях занимает *розарий*. Это не только место встречи влюблённых, но и эвфемизм для кладбища.

*Im Rosengarten
 will deiner warten,
 im weißen Schnee,
 im grünen Klee.*

Немецкий этнолог Курт Ранке (1908–1985) отмечает, что розарий изначально был древнегерманским местом поклонения, где хоронили умерших и вершили правосудие [Rohrig 2001: 1253] (перевод – М. З.). Фразеологизмы вышли из современного использования.

5) Тайна: «*unter der Rose reden*» (досл. «говорить под розой»; «говорить в тайне»). Единица встречается в других европейских языках: англ. «*under the rose*»; нидерланд. «*onder de roos*». Фразеологизм впервые зафиксирован в немецком языке около 1500 г. в трудах проповедника позднего средневековья Иоганна Гейлера фон Кайзерсберга (1445–1510) «*unter den Rosen kosen*». Его значение восходит к представлению о том, что в древние времена белая роза была символом таинственности и любви. По древнеримскому мифу, Купидон подарил её врачу и хранителю молчания Гиппократу, чтобы тот хранил в тайне похождения Афродиты. Именно поэтому в монастырях над столами рисовали или вешали

розу, как предупреждение, что всё сказанное за столом, сохраняется в тайне. Отсюда латинское выражение «*sub rosa*», зафиксированное в немецком и английском со времён гуманизма и переведённое «*unter der Rose*». Монах из Тегернзее писал:

*Quidquid sub rosa fatur
repetitio nulla sequatur.
Sint vera vel ficta,
sub rosa tacita dicta.
Si quid foris faris
haud probitate probaris.*

У Иоганна Фишарта в произведении «*Bienenkorb*» (1579) встречается: *Sie mögen darvon, wann sie unter den Rosen sitzen mit etlichen Kannen rheinischen Weins magistralisch dispitieren.* Иоганн Гермингаус в 1649 г. пишет: *Odi memorem compotorem. Was wir hier kosen oder bedryven, dat soll under dieser Rosen blyven. Al hie unter der Rosen gesagt* [Rohrig 2001: 1254] (перевод – М. З.).

Фразеологизм вышел из современного использования.

б) Радостные воспоминания: *как хороши, как свежи были розы.*

Фразеологизм – строка из стихотворения И. П. Мятлева (1796–1844) «Розы». Она несколько раз повторяется в стихотворении в прозе И. С. Тургенева, озаглавленном этим же стихом (1882). В Третьяковской галерее в Москве находится скульптура В. А. Беклемишева (1861–1920) «Как хороши, как свежи были розы» [Ашукин, Ашукина 1986: 291].

«*Как хороши, как свежи были розы!..*» – вспоминается мне и хочется долго, тихо плакать [В. А. Швец. Дневник (1984), НКРЯ].

Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною – и чудится скучный, старческий шепот... Как хороши, как свежи были розы... Встанут передо мною другие образы... [И. С. Тургенев. Стихотворения в прозе. I. Senilia (1878–1882), НКРЯ].

7) Воскресение: *иерихонская роза.*

Иерихонская роза – название нескольких видов однолетних пустынных растений, высыхающих после созревания семян и образующих небольшие шары, которые отламываются от корня и перекатываются ветром (перекати-поле); в сырую погоду семена высыпаются и прорастают, словно оживая.

В христианстве это растение называют «цветком Воскресения», так как оно символизирует Воскресение Иисуса Христа. По преданию, Святая Дева обрела бессмертие, положив цветок на одежды младенца Христа. Иерихонская роза расцвела, когда Святое семейство вынуждено было бежать в Египет, и в день Рождества Христова, а вот во время его Распятия на Голгофе цветок стал сухим комочком. Он вновь возродился, ожил в первый день Пасхи. И в арабских сказаниях, среди жителей пустыни распространён христианский миф о «цветке Воскресения», но форма цветка в их восприятии – это ладонь руки, а не роза. Отсюда и другие названия цветка: «Рука Марии», «Рука Девы», «Рука Пророка» и «Рука Милосердного» [Хомутникова 2011: 481].

Кассирша из себя стала розу иерихонскую строить, я ей всё сказала, что думаю, я правду люблю... (И. Шприц. Три песни о Родине, НКРЯ).

Бочанцев тяжело вылезает из «газика» и медленно идёт в тень. И вдруг видит знакомый кулачок Иерихонской розы, торчащий из раскалённого песка (В. Лебедев. Зелёные кочевники / Вокруг света, октябрь 2010, НКРЯ).

Заключение

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что фитоним *роза* занимает важное место как в русской, так и в немецкой лингвокультуре. Он метафоризируется, символизируется, используется в составе фразеологических единиц и паремий. Но за исключением «*Wundrose*» (рóжа – медицинский термин, достаточно активно используемый и сегодня), почти все представленные в статье немецкие фразеологизмы относятся к устаревшим. Они вышли из активного употребления по разным причинам: одни из них обозначают понятия, которые уже больше не встречаются, как например, оккультизм и масонство, широко распространённые в Средние века. Другие, как например, фразеологизм *das wird ihm keine Rose tragen* появились под влиянием Библии, оказавшей большое влияние на жизнь и мысли людей.

С процессом секуляризации, начавшимся в Европе в конце XIX в., религиозное влияние уменьшилось, и возникший фразеологизм вышел из употребления. С изменением роли женщины некоторые единицы также теряют свою значимость, например, *Rosen brechen, sie ist ein mal bei einer Rose vorbeigegangen*.

С ослаблением влияния латыни исчезли и фразеологизмы, заимствованные из этого языка, например, *unter der Rose reden*. Тем не менее, устаревшие фразеологизмы интересны для изучения, так как несут информацию о жизни в прежние времена.

Фразеологизмы с компонентом *роза* активно используются в современном русском языке. Помимо этого, значения (смыслы) этого компонента могут как совпадать, так и различаться в плане выражения и в плане содержания в двух языках. Паремии русского языка акцентируют амбивалентность фитонима – наличие колючих шипов наряду с прекрасными цветами, что обуславливает установку культуры на труднодоступность всего прекрасного и горячо желаемого.

Результаты проведённого исследования необходимо учитывать при преподавании русского языка как иностранного, в лекционном курсе по лингвокультурологии, при составлении лингвокультурологических словарей.

Список литературы

1. Аглеева З. Р. Сакрализация воды в различных лингвокультурах // Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (83). С. 5–11.

2. Андреева В. и др. Символы, знаки, эмблемы : энцикл. М. : ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2004, 598 с.

3. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М. : Правда, 1986. 768 с.
4. Верзилин Н. М. Путешествие с домашними растениями. М. : Педагогика-Пресс, 1995. 192 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Т.4: Р–V. СПб. : ТОО «Диамант», 1996. 688 с.
6. Димитриева О. А., Андреева Д. В. Кулинарный код культуры в демотиваторах и современная интернет-коммуникация // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 12. № 3. С. 97–105.
7. Завгороднева М. П. Аквакод русской и немецкой культур на примере фразеологизмов и паремий // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 59–67.
8. Зайцева М. В. Деньги в растительном коде русской лингвокультуры // Филология и культура. 2021. № 4(66). С. 61–65.
9. Ильичева И. Л. Реализация антропоморфного кода культуры в ономастическом пространстве Брестского региона // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (12). С. 54–63.
10. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. Монография. М. : Гнозис, 2015. 368 с.
11. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 365 с.
12. Манова И. И. Еще раз об изучении орнитологического кода в русской культуре в сопоставлении с болгарской // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 232–244.
13. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.
14. Моложавенко В. С. Тайна красоты: Книга о цветах. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 384 с.
15. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 2023 г.).
16. Носкова И. В., Шустова С. В. Природно-ландшафтный код английской культуры в лингводидактическом аспекте (на материале паремий и фразеологизмов) : монография. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2018. 128 с.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М. : АЗЪ, 1996. 928 с.
18. Омаров А. А. Семема «ухо» в репрезентации соматического кода культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. № 7 (2). С. 80–91.
19. Пинягин Ю. Н., Завгороднева М. П. Фразеологические единицы с опорным компонентом Ваиш // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 4–14.
20. Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 05.05.2023).
21. Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.

22. Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Анималистический код английской культуры в лингводидактическом аспекте : монография. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2018. 152 с.
23. Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Лингвокультурный код (состав и функционирование) : монография. М. : Изд-во «Московский городской педагогический университет», 2005. 170 с.
24. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 35. СПб. : Наука. 2001. 360 с.
25. Федоров А. М. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск : Наука, 1983. 232 с.
26. Фетосов И. В. Фразеологический словарь русского языка. М. : ЮНВЕС. 2003. 608 с.
27. Хомутникова Е. А. Фразеологизм РОЗА ИЕРИХОНА как предмет лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3(33). С. 479–483.
28. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 13 560 слов. Т. 2. М. : Русский язык, 1999. 560 с.
29. Шустова С. В., Тяпугина А. Е. Анимализмы в русской и английской лингвокультурах // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 45–53.
30. Шустова С. В., Яхьяпур М. Ценностные представления о земле и небе: лингвокультурологический анализ фразеологизмов и паремий русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 3. С. 197–204.
31. Электронная библиотека «RuLit» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/emiliya-galotti-read-116525-20.html> (дата обращения: 05.05.2023).
32. Bächtold-Stäubli H., Hoffmann-Krayer E., Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin: Walter de Gruyter, 1987. 4365 p.
33. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 05.01.2023).
34. Deutsches Wörterbuch. Wahrig. Herausgegebenen von Dr. Renate Wahrig Burfeind. Wissen Media Verlag GmbH, Gutersloh / München (vormals Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH), 2011. 1730 p.
35. DOW – Duden-online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 2023).
36. Duden das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Herausgegebenen von Anette Auberle, Anette Klosa. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 957 p.
37. Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 2023 г.).
38. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin. New York, 1999. 921 p.
39. Rohrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 4. Freiburg: Herder spektrum, 2001. 395 p.

References

1. Agleeva Z. R. Sakralizatsiya vody v razlichnykh lingvokul'turakh [Sacralization of water in various linguistic cultures]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities Studies]. 2022, no. 3 (83), pp. 5-11. (In Russ.).
2. Andreeva V. i dr. Simvolyy, znaki, emblemy [Symbols, signs, emblems]. Moscow, ООО «Izd-vo Astrel'» publ., ООО «Izd-vo АСТ» publ., 2004, 598 p. (In Russ.).
3. Ashukin N. S., Ashukina M. G. Krylatyye slova. Literaturnyye tsitaty. Obraznyye vyrazheniya [Winged words. Literary quotations. figurative expressions]. Moscow, Pravda publ., 1986, 768 p. (In Russ.).

4. Verzilin N. M. Puteshestvie s domashnimi rasteniyami [Traveling with houseplants]. Moscow, Pedagogika-Press publ., 1995, 192 p. (In Russ.).
5. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4: R-V, Saint Petersburg, TOO «Diamant» publ., 1996, 688 p. (In Russ.).
6. Dimitrieva O. A., Andreeva D. V. Kulinaryi kod kul'tury v demotivatorakh i sovremennaya internet-kommunikatsiya [Culinary code of culture in demotivators and modern Internet communication]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication science]. 2023, vol. 12, no. 3, pp. 97-105. (In Russ.).
7. Zavgorodneva M. P. Akvakod russkoi i nemetskoi kul'tur na primere frazeologizmov i paremii [Aquacode of Russian and German cultures on the example of phraseological units and proverbs]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian research. History and Philology]. 2021, no. 1, pp. 59-67. (In Russ.).
8. Zaitseva M. V. Den'gi v rastitel'nom kode russkoi lingvokul'tury [Money in the vegetable code of Russian linguistic culture]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture]. 2021, no. 4(66), pp. 61-65. (In Russ.).
9. Il'icheva I. L. Realizatsiya antropomorfno koda kul'tury v onomasticheskom prostranstve Brestskogo regiona [Implementation of the anthropomorphic code of culture in the onomastic space of the Brest region]. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. 2022, no. 4 (12), pp. 54-63. (In Russ.).
10. Kovshova M. L. Semantika golovno ubora v kul'ture i yazyke. Kostyumnyi kod kul'tury [Semantics of the headdress in culture and language. Suit culture code]. Moscow, Gnozis publ., 2015, 368 p. (In Russ.).
11. Kolesov V. V. Drevnyaya Rus': nasledie v slove [Ancient Rus': heritage in the word. Man's world]. Mir cheloveka publ., Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta publ., 2000, 365 p. (In Russ.).
12. Manova I. I. Eshche raz ob izuchenii ornitologicheskogo koda v russkoi kul'ture v sopostavlenii s bolgarskoi [Once again about the study of the ornithological code in Russian culture in comparison with Bulgarian]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies]. 2021, no. 2 (45), pp. 232-244. (In Russ.).
13. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Bol'shoi slovar' russkikh poslovits: okolo 70000 poslovits [Big dictionary of Russian proverbs: about 70,000 proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp publ., 2010, 1023 p. (In Russ.).
14. Molozhavenko V. S. Taina krasoty: Kniga o tsvetakh [The Secret of Beauty: The Book of Flowers]. Moscow, Pedagogika-Press publ., 1993, 384 p. (In Russ.).
15. NKRYa - Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [NKRYA - National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 2023).
16. Noskova I. V., Shustova S. V. Prirodno-landshaftnyi kod angliiskoi kul'tury v lingvodidakticheskom aspekte (na materiale paremii i frazeologizmov) [Natural-landscape code of English culture in the linguodidactic aspect (on the material of proverbs and phraseological units)]. Perm', ANO DPO «Permskii institut ekonomiki i finansov» publ., 2018, 128 c. (In Russ.).
17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, AZ" publ., 1996, 928 p. (In Russ.).

18. Omarov A. A. Semema «ukho» v reprezentatsii somaticheskogo koda kul'tury v darginsoi i arabsoi frazeologicheskikh kartinakh mira [Sememe "ear" in the representation of the somatic code of culture in the Dargin and Arabic phraseological pictures of the world]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2021, no. 7 (2), pp. 80-91. (In Russ.).
19. Pinyagin Yu. N., Zavgorodneva M. P. Frazeologicheskie edinit'sy s opornym komponentom Baum [Phraseological units with the basic component Baum]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian humanitarian journal]. 2021, no. 1, pp. 4-14. (In Russ.).
20. Pravoslav'naya entsiklopediya «Azbuka very» [Orthodox Encyclopedia "ABC of Faith"]. (In Russ.). Available at: <https://azbyka.ru> (accessed: 05.05.2023).
21. Rozenkova Kh. E., Shustova S. V. Lingvokul'turnyi kod: opredelenie, problema klassifikatsii, rol' v mezhkul'turnoi kommunikatsii [Linguocultural code: definition, classification problem, role in intercultural communication]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian humanitarian journal]. 2017, no. 2, pp. 101-104. (In Russ.).
22. Rozenkova Kh. E., Shustova S. V. Animalisticheskii kod angliiskoi kul'tury v lingvodidakticheskom aspekte [Animal code of English culture in linguodidactic aspect]. Perm', ANO DPO «Permskii institut ekonomiki i finansov» publ., 2018, 152 p. (In Russ.).
23. Savitskii V. M., Gashimov E. A. Lingvokul'turnyi kod (sostav i funktsionirovanie) [Linguistic and cultural code (composition and functioning)]. Moscow, Izd-vo «Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet» publ., 2005, 170 p. (In Russ.).
24. SRNG - Slovar' russkikh narodnykh govorov [SRNG - Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 35, Saint Petersburg, Nauka publ., 2001, 360 p. (In Russ.).
25. Fedorov A. M. Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri [Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk, Nauka publ., 1983, 232 p. (In Russ.).
26. Fetosov I. V. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, YuNVES publ., 2003, 608 p. (In Russ.).
27. Khomutnikova E. A. Frazeologizm ROZA IERIKhONA kak predmet leksikograficheskogo opisaniya [Phraseologism ROSE OF JERICHO as a subject of lexicographic description]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. 2011, no. 3(33), pp. 479-483. (In Russ.).
28. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. 13 560 slov [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. 13,560 words]. Vol. 2, Moscow, Russkii yazyk publ., 1999, 560 p. (In Russ.).
29. Shustova S. V., Tyapugina A. E. Animalizmy v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh [Animalisms in Russian and English Linguistic Cultures]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian humanitarian journal]. 2020, no. 3, pp. 45-53. (In Russ.).
30. Shustova S. V., Yakh'yapur M. Tsennostnye predstavleniya o zemle i nebe: lingvokul'turologicheskii analiz frazeologizmov i paremii russkogo yazyka [Value ideas about earth and sky: linguoculturological analysis of phraseological units and proverbs of the Russian language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 197-204. (In Russ.).
31. Elektron'naya biblioteka «RuLit» [Electronic library "RuLit"]. (In Russ.). Available at: <https://www.rulit.me/books/emiliya-galotti-read-116525-20.html> (accessed: 05.05.2023).
32. Bächtold-Stäubli H., Hoffmann-Krayer E., Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin: Walter de Gruyter, 1987. 4365 p.

33. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 05.01.2023).
34. Deutsches Wörterbuch. Wahrig. Herausgegebenen von Dr. Renate Wahrig Burfeind. Wissen Media Verlag GmbH, Gutersloh. München (vormals Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH), 2011. 1730 p.
35. DOW – Duden-online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 2023).
36. Duden das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Herausgegebenen von Anette Auberle, Anette Klosa. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 957 p.
37. Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 2023 г.).
38. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin. New York, 1999. 921 p.
39. Rohrich L., Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 4. Freiburg: Herder spektrum, 2001. 395 p.

Информация об авторе

М. П. Завгороднева – магистр педагогических наук, соискатель,
кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный
исследовательский университет, языковой центр «Dialog».

Information about the author

M. P. Zavgorodneva – Master of Pedagogical Sciences,
Applicant, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University, Language School «Dialog».

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 10.06.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 32–38.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 32-38.

Научная статья

УДК 811; 161.1

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В «ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРЕ СЛЕНГА И ЖАРГОНА «СЛЕНГЕР»

Ольга Борисовна Багринцева¹, Галина Владимировна Файзиева²

^{1,2} Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹ bagrintsevaob@rambler.ru

² fayzievagv@yandex.ru

Аннотация. Глобальные изменения, произошедшие во всех мировых языках в последние десятилетия, связанные с экономическим, социальным и культурным развитием народов-носителей языков, привела к наполнению вокабуляров словами странного звучания, неясного значения, и употребляемыми людьми разных возрастов и социальных групп фактически безо всякого смысла и совершенно не к месту. Эти слова зазвучали повсюду: с экранов телевизора, по радио, они наполнили литературные произведения, газеты и журналы, наводнили речь политиков и госслужащих, придавая им своеобразный колорит, экспрессию и стилистическую окрашенность. Речь идет о субстандартной лексике, находящейся за пределами стандартного, литературного языка, лексике, имеющей свои законы и правила развития, длительную историю регистрации и описания и, бесспорно, заслуживающей (не менее литературного языка) тщательного рассмотрения и детального изучения. Семантическое поле «Семья» является самым полнопредставленным как в стандартном, так и в субстандартном лексическом слое и содержит значительный набор подуровневых полей, одним из которых является поле «Родственники». Именно система родственных отношений, передаваемая родовой лексикой, позволяет проследить самобытность народа-носителя изучаемого языка, презентует языковую картину мира, дает возможность сформировать концепт семьи в том или ином языке. Термины родства маркируют особенности социальной организации конкретного общества, являясь ориентирами социального поведения. Наконец, термины родства обладают как универсальными семантическими признаками, так и этнокультурной спецификой, вот почему терминосистемы родства особенно колоритны и заслуживают отдельного изучения именно на базе субстандартной лексики. В статье представлены результаты анализа «Интернет-словаря сленга и жаргона «Slanger/Сленгер» на предмет выявления в нем субстандартных лексических единиц, относящихся к терминам родства.

Ключевые слова: сленг, жаргон, субстандартная лексика, субстандартная лексическая единица, термины родства, языковая картина мира.

Для цитирования: Багринцева О. Б., Файзиева Г. В. Термины родства в «Интернет-словаре сленга и жаргона «Сленгер» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 32–38.

Original article

RELATIONSHIP TERMS IN THE INTERNET DICTIONARY OF SLANG AND JARGON "SLANGER"

Olga Borisovna Bagrintseva¹, Galina Vladimirovna Fayzieva²

^{1,2} Astrakhan State University named after V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

¹ bagrintsevaob@rambler.ru

² fayzievagv@yandex.ru

Abstract. The global changes that have occurred in all the world's languages in recent decades, related to the economic, social and cultural development of the native-speaking peoples, have led to the filling of vocabulary with words of strange sounding, unclear meaning, and used by people of different ages and social groups virtually without any meaning and completely out of place. These words resounded everywhere: on TV screens, on the radio, they filled literary works, newspapers and magazines, flooded the speech of politicians and civil servants, giving them a peculiar flavor, expression and stylistic coloring. We are talking about sub-standard vocabulary that is outside the standard, literary language, vocabulary that has its own laws and rules of development, a long history of registration and description and, undoubtedly, deserves (no less than a literary language) careful consideration and detailed study. The semantic field «Family» is the most fully represented in both the standard and sub-standard lexical layers, and contains a significant set of sublevel fields, one of which is the «Relatives» field. It is the system of kinship relations transmitted by the generic vocabulary that makes it possible to trace the identity of the people. The native speaker of the studied language presents a linguistic picture of the world, makes it possible to form the concept of a family in a particular language. Kinship terms mark the features of the social organization of a particular society, being the guidelines of social behavior. Finally, kinship terms have both universal semantic features and ethnocultural specificity, which is why kinship term systems are especially colorful and deserve separate study on the basis of substandard vocabulary. The article presents the results of the analysis of the «Internet dictionary of slang and jargon «Slanger» in order to identify sub-standard lexical units related to kinship terms in it.

Keywords: slang, jargon, sub-standard vocabulary, sub-standard lexical unit, kinship terms, linguistic picture of the world.

For citation: Bagrintseva O. B., Fayzieva G. V. Relationship terms in the internet dictionary of slang and jargon "slanger". Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:32-38. (In Russ.).

Введение

Глобальные изменения, произошедшие во всех мировых языках в последние десятилетия, связанные с экономическим, социальным и культурным развитием народов-носителей языков, привела к наполнению вокабуляров словами странного звучания, неясного значения, и употребляемыми людьми разных возрастов и социальных групп фактически безо всякого смысла и совершенно не к месту. Эти слова зазвучали повсюду: с экранов телевизора, по радио, они наполнили литературные произведения, газеты и журналы, наводнили речь политиков и госслужащих, придавая им своеобразный колорит, экспрессию и стилистическую окрашенность [Багринцева 2014; Шустова, Ошева 2015].

Речь идет о субстандартной лексике, находящейся за пределами стандартного, литературного языка, лексике, имеющей свои законы и правила развития, длительную историю регистрации и описания и, бесспорно, заслуживающей (не менее литературного языка) тщательного рассмотрения и детального изучения. Субстандартная лексика не возникла ниоткуда, она звучала во всех языках, употреблялась представителями различных социальных и профессиональных групп, и, несмотря на идеологическое противодействие, продолжает, преодолевая запреты, динамично развиваться и оживлять современные языки.

Сегодня без объективного представления обо всех составляющих современных языковых потоков, без знания субстандартных новообразований нельзя читать современную художественную и публицистическую литературу, слушать радио, смотреть телепередачи и телефильмы, наблюдать за дебатами в Госдуме, общаться по Интернету, адекватно понять представителей молодого поколения.

При имеющемся разнообразии определений понятия «субстандартная лексика» базовыми являются следующие:

- лексический фонд обиходной речи [Рябичкина 2010];
- лексика, употребляемая в обиходно-бытовом диалоге, свойственном устной речи [Попов, Валькова и др. 1978];
- лексика нейтрального или общеупотребительного стиля и слова с эмоционально-экспрессивной окраской (ласкательные, бранные, иронические, шуточные и т. д.) [Гез 1974];
- совокупность лексических единиц, относящихся к внелитературному пласту, представленному просторечием, жаргонизмами, сленгизмами, арготизмами, вульгаризмами и другими языковыми категориями, выходящими за пределы литературного языка [Рябичкина 2009].

Именно эта признанная лексическая совокупность, активно регистрируемая лексикографическими источниками, заслуживает детального изучения и научного осмысления. Этому, в немалой степени, способствует социальная лексикография – новая лингвистическая дисциплина, находящаяся сейчас на первых этапах своего становления. Термин «социальная лексикография», или «социолексикография», предложен В. П. Коровушкиным, отмечавшим, что эта наука, объектом которой выступают словари нестандартной лексики и фразеологии, приобретает в настоящее время статус автономной отрасли языкознания [Коровушкин 1996]. И именно разработка структурной организации субстандартных словарей, толковых словарей нестандартной лексики и фразеологии, их планирование, изучение композиции, составляют задачи не только теоретической, но и практической лексикографии.

В последние десятилетия в мировой сети Интернет появляется большое количество лексикографических интернет-источников, одним из представителей которых является «Интернет-словарь сленга и жаргона «Сленгер», размещенный на сайте www.slenger.ru.

Авторы-разработчики данного сайта уделяют большое внимание развитию субстандартной лексики русского языка. На сайте представлены словари по различным рубрикам: компьютерный сленг, криминальный сленг, молодежный сленг, сленг наркоманов и т. д.

Нужно отметить, что тематическая направленность субстандартных лексем и, соответственно, их тематическая классификация вообще весьма разнообразна: национальность, место жительства; род занятий, вид деятельности; отношение к спорту; мода; отношение к армии; морально-этические качества; внешность, физические данные; полоролевая референция; интеллектуальные качества; отношение к сексу; вкусовые предпочтения; отношение к алкоголю и наркотикам и т. д. Немаловажное место в субстандартном фонде отводится тем лексемам, которые передают социальные связи носителей языка, в частности – взаимоотношения в семье.

Термины родства образуют определенную систему, специфичную для разных народов и на разных этапах истории каждого народа, зависящую от биологических отношений родства, что определяет специфику системы родства. В субстандартной лексике термины родства приобрели дополнительные коннотации, отражающие определенные семантические или стилистические функции, передающие новое значение лексемы в сознании носителей языка [Громова, Файзиева 2017].

Основная часть

В рамках нашего исследования был проведен анализ «Интернет-словаря сленга и жаргона «Сленгер» на предмет наличия в нем субстандартных лексических единиц, отражающих семейно-родственные отношения, то есть терминологии родства.

Так, в ходе сплошной выборки по материалам сайта www.slenger.ru было отобрано 25 лексических единиц и выражений, в составе которых имеются такие лексемы родства, как *бабушка, мама, папа, тетя, дед* и производные от них.

Рассмотрим выражения с каждой из названных лексических единиц.

Лексическая единица *бабушка*, встречается в семи выражениях, шесть из которых имеют одно и то же значение *деньги* и принадлежат к сфере молодежного сленга. Производным для всех выражений является лексема *бабки*, которая имеет следующие синонимы: *бабло, лавэ, бабули, баблосы, капуста, лаве, пиастры, бабосы, лавандос, башли*.

Также в данном лексикографическом издании присутствует субстандартная лексическая единица, относящаяся к сфере употребления компьютерного сленга и используемая в речи игроками популярной компьютерной игры «Counter Strike»: *бабуля – пулемет FN Minimi Para*. Синонимичный ряд данной субстандартной лексемы довольно разнообразен, в словаре зафиксированы следующие ее синонимы: *бумбокс, чечня, чеченка, машинган, ламоган, батяня, дед, мама, баян, рембо, папаган, коса, косилка, матильда, тяж, дура, пара, максим, чапай, огурец, рояль, шарманка, станок, танцевальный аппарат, колбаса, ленточник, пятерка*.

Следующей лексемой, обозначающей семейно-родственные отношения, является лексема *отец*, которая была отмечена шесть раз. В данной выборке представлена не только сама лексема *отец*, но и ее производные, такие как *батька, бацька, батяня, папаган, папа*.

Так, в молодежном сленге для обозначения президента Белоруссии Александра Лукашенко используется субстандартная лексическая единица *батька*, которая имеет следующие синонимы: *Лука, бацька*.

В современном компьютерном сленге лексическая единица *отец* используется также для обозначения *игрока в компьютерные игры, достигшего совершенства в своем деле*. Данная лексическая единица имеет следующие синонимы: *руль, скилловый*.

В современном молодежном сленге популярным является выражение *пахать как папа Карло*, обозначающее *усиленно работать, работать не покладая рук*, и в котором встречается лексическая единица *папа*, передающая семейно-родственные отношения. Данное выражение имеет ряд синонимов, среди которых глаголы *пахать* и *вкалывать*.

Лексическая единица *мать* представлена в данном лексикографическом издании семью субстандартными лексемами. Так, в компьютерном сленге для обозначения интернет браузера Mozilla используется лексическая единица *мазифака*, которая ассимилировалась в русском языке из английского. Данная лексическая единица имеет синоним *мазила*. Для обозначения в компьютерном сленге материнской платы используются лексические единицы *мама, мамка, материнка, матка* и *мать*, представляющие собой синонимичный ряд. В компьютерном сленге среди игроков в популярную игру «Counter Strike» для обозначения *пулемета* используется лексическая единица *мама*.

В молодежном сленге для обозначения *родителей* используется синонимичный ряд, состоящий из следующих лексических единиц *родаки, шнурки, предки, динозавры, старики*. Также в анализируемом лексикографическом издании было отмечено использование лексической единицы *тетя* в выражении *тетя Ася* для обозначения *интернет-пейджера* (программы для мгновенного обмена сообщениями) ICQ. Лексема *дед* используется в словаре в четырех выражениях. Так, например, в сленге наркоманов для обозначения человека, передающего наркоману героин, кокаин, скорость (амфетамин), или любое другое наркотическое средство в порошкообразном виде белого или светлого цвета используется выражение *дед Мороз*. В компьютерном сленге используется выражение *голый дед* для обозначения программы *GoldED* (редактор сообщений в Фидо и фидоподобных сетях), синонимом которой является лексема *дед*. Также лексема *дед* используется в компьютерном сленге игроками популярной компьютерной игры «Counter Strike» для обозначения *пулемета*.

Заключение

Таким образом, проанализировав лексические единицы, включенные в лексикографическое интернет-издание «Интернет-словарь сленга и жаргона «Сленгер», можно сделать следующие выводы:

– лексические единицы, обозначающие представителей системы родства женского пола, такие как *бабушка, мать, тетя* употребляются в сленге чаще, чем термины родства, обозначающие представителей мужского пола: *отец, дед*;

– в выборке присутствует лексема родства, представляющая собирательное значение родственников: *предки*.

– семантическое значение в процессе переосмысления семантики лексических единиц значительно расширяется, что добавляет к значениям, присущим данным лексемам на сигнификативно-денотативном уровне, новые значения, имеющие яркую коннотативную окраску.

Проведенное исследование определило перспективы дальнейших изысканий в заявленной области, заключающиеся в расширении списка лексикографических источников и выявлении дополнительных семантических значений терминов родства в субстандартной лексике, что станет основой для изучения специфики субстандартной терминосистемы родства в определенном дискурсе.

Список литературы

1. Багринцева О. Б. Социолексикологический анализ терминов родства в социолексикографическом интернет-издании www.slovoborg.ru // Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях». Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2014. С. 10–13.
2. Гез Н. И. Устная речь. Очерки по методике обучения немецкому языку. М.: «Высшая Школа», 1974. 307 с.
3. Громова Н. В., Файзиева Г. В. Функциональные особенности терминов родства в субстандартном лексическом фонде английского, немецкого и русского языков // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 4 (32). С. 163–167.
4. Коровушкин В. П. Английская лексикография. Череповец: ЧГПИ, 1996. 43 с.
5. Попов Р. Н., Валькова Д. П., Маловицкий Л. Я., Федоров А. К. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1978. 464 с.
6. Рябичкина Г. В. Лексикографическое описание лексического субстандарта русского языка: история, проблемы, перспективы // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2009. № 1. С. 22–26.
7. Рябичкина Г. В. История русской просторечной лексикографии постреволюционного периода. Астрахань, 2010. 153 с.
8. Шустова С. В., Ошева Е. А. Актуализация эмоциональной модификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 127–134.

References

1. Bagrintseva O. B. Sotsioleksikologicheskii analiz terminov rodstva v sotsioleksikograficheskom internet-izdanii www.slovoborg.ru [Sociolexicological analysis of kinship terms in the sociolexicographic online publication www.slovoborg.ru]. *Sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Osnovnye voprosy pedagogiki, psikhologii, lingvistiki i metodiki prepodavaniya v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh»* [Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference "Main Issues of Pedagogy, Psychology, Linguistics and Teaching Methods in Educational Institutions"]. Astrakhan', Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2014, pp. 10-13. (In Russ.).
2. Gez N. I. Ustnaya rech'. Ocherki po metodike obucheniya nemetskому yazyku [Oral speech. Essays on the methodology of teaching the German language]. Moscow, «Vysshaya Shkola» publ., 1974. 307 p. (In Russ.).

3. Gromova N. V., Faizieva G. V. Funktsional'nye osobennosti terminov rodstva v substandartnom leksicheskom fonde angliiskogo, nemetskogo i russkogo yazykov [Functional features of kinship terms in the substandard lexical fund of English, German and Russian languages]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and Education]. 2017, no. 4 (32), pp. 163-167. (In Russ.).
4. Korovushkin V. P. Angliiskaya leksikografiya [English lexicography]. Cherepovets : ChGPI publ., 1996, 43 p. (In Russ.).
5. Popov R. N., Val'kova D. P., Malovitskii L. Ya., Fedorov A. K. Sovremennyi russkii yazyk [Modern Russian]. Moscow, Prosveshchenie publ., 1978. 464 p. (In Russ.).
6. Ryabichkina G. V. Leksikograficheskoe opisanie leksicheskogo substandarta russkogo yazyka: istoriya, problemy, perspektivy [Lexicographic description of the lexical substandard of the Russian language: history, problems, prospects]. *Voprosy lingvistiki i literaturovedeniya* [Questions of linguistics and literary criticism]. 2009, no. 1, pp. 22-26. (In Russ.).
7. Ryabichkina G. V. Istoriya russkoi prostorechnoi leksikografii postrevolyutsionnogo perioda [History of Russian colloquial lexicography of the post-revolutionary period]. Astrakhan', 2010. 153 p. (In Russ.).
8. Shustova S. V., Osheva E. A. Aktualizatsiya emotsional'noi modifikatsii [Actualization of emotional modification]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2015, vol. 7, no. 1, pp. 127-134. (In Russ.).

Информация об авторах

- О. Б. Багринцева*** – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка и технического перевода,
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева;
- Г. В. Файзиева*** – доктор филологических наук, профессор,
кафедра английского языка и технического перевода,
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева.

Information about the authors

- O. B. Bagrintseva*** – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of English and Technical Translation, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
- G. V. Faizieva*** – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of English and Technical Translation, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 39–46.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 39-46.

Научная статья

УДК811.112.2`36

ДЕВЕРБАТИВЫ КАК ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению акциональных девербативов немецкого языка, выступающих как прототипическое средство реализации категориальных значений инструментального таксиса одновременности. Объектом исследования являются акциональные девербативы с инструментальными предложениями, участвующие, наряду с глаголами, в процессе актуализации значений инструментального таксиса одновременности в немецком языке. В качестве предмета исследования выступает актуализация инструментально-таксисных и медиально-таксисных категориальных значений одновременности в высказываниях с девербативами, употребляемыми с инструментальными или медиальными предложениями немецкого языка. Материалом настоящего исследования явились немецкие высказывания с девербативными существительными с инструментальными / медиальными предложениями, полученные методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC). В ходе данного исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный, а также трансформационный методы. Акциональные девербативы немецкого языка, употребляемые с инструментальными / медиальными предложениями mit, durch, mittels, участвуют в актуализации инструментально-таксисных и медиально-таксисных категориальных значений одновременности. Медиально-таксисные значения рассматриваются как разновидность инструментально-таксисных категориальных значений. При актуализации медиально-таксисных значений, как правило, употребляются акциональные девербативы, обозначающие действия, связанные с психической или ментальной деятельностью человека, в частности, девербативы-соматизмы и девербативы-кинемы. При реализации инструментально-таксисных и медиально-таксисных категориальных значений с акциональными девербативами взаимодействуют глаголы физического действия или воздействия, каузативные глаголы с семантикой физической, информативной или психической модификации, а также глаголы вербальной коммуникации. В ходе исследования выявлено, что акциональные

девербативы немецкого языка, употребляемые с инструментальными предлогами, являются прототипическим средством актуализации инструментального таксиса. Результаты данной работы могут найти свое практическое применение в курсах функциональной грамматики на языковых факультетах в вузах, а также при проведении дальнейших грамматических и сравнительно-типологических исследований.

Ключевые слова: девербатив, акциональный девербатив, инструментальный предлог, глагол физического воздействия, каузативный глагол, инструментально-таксисное значение, медиально-таксисное значение, одновременность.

Для цитирования: Архипова И. В. Девербативы как прототипическое средство актуализации инструментального таксиса (на материале немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 39–46.

Original article

DEVERBATIVES AS A PROTOTYPICAL MEANS OF ACTUALIZING INSTRUMENTAL TAXIS (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of the actional deverbatives of the German language, acting as a prototypical means of implementing categorical meanings of the instrumental taxis of simultaneity. The object of the study is the actional deverbatives with instrumental prepositions, participating, along with verbs, in the process of updating the meanings of the instrumental taxis of simultaneity in the German language. The subject of the study is the actualization of instrumental-taxis and medial-taxis categorical meanings of simultaneity in statements with deverbatives used with instrumental or medial prepositions of the German language. The material of this study was German utterances with deverbative nouns with instrumental/medial prepositions obtained by the method of directed sampling from the electronic database of the Leipzig National Corpus (LC). In the course of this study, hypothetical-deductive, inductive, descriptive, contextual, and transformational methods were used. The actional deverbatives of the German language, used with instrumental/medial prepositions *mit*, *durch*, *mittels*, participate in the actualization of instrumental-taxis and medial-taxis categorical meanings of simultaneity. Medial-taxis values are considered as a kind of instrumental-taxis categorical values. When actualizing medial-taxis values, as a rule, actional deverbatives are used, denoting actions related to mental or mental activity of a person, in particular, deverbatives-somatisms and deverbatives-kinemas. When implementing instrumental-taxis and medial-taxis categorical meanings, verbs of physical action or impact, causative verbs with semantics of physical, informative or mental modification, as well as verbs of verbal communication interact with actional deverbatives. The study revealed that the actional deverbatives of the German language, used with instrumental prepositions, are a prototypical means of actualizing instrumental taxis. The results of this work can find their practical application in functional grammar courses at language faculties in universities, as well as in further grammatical and comparative typological studies.

Keywords: deverbative, actional deverbative, instrumental preposition, verb of physical impact, causative verb, instrumental-taxis meaning, medial-taxis meaning, simultaneity.

For citation: Arkhipova I. V. Deverbatives as a prototypical means of actualizing instrumental taxis (based on the material of the German language). Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:39-46. (In Russ.).

Введение

Категориальное значение инструментальности и его речевая актуализация в немецком, английском и русском языках освещены в ряде работ таких отечественных лингвистов [Архипова 2020, 2022, 2022а; Вракина 2004; Кобцева 2006; Колосковская 1985; Рябкин 2022; Шустова 2008; Шустова 2021; Шустова, Маслова, Карими-Мотаххар 2022; Шустова, Нагзибекова 2022; Ямшанова 1989, 1991].

Современными исследователями инструментальность трактуется как семантическая категория функциональной грамматики, которая представлена разноуровневыми языковыми средствами. Следует выделять предметную и не предметную инструментальность. Предметная инструментальность предполагает наличие материального инструмента (средства), а не предметная (способ) подразумевает употребление действия-способа [Шустова, Нагзибекова 2022; Ямшанова 1991].

Вне исследовательского поля остается актуализация инструментального значения в сопряжении с таксисным категориальным значением одновременности, то есть в таксисной категориальной ситуации одновременности. Объектом исследования в данной статье являются акциональные девербативы с инструментальными предлогами, выступающие как прототипическое средство актуализации инструментального таксиса одновременности в немецком языке. Предметом исследования выступает актуализация инструментально-таксисных и медиально-таксисных категориальных значений одновременности в немецких высказываниях с девербативами, употребляемыми с инструментальными / медиальными предлогами.

Основная часть

Категориальное значение инструментальности интерпретируется как «средство-предмет-орудие» и «средство-непредмет-способ» [Ямшанова 1991: 146]. Предметное субполе (средство-предмет-орудие) номинирует материальные предметы, инструменты или орудия, предназначенные для целенаправленного физического воздействия. Непредметное субполе (средство-непредмет-способ) предполагает языковую репрезентацию непредметного (процессуального) действия-способа, например:

(1) *Durch Drehen der Kurbel lässt sich der Faden glatt aus der Düse herausziehen* (LC).

(2) *Ich deute mit einem kurzen Kopfnicken auf den Brief* (LC).

(3) *Der 33-Jährige machte zwar durch Winken auf sich aufmerksam ...* (LC).

В примере (1) посредством девербатива *das Drehen* с инструментальным предлогом *durch* реализуется категориальное значение предметной инструментальности, рассматриваемое как некоторое «средство-предмет-орудие». В данном примере

актуализовано инструментально-таксисное значение инструментальности. В примерах (2–3) с помощью акциональных девербативов *das Kopfnicken* и *das Winken* выражено значение непредметной инструментальности, трактуемое как «средство-непредмет-способ». В этих высказываниях репрезентируется медиально-таксисное значение одновременности, детерминируемое, в частности, употреблением предлогов *mit* и *durch* в медиальном значении.

В фокусе настоящего исследования находятся акциональные девербативы немецкого языка, употребляемые с инструментальными / медиальными предлогами, благодаря чему они способны участвовать в процессе актуализации инструментально-таксисных и медиально-таксисных категориальных значений одновременности. Медиально-таксисные значения рассматриваются как разновидность инструментально таксисных категориальных значений или ситуаций. Материалом настоящего исследования явились немецкие высказывания с девербативными существительными с инструментальными / медиальными предлогами, полученные методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC).

В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный, а также трансформационный методы. В качестве девербативов, выступающих в качестве прототипического средства актуализации инструментального таксиса одновременности в немецком языке выступают такие акциональные девербативы как (*das Ziehen, das Drücken, das Öffnen, das Schließen, das Biegen, das Falzen, das Heben, das Schneiden, das Löten, das Kleben, das Zerren, das Föhnen, das Stanzen, das Senken, das Sägen, das Fräsen, das Stempeln* и др. Они употребляются с предлогами инструментальной семантики *mit, durch, mittels* и участвуют в реализации инструментально-таксисных категориальных значений одновременности. Например:

(4) Nun wurde *durch Drehen mit der Spitze der Haue* ein Loch gebohrt und dann Stück für Stück abgehebelt (LC).

(5) Diese Gummipuffer gehen *durch das Schieben des Barrens* entzwei (LC).

(6) Die Tonhöhe wird *durch Biegen des Sägeblatts* reguliert (LC).

(7) Die Hölzer werden auf der Ziehbank eingespannt und erhalten *durch Schneiden mit dem Schneidmesser* ihre Form (LC).

(8) Die Sensorstrukturen steuern *durch Öffnen oder Schließen von Ionenkanälen* die Stärke eines transepithelialen Stromes ... (LC).

В приведенных примерах посредством акциональных девербативов *das Drehen, das Biegen, das Schneiden, das Öffnen, das Schließen* с инструментальным предлогом *durch* актуализованы инструментально-таксисные категориальные значения одновременности. В качестве взаимодействующих с девербативами глаголами, как правило, выступают такие глаголы с семантикой физического действия или воздействия как *herstellen, betätigen, bohren, einschleifen, schneiden, steuern, reduzieren, durchleiten, lenken, (sich) lösen* и др., например:

(9) *Durch das Schieben des Pferdes* lösen sich die Puffer, und die Standfestigkeit geht verloren (LC).

(10) *Durch Vierteldrehung und ständiges Drehen, Heben und Eindrücken wird der konische Teil in dem Gehäuse eingeschliffen* (LC).

При актуализации медиально-таксисных категориальных значений одновременности в качестве прототипического средства выступают акциональные девербативы, связанные с ментальной (психической) деятельностью человека как субъекта действия. К ним относятся такие девербативы-соматизмы и девербативы-кинемы как *das Kopfwiegen, das Kopfschütteln, das Nicken, das Achselzucken, das Kopfnicken, das Winken, das Rufen, das Händeklatschen* и др., употребляемые с предлогами медиальной семантики *mit, durch, mittels*. Например:

(11) Gefangene bekundeten aus den Fenstern der JVA *durch Rufen und Winken* ihre Solidarität mit den Demonstranten (LC).

(12) Sein Sohn hatte das *durch lautes Rufen und Händeklatschen* verhindert (LC).

(13) Anschließend versuchte die Frau *mittels Winken* auf sich und den Unfall aufmerksam zu machen (LC).

(14) Meine zunächst rein geschäftsmäßige Einstellung wurde von Camilla anfangs *mit einigem Kopfschütteln* aufgenommen (LC).

В приведенных примерах посредством девербативов *das Rufen, das Winken, das Händeklatschen, das Kopfschütteln* с медиальными предлогами *durch, mit, mittels* актуализованы медиально-таксисные категориальные значения одновременности. С акциональными девербативами-соматизмами взаимодействуют каузативные глаголы с семантикой физической, информативной или психической модификации *bekunden, ermahnen, verhindern, bestätigen, aufnehmen, behaupten, widersprechen, abwehren, widerlegen, auffordern, quittieren, kommentieren, verneinen, deuten, verurteilen, weisen*, а также глаголы вербальной и невербальной коммуникации *nicken, winken, sagen, erwidern, sprechen* и др., например:

(15) Er deutete *mit einem Kopfnicken* auf Galonski und Nick (LC).

(16) Die einen weist er zurück, weil sie zu schmutzig, die anderen, weil sie zu stumpf sind, wieder andere *verurteilt* er *durch wortloses Kopfschütteln* (LC).

(17) Bogorski *bestätigte mit eifrigem Kopfnicken* (LC).

(18) *Mit einem Nicken* weist sie auf die Tischecke vor ihm (LC).

(19) Er öffnet sie, aber nur halb – was Struver *mit einem leichten Nicken* quittiert (LC).

(20) Sie *verneinte durch Kopfschütteln* (LC).

(21) «Ich weiß nicht», sagt sie und *unterstreicht mit heftigem Achselzucken*, wie man es von ihr schon kennt, die Schultern bis an die Ohren (LC).

В приведенных примерах актуализованы медиально-таксисные категориальные значения одновременности при взаимодействии девербативов *das Kopfnicken, das Nicken, das Achselzucken* и каузативных глаголов *deuten, weisen, unterstreichen, verurteilen, verneinen, unterstreichen, quittieren, bestätigen*.

Заключение

Таким образом, акциональные девербативы немецкого языка выступают в качестве прототипического средства актуализации категориальных значений инструментального

таксиса одновременности. Они употребляются с инструментальными / медиальными предложениями *mit, durch, mittels* и участвуют в актуализации инструментально-таксисных и медиально-таксисных категориальных значений одновременности.

Медиально-таксисные значения рассматриваются как разновидность инструментально-таксисных категориальных значений. При актуализации медиально-таксисных значений, как правило, употребляются акциональные девербативы, связанные с ментальной (психической) деятельностью человека, в том числе, девербативы-соматизмы и девербативы-кинемы.

При актуализации инструментально-таксисных и медиально-таксисных категориальных значений акциональные девербативы взаимодействуют с глаголами физического воздействия, а также с каузативными глаголами с семантикой физической, информативной или психической модификации и глаголами вербальной коммуникации.

Список литературы

1. Архипова И. В. Таксис и инструментальность: поликатегориальный семантический комплекс // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 324–325.
2. Архипова И. В. Инструментальный таксис в контексте межкатегориального взаимодействия (на материале немецкого языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Е 12. № 2. С. 43–50.
3. Архипова И. В. Таксисное значение одновременности и его актуализация в инструментальной и финальной ситуациях [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022а. Т. 13. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/27FLSK322.html> (дата обращения: 12.03.2023).
4. Бракина В. В. К вопросу о понятийной категории инструментальности в современном английском языке // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2004. № 4. С. 23–27.
5. Кобцева А. В. Категория инструментальности и способы ее экспликации в текстах газетно-публицистического стиля русского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 23 с.
6. Колосковская Р. А. Инструментальные глагольно-субстантивные конструкции с именами частей тела (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1985. 174 с.
7. Рябкин С. А. Актуализация категории инструментальности в английском языке // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 95–102.
8. Шустова С. В. Актуализация значения инструментальности в каузативной ситуации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 199–202.
9. Шустова С. В., Яхьяпур М. Актуализация категории инструментальности // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 2. С. 95–103.
10. Шустова С. В., Маслова Д. Л., Карими-Мотаххар Д. Значение инструментальности в семантическом потенциале глаголов русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8. № 4. С. 205–215.
11. Шустова С. В., Нагзибекова М. Б. Непрототипическая инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Вестник университета Российско-Таджикский (Славянский) университет. 2022. № 3–4 (78). С. 1380–148.

12. Якубовская Э. В. Семантическая категория инструментальности в современном немецком языке // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм. Сборник научных трудов. Иркутск : Аспринт, 2019. С. 44–49.

13. Ямшанова В. А. Семантическая классификация глаголов целенаправленного действия // Лингвистические исследования 1989. Функционирование грамматических категорий / А. М. Мухин (отв. ред.) [и др.]. М. : АН СССР, Ин-т языкознания, 1989. С. 196–203.

14. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Изд-во «Ленинградский финансово-экономический университет», 1991. 159 с.

Источники иллюстративного материала

LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 10.05.2023).

References

1. Arkhipova I. V. Taxis i instrumental'nost': polikategorial'nyi semanticheskii kompleks [Taxis and instrumentality: a polycategorical semantic complex]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2020, no. 3 (82), pp. 324-325. (In Russ.).

2. Arkhipova I. V. Instrumental'nyi taksis v kontekste mezhkategorial'nogo vzaimodeistviya (na materiale nemetskogo yazyka) [Instrumental taxis in the context of intercategory interaction (on the material of the German language)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy]. 2022, no. 2, pp. 43-50. (In Russ.).

3. Arkhipova I. V. Taksisnoe znachenie odnovremennosti i ego aktualizatsiya v instrumental'noi i final'noi situatsiyakh [Taxis meaning of simultaneity and its actualization in instrumental and final situations]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [The world of science. Sociology, philology, cultural studies]. 2022a, vol. 13, no. 3. (In Russ.). Available at: <https://sfk-mn.ru/27FLSK322.html> (accessed: 12.03.2023).

4. Vrakina V. V. K voprosu o ponyatiinoi kategorii instrumental'nosti v sovremennom angliiskom yazyke [On the question of the conceptual category of instrumentality in modern English]. *Visnik Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. Filologichni nauki* [Wisnik of Zaporozhye National University. Philological sciences]. 2004, no. 4, pp. 23-27. (In Russ.).

5. Kobtseva A. V. Kategoriya instrumental'nosti i sposoby ee eksplikatsii v tekstakh gazetno-publitsisticheskogo stilya russkogo i nemetskogo yazykov [The category of instrumentality and ways of its explication in the texts of the newspaper-journalistic style of the Russian and German languages]. Stavropol', 2006, 23 p. (In Russ.).

6. Koloskovskaya R. A. Instrumental'nye glagol'no-substantivnye konstruksii s imenami chastei tela (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [Instrumental verb-substantive constructions with names of body parts (based on the material of the modern German language)]. PhD thesis. Irkutsk, 1985, 174 p. (In Russ.).

7. Ryabkin S. A. Aktualizatsiya kategorii instrumental'nosti v angliiskom yazyke [Actualization of the category of instrumentality in English]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian research. History and Philology]. 2022, no. 5, pp. 95-102. (In Russ.).

8. Shustova S. V. Aktualizatsiya znacheniya instrumental'nosti v kauzativnoi situatsii [Actualization of the Meaning of Instrumentality in a Causative Situation]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2008, no. 10, pp. 199-202. (In Russ.).

9. Shustova S. V., Yakh'yapur M. Aktualizatsiya kategorii instrumental'nosti [Actualization of the category of instrumentality]. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2021, vol. 7, no. 2, pp. 95-103. (In Russ.).

10. Shustova S. V., Maslova D. L., Karimi-Motakhkhar D. Znachenie instrumental'nosti v semanticheskom potentsiale glagolov russkogo yazyka [The Meaning of Instrumentality in the Semantic Potential of Russian Verbs]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2022, vol. 8, no. 4, pp. 205-215. (In Russ.).

11. Shustova S. V., Nagzibekova M. B. Neprototipicheskaya instrumental'nost' v semanticheskom potentsiale glagolov russkogo yazyka [Non-prototypical instrumentality in the semantic potential of Russian verbs]. *Vestnik universiteta Rossiisko-Tadzhikskii (Slavyanskii) universitet* [Bulletin of the University (Russian-Tajik (Slavonic) University)]. 2022, no. 3-4 (78), pp. 1380-148. (In Russ.).

12. Yakubovskaya E. V. Semanticheskaya kategoriya instrumental'nosti v sovremennom nemetskom yazyke [The semantic category of instrumentality in modern German]. *Lingvistika i lingvodidaktika v sete sovremennykh nauchnykh paradigm. Sbornik nauchnykh trudov* [Linguistics and linguodidactics in the set of modern scientific paradigms. Collection of scientific papers]. Irkutsk, Asprint, 2019, pp. 44-49. (In Russ.).

13. Yamshanova V. A. Semanticheskaya klassifikatsiya glagolov tselenapravlennoogo deistviya [Semantic classification of goal-directed verbs]. *Lingvisticheskie issledovaniya 1989. Funktsionirovanie grammaticheskikh kategorii* [Linguistic Studies 1989. The Functioning of Grammar Categories]. Moscow, AN SSSR, In-t yazykoznaneya publ., 1989, pp. 196-203. (In Russ.).

14. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Izd-vo «Leningradskii finansovo-ekonomicheskii universitet» publ., 1991, 159 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор,
кафедра романо-германских языков,
Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Department of Romano-Germanic Languages,
Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 47–60.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 47-60.

Научная статья

УДК 811.13

СТИЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА

Людмила Анатольевна Красноборова¹, Мария Александровна Ерыпалова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ lokr@yandex.ru

² marcial24316@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается древний юридический документ на старофранцузском языке, составленный в XIII в. и носящий название Кутюмы Бовези (фр. Coustumes de Beauvaisis). Анализ текста проводится с точки зрения обладания им чертами документа, принадлежащего официально-деловому стилю. Изучаемый документ представляет большой интерес, поскольку отражает культуру, сознание, ценности людей, живших в Средние века во Франции, и является письменным свидетельством того, как регулировалась социальная жизнь того времени, когда происходило укрепление и централизация королевской власти, постепенное устранение феодальной раздробленности и параллельно с этим увеличение домена (земель), принадлежавшего королю. Влияние короля росло, в связи с чем серьезно встал вопрос организации управления крупной территорией, что потребовало проведения административной реформы, а также приведения правовой системы Франции к единообразной системе. Именно в тот период были созданы известные на сегодняшний день сборники (своды) права: Большой кутюм Франции, Большой кутюм Нормандии, Кутюмы Тулузы, Кутюмы Бовези и др. Необходимо отметить, что в средневековой Франции в юридической сфере использовался преимущественно латинский язык, который сосуществовал с французским. Последний постепенно проникает в правовую сферу, вытесняя латынь. Более того, именно язык кодексов, ордонансов, приказов сыграл важную роль для формирования норм французского письменно-литературного языка. Анализ документа в статье проводится с точки зрения функциональной стилистики, которая определяет характерные для каждого из стилей черты. Так, для официально-делового релевантными являются призвание регулировать те или иные отношения, долженствующе-предписывающий характер, точность, не допускающая инотолкования, неличный характер, наличие речевого стандарта (специальная терминология, клише), безэмоциональность. Следует при этом разграничивать деловые и официальные документы. Последние регулируют процессы на протяжении достаточно длительного промежутка времени, поэтому отличаются наличием

форм, характеризующихся вневременностью. Представленный в статье анализ свода юридических правил на старофранцузском языке указывает на его принадлежность к официальным документам. Он регулирует и предоставляет пути решения задач повседневности, ему свойственны дезактуализация времени, безличность, волюнтаривность и предписательность, ясность, четкость и недвусмысленность, которые получают выражение на лексическом, синтаксическом уровнях, четкая структурированность, точность, не допускающая инотолкования. Анализ древнего юридического документа показывает, что формирование функциональных стилей, их существование является естественным процессом в жизни человеческого общества вне зависимости от исторического периода.

Ключевые слова: функциональная стилистика, функциональные стили, официально-деловой стиль, официальный документ, юридический документ, законодательный подстиль, старофранцузский язык.

Для цитирования: Красноборова Л. А., Ерыпалова М. А. Стилиевые черты средневекового юридического документа // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 47–60.

Original article

STYLING FEATURES OF A MEDIEVAL LEGAL DOCUMENT

Ludmila A. Krasnoborova¹, Mariia A. Erypalova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ lokr@yandex.ru

² marcial24316@gmail.com

Abstract. This article deals with an ancient legal document in Old French, compiled in the 13th century and bearing the name Coustumes de Beauvaisis (fr. Coustumes de Beauvaisis). The analysis of the text is carried out from the point of view of its possession of the features of a document belonging to the official business style. The document under study is of great interest because it reflects the culture, consciousness, values of the people who lived in the Middle Ages in France, and is a written evidence of how the social life of that time was regulated, when there was a strengthening and centralization of royal power, the gradual elimination of feudal fragmentation and, in parallel with this increase in the domain (lands) that belonged to the king. The influence of the king grew, in connection with which the question of organizing the management of a large territory seriously arose, which required an administrative reform, as well as bringing the legal system of France to a uniform system. It was during that period that the currently known collections (codes) of law were created: the Great Coutum of France, the Great Coutum of Normandy, the Coutums of Toulouse, the Coutums of Bovezi, etc. It should be noted that in medieval France, in the legal sphere, mainly Latin was used, which coexisted with French. The latter gradually penetrates into the legal sphere, displacing Latin. Moreover, it was the language of codes, ordinances, orders that played an important role in the formation of the norms of the French written and literary language. The analysis of the document in the article is carried out from the point of view of functional style, which determines the features characteristic of each of the styles. So, for the official business, the relevant are the calling to regulate certain relations, the obligatory-prescriptive nature, the accuracy that does not allow for interpretation, the impersonal nature, the presence of a speech standard (special terminology, clichés),

unemotionality. At the same time, it is necessary to distinguish between business and official documents. The latter regulate processes over a sufficiently long period of time, therefore they are distinguished by the presence of forms characterized by timelessness. The analysis of the code of legal rules in Old French presented in the article indicates that it belongs to official documents. It regulates and provides ways to solve the problems of everyday life, it is characterized by de-actualization of time, impersonality, voluntariness and prescriptiveness, clarity, clarity and unambiguity, which are expressed at the lexical, syntactic levels, clear structuredness, accuracy that does not allow for different interpretations. An analysis of an ancient legal document shows that the formation of functional styles, their existence is a natural process in the life of human society, regardless of the historical period.

Keywords: functional style, functional styles, formal business style, official document, legal document, legislative substyle, Old French.

For citation: Krasnoborova L. A., Erypalova M. A. Styling features of a medieval legal document. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:47-60. (In Russ.).

Введение

Справедливо утверждение о том, что законодательные тексты содержат богатую информацию о национальном сознании народа, его культуре, системе ценностей [Багана, Кривчикова 2013]. Одним из примеров таких текстов является источник права средневековой Франции – Кутюмы Бовези (фр. Coustumes de Beauvaisis), составленный французским юристом Филиппом де Бомануаром (фр. Philippe de Rémi, sire de Beaumanoir, между 1247 г. и 1254 г. – 7 января 1296 г.) в 1282 г. Документ представляет историческую ценность и служит для понимания особенностей правовых институтов средневековой Франции, важных преобразований в общественных сферах и идейных установок конца XII–XIII вв. Официальные тексты обладают ярко выраженной спецификой, которая рассматривается в рамках функциональной стилистики. Одним из примеров таких текстов является официальный юридический документ – свод правил «Кутюмы Бовези», регулировавших социальную жизнь одного из регионов средневековой Франции.

Основная часть

Исторический контекст создания этого документа чрезвычайно интересен. Период XII–XIII вв. во Франции был ознаменован усилением королевской власти, а также постепенным устранением феодальной раздробленности. Феодальная раздробленность – этап в историческом развитии средневекового государства и общества, заключающийся в разделении цельной раннефеодальной монархии на самостоятельные политические единицы под властью отдельных династий – при сохранении центральной властью номинального политического верховенства [<https://w.histrf.ru>]. К моменту заключительного этапа своего формирования феодальная иерархия отличалась особо сложной структурой, норма феодального права укладывалась в знаменитое выражение: «Вассал моего вассала – не мой вассал» [<https://www.france.promotour.info/histoire/histoire-10.php>]. Королевская власть распространялась лишь на непосредственных подданных короля: герцогов, баронов, приближенных. Появилась тенденция к децентрализации власти.

Феодальная раздробленность в средневековой Франции усугублялась тем фактом, что ее южная и северная части имели существенные различия в аспекте социально-экономического и политического развития. Наличие двух народностей, проживавших на территории Франции, разнообразие местных диалектов также сыграли свою роль. Зачастую земля принадлежала Франции, но на нее не распространялось влияние королевской власти – положение короля оставалось неустойчивым и небезопасным. Король Людовик VI решил укреплять единство государства военными методами и начал постепенно захватывать земли своих вассалов. Территорию личных королевских земель стало принято называть доменом. В XII в. в Северной Франции берет свое начало процесс централизации королевской власти. Этому благоприятствовали развивающиеся экономические и социальные условия на этой территории. Потребность в централизации объяснялась двумя причинами. Первая из них такова: усиление королевской власти было необходимым условием для успешного подавления крестьянских бунтов. Вторая же причина была связана с заинтересованностью мелких и средних феодалов, для которых централизация означала защиту от нападков и притеснений более могущественного феодального класса. Таким образом, централизаторская политика французской королевской власти стала прогрессивным явлением.

В середине XII в. разгорелись конфликты между Англией и Францией: бывший крупный феодал граф Анжуйский Генрих Плантагенет в 1154 г. стал английским королем. В дальнейшей борьбе за французские территории росло соперничество между Капетингами и Плантагенетами и своего апогея оно достигло при Филиппе II Августе (1180 – 1223 гг.). В результате военных столкновений Филипп II сумел закрепить за собой право владения французскими землями, а также несоизмеримо увеличить королевское влияние во Франции. Домен короля значительно расширился, влияние росло, и тогда серьезно встал вопрос организации управления крупной территорией. «Теперь король обладал доменом, многократно превосходящим владения любого из самых крупных своих вассалов» [Лысенко 2013: 2]. Реформы организации власти, проведенные Филиппом II, повлекли за собой создание центрального аппарата власти – Королевского совета, а также формирование органов местного самоуправления.

Впоследствии система управления королевским доменом была многократно усовершенствована посредством реформы, проводимой королем Филиппом II Августом. «Вся территория домена была разделена на равные административные округа <...>. Эти округа в свою очередь объединялись в более крупные единицы – бальяжи (на севере) и сенешальства (на юге), во главе которых стояли королевские чиновники – бальи и сенешали с военными, судебными и административными полномочиями» [Лысенко 2013: 3]. Следствием этих и многих других изменений в различных сферах общества стало приведение правовой системы Франции к единообразной системе, унификации. Процесс проходил сложно, так как «в каждом французском государстве существовала своя сеньориальная юстиция и действовали свои местные законы и правовые обычаи, получившие название кутюмы (coutumier)» [там же: 4].

В середине XIII в. по приказу короля во Франции началась усиленная работа по систематизации и совершенствованию правовых обычаев и законов, действовавших на определенных территориях. Таким образом, в ходе этих преобразований было создано множество известных на сегодняшний день сборников (сводов) права, таких как Большой кутюм Франции, Большой кутюм Нормандии, Кутюмы Тулузы и др. Г. Берман образно описал ситуацию французского права следующим выражением: «эффективность французского королевского права в XIII столетии опиралась на тонкое сочетание в нем местных обычаев с юридической ученостью и разработанную в нем процедуру использования правовых знаний в толковании местных обычаев» [Цит. по Лысенко 2013: 8]. Общеизвестные Кутюмы Бовези (“*Li Livres des Coustumes et des Usages de Beauvoisins*”, или позднее сокращенно – “*Coustumes de Beauvaisis*”) были составлены около 1283 г. и впервые изданы в 1690 г. (впоследствии неоднократно переиздавались). В авторстве выступал королевский баλλι (франц. *bailli*), королевский чиновник в средневековой Франции Филипп де Бомануар, который также имел отношение к политике и юриспруденции, а потому обладал определенным набором знаний в области права и был широко эрудирован. Политическую деятельность Бомануар начал в 1279 г. после смерти отца, когда занял должность балли в графстве Клермонт-Бовези. Именно в этот период он начал работу над созданием общей действующей системы правил и обычаев, действовавших в тот момент на данной территории.

В качестве названия документ был подписан как «Кутюмы Бовези», что стало во многом условным: как отмечает сам автор в предисловии к документу, он попытался собрать в нем не только «обычаи бовезийцев» (жителей местности на северо-востоке Франции), но и, что очень важно, «правовые нормы, общие для кутюмов всей Франции» [Лысенко 2013: 9]. Следует отметить, что французские источники права не очень многочисленны. Отчасти такое положение дел было связано с тем, что в юридической сфере, как и во многих других, в XII в. использовался преимущественно латинский язык. Изучая генезис языка права, Н. Н. Лыкова отмечает, что присутствие двух правовых традиций во французском социуме носит характер сосуществования, ассимиляции, иными словами, правовые тексты сначала фиксируются на латинском, языке культуры и религии, а потом постепенно в эту область проникает французский язык, замещая и вытесняя латынь [Лыкова 2005].

И. Н. Мешкова указывает на важную роль языка права в формировании норм современного французского литературного языка: язык кодексов, ордонансов, приказов «стал центром системы формирующегося нового национального литературного языка» [Мешкова 2013: 301]. Согласно В. А. Кожемякиной, «деловой стиль является одной из наиболее древних стилистических систем французского языка, оказавшей влияние на унификацию и выработку синтаксических норм французского письменного-литературного языка» [Цит. по Мешковой: Кожемякина 1987: 14]. Начиная с XIII в. памятников права на старофранцузском языке становится все больше. К таким документам относятся Кутюмы Бовези, которые рассматриваются французскими историками права как самые оригинальные, замечательные юридические творения того периода [Лыкова 2005]. Документ представляет

собой сборник французского права, состоящий из 70 глав и около 2 тысяч параграфов. Он был написан на франсийском (центрально-французском) диалекте, в котором встречаются пикардские формы [Лыкова 2005]. Оригинал текста не сохранился, но существует несколько более современных изданий. Работа велась с опорой на вариант Am. Salmon, бывшего студента Школы высших исследований (l'École des hautes études). Он опубликовал сборник в издательстве Alphonse Picard Et Fils в 1899 г, дополнив документ введением, глоссарием и аналитическими заметками. Кутюмы представляют собой документ права, следовательно, являются образцом официально-делового стиля, который выполняет одну из важнейших общественных функций языка – функции сообщения.

Функциональные стили распадаются на подстили. Так, в «официально-деловом стиле можно выделить законодательный (стиль речи законов, постановлений и т. п.), официально-деловой и обиходно-деловой подстили» [Мешкова 2013: 303]. Если рассматривать документ с точки зрения принадлежности его к определенному подстилю, то Кутюмы представляют собой, скорее, пример документа законодательного подстиля. Говоря о функциональных стилях, не можем не сказать о М. Н. Кожиной, которая является основателем Пермской школы функциональной стилистики. Она была одной из первых в советском пространстве, кто обратился к разработке проблем функционирования языка и способствовал формированию нового научного направления – функциональной стилистики. Проводя исследования в области функциональной стилистики, М. Н. Кожина обращается к изучению «собственно закономерностей функционирования языка в разных сферах его применения», функциональных возможностей языка [Кожина 1968: 7]. Функциональная стилистика призвана определить истинную специфику того или иного стиля, обозначить характерные его черты. Так, исследователи, изучающие это явление на материале русского языка, указывают, что официально-деловому стилю свойственны следующие характеристики: призвание регулировать те или иные отношения, долженствующе-предписывающий характер (императивность), точность, не допускающая инотолкования, неличный характер, наличие речевого стандарта (специальная терминология, клише), особый способ изложения (безэмоциональность) [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008; Кыркунова 2007: 8].

Интересным в рамках рассмотрения официально-делового документа представляется взгляд О. П. Сологуб, проводившей исследования в области стилистики русского языка. Исследователь разграничивает официальное и деловое начала, и согласно ее положениям, деловое начало в документах отвечает в первую очередь за деловую коммуникацию (в качестве примера приводится электронная деловая переписка), официальность же является атрибутом документов, регулирующих ту или иную деятельность лиц, государства (законодательные акты). Основные параметры, позволяющие дифференцировать официальное и деловое начала и языковые средства их выражения, следующие: 1) содержательное наполнение, 2) соотнесенность с временным планом, 3) личность/безличность, 4) модусное содержание, 5) наличие/отсутствие атрибутов официальности, 6) процедура изготовления речевого произведения, 7) языковое оформление текста, 8) дистанция на отдаление/сближение [Сологуб 2013].

Представляется, что рассматриваемый древний юридический документ «Кутюмы Бовези» можно также рассмотреть с точки зрения обладания этими специфическими чертами. Для анализа по данным критериям была выбрана глава 30, включающая параграфы с 823 по 936 и затрагивающая преступления и основы судебного права. В выбранной главе особенно ярко отображены идейные установки средневековой Франции, несмотря на то, что документ частично является субъективной позицией Филиппа де Бомануара относительно многих политико-социальных вопросов. Таким образом, Кутюмы Бовези авторства Филиппа де Бомануара являются сборником правовых норм, в котором происходит «слияние его собственных взглядов с отраженной [в документе] правовой действительностью» [Лысенко 2013].

Следует отметить, что на данный момент полного перевода документа, содержащегося в открытом доступе, не существует, однако частично представлен перевод нескольких глав. В данной работе был использован перевод Э. И. Лисохиной, выполненный в 1961 г. Анализ текста в нашем исследовании проведен с опорой на существующий перевод Э. И. Лисохиной.

1. Содержательное наполнение

Документы, имеющие ярко выраженное официальное начало, характеризуются своим прямым отношением к сферам государственного управления, правового регулирования, административных отношений. Такие документы рассматривают и устанавливают принцип и содержание деятельности субъектов, среди которых числятся как государство, так и отдельно взятое физическое лицо, а также призваны решать вопросы, требующие юридического подхода, то есть содержание официального документа обладает юридической силой [Сологуб 2013].

Официально-деловой документ, в нашем случае являясь сводом правовых норм, должен иметь практическое применение. Он призван регулировать и предоставлять пути решения задач повседневности. Рассмотрим на примере фрагмента из 823 (вводного) параграфа:

«<...> ainçois est l'une grans et l'autre petite selonc le mesfet, et selonc la personne qui mesfet, et selonc la personne a qui l'en mesfet. Et pour ce que li comuns pueples sachent comment il devront estre puni s'il mesfont, et chascuns en sa personne s'il mesfet, et que li seigneur sachent quel venjance il doivent prendre de chascun mesfet, nous traiterons en cel chapitre de chascun mesfet que l'en puet fere et de la venjance de chascun mesfet queus ele doit estre».

«<...> Мера наказания должна зависеть от проступка, а также от того, кто его совершил и кому нанесен ущерб. А для того, чтобы простые люди знали, какое их ожидает наказание, если кто-либо из них совершит преступление, и чтобы каждый человек в отдельности знал это, также чтобы сеньор знал, какое наказание следует за каждое преступление, мы расскажем в этой главе о преступлениях, которые могут быть совершены, и о том наказании, которое должно последовать за каждым из них».

А также на примере 830 параграфа:

«Cil llll cas dessus dit qui sont de crime doivent estre puni et veingé par un meisme jugement, mes il i a autres cas de crime liquel doivent estre veingé par autre maniere de jugement, et orrés les cas et la venjance de chascun».

«Все четыре вышеуказанные преступления должны быть наказаны и отомщены одинаково. Но имеются другие дела, подлежащие королевской юрисдикции, которые должны быть наказаны по-иному. Послушайте о каждом из них и о наказаниях, которые за них следуют».

Отсюда следует, что первоначальная цель создания сборника – унификация мер наказания, которые применяются в судебной практике, а также информирование населения о том, какие санкции будут применяться в случае того или иного правонарушения.

2. Соотнесенность с временным планом

В данном случае О. П. Сологуб четко разграничивает документы с деловым и официальным началами, так первые характеризуются своевременностью, отвечают насущным актуальным проблемам, время конкретизируется формами глагола (настоящее действительное, будущее, прошедшее). Документы же с официальным началом предназначены для длительного пользования, им свойственна вневременность, которая выражается глагольными формами в настоящем времени в значении настоящего расширенного. Основную нагрузку несут существительные, происходит перенос центра тяжести с глагола на наименование. Официальному документу свойственна так называемая вневременность. Рассмотрим это на примере 825 и 827 параграфов:

«Murtres si est quant aucuns tue <...>».

«Убийство состоит в том, что один (человек) умышленно убивает <...>».

«Nus murtres n'est sans traïson, mes traïsons puet bien estre sans murtre<...>».

«Никакое убийство не может быть совершено без предательства, но предательство может быть совершено без убийства<...>».

В приведенных примерах дезактуализация времени выражена использованием глаголов настоящего времени в значении настоящего расширенного. Помимо этого, исследуемый аспект передается в тексте перевода за счет переноса центра тяжести на имя существительное, но в тексте оригинала та же самая конструкция представлена местоимением и глаголом. Рассмотрим это на примере фрагмента из 823 параграфа:

«La chose dont il est plus grans mestiers a tous ceus qui maintiennent justice, c'est qu'il sachent connoistre les mesfes quel il sont, <...> et qu'il sachent queus venjance doit estre prise de chascun mesfet».

«Самое главное для всех тех, кто вершит правосудие, — это умение различать проступки <...> и знание того, какого наказания они заслуживают».

В 826 параграфе:

«Traïsons si est quant l'en ne moustre pas semblant de haine <...>».

«Предательство состоит в том, что кто-нибудь, не выказывая явно признаков ненависти <...>».

В 828 параграфе:

«*Homicides si est quant aucuns tue autrui en chaude melee <...>*».

«**Убийством** называется и тот случай, когда кто-либо убивает другого (человека) в пылу спора <...>».

3. Личность / безличность

В официальных документах прослеживается устранение личного начала, широкое использование пассивной формы глагола (страдательный залог). Безличность объясняется тем, что первостепенной важностью в официальном начале имеет не конкретное лицо, а ситуация, требующая рассмотрения. Тогда как в деловых документах, напротив, фокус внимания направлен на лицо, участвующее в деловой коммуникации, для такого типа документов применимо использование личных местоимений и личных форм глагола.

Рассмотрим на примере 834 параграфа то, как устраняется личное начало и делается акцент на ситуацию, которую призван регулировать правовой документ.

«*Li faus monoier doivent estre bouli et puis pendu et forfont tout le leur si comme il est dit devant*».

«**Фальшивомонетки должны быть посажены под замок и затем повешены; имущество их подлежит конфискации, как это указывалось выше**».

В 830 параграфе:

«*Cil III cas dessus dit qui sont de crime doivent estre puni et veingé par un meisme jugement <...>*».

«**Все четыре вышеуказанные преступления должны быть наказаны и отомщены одинаково**».

Безличность в данных примерах проявляется активным использованием страдательного залога как в тексте на языке оригинала, так и в переводе. Центр тяжести смещен на факт обязательного урегулирования ситуации («**фальшивомонетки**») официальными органами.

В параграфах 831, 832 и 833 соответственно:

«*Qui art meson a escient <...>*» «**Тот, кто поджег дом <...>**»

«*Qui emble autrui chose <...>*» «**Тот, кто крадет чужие вещи <...>**»

«*Qui erre contre la foi comme en mescreance <...>*» «**Тот, кто заблуждается в вере <...>**»

В тексте оригинала во всех трех случаях используется относительное местоимение *qui*, в варианте перевода предложено устойчивое сочетание *тот, кто*, состоящее из указательного и относительного местоимений. Как показывают примеры, относительное местоимение выступает в качестве формы, указывающей на одушевленный субъект, на человека, без прямого указания на лицо, на пол, социальную принадлежность.

4. Модусное содержание

О. П. Сологуб уделяет внимание рассмотрению разных составляющих пункта, отвечающего за модусное содержание. Автор анализирует 1) волюнтаривность, или долженствующе-предписующий характер изложения, предписательность, 2) эмоционально-экспрессивное начало, 3) метатекст. Каждый из этих компонентов выполняет определенные

функции, характеризуя официально-деловой стиль. Волонтеративность в тексте официального документа реализуется косвенно, в форме констатации, с использованием: а) модальных глаголов, кратких прилагательных или страдательных причастий, б) форм глаголов настоящего времени в значении настоящего расширенного [Сологуб 2013]. Именно предписательность является яркой характерной чертой официального документа. В качестве примера приведены фрагменты из параграфов 823 и 831:

«<...> *ainçois sont aucun mesfet liquel doivent estre vengié de diverses mors...*»

«*Есть такие преступления, которые должны караться смертью как подлежащие королевской юрисдикции <...>*»

«*Qui art meson a escient il doit estre pendus et forfeit le sien <...>*»

«*Тот, кто поджег дом, должен быть повешен, и его имущество должно быть конфисковано <...>*»

На языке оригинала предписательность представлена модальным глаголом *devoir* (мочь) в сочетании с инфинитивом, обозначающим то действие, которое должно быть осуществлено. Перевод конструкции выполнен с использованием краткого прилагательного в сочетании с инфинитивом. Императивность сохраняется косвенно.

5. Наличие / отсутствие атрибутов официальности

Основным атрибутом официального начала является использование разнообразных невербальных знаков, таких как герб, печать, штамп, часто указывающих на то, что документ, прежде чем войти в силу, был официально заверен, подкреплён подписями и/или печатями. Ввиду того, что оригинал текста «Кутюмов Бовези» не сохранился, мы не можем знать, обладал ли документ определенными атрибутами официальности.

6. Процедура изготовления речевого произведения

Этот параметр говорит о согласованности и компетентности лиц, составляющих текст официального документа; ему необходима «высокая степень согласованности и взаимоувязанности предписываемых <...> норм, которые рассчитаны на длительный период действия и излагаются в систематизированном виде» [Егорова, Милованова, 2002: 14]. О. П. Сологуб отмечает, что работа над таким документом должна проводиться в несколько этапов целым штабом лиц, обладающих необходимой компетенцией, в этом случае документ будет значиться достоверным, объективным и логичным. Говоря о конкретном документе с учетом исторических справок, мы можем утверждать, что данный параметр проявляется в Кутюмах минимально или не проявляется ни в какой степени. Очевидно, что данный параметр официального документа проявляется всё более ярко с укреплением государственности, позиции самой страны в мире, с укреплением ярких атрибутов проявления государственной власти

7. Языковое оформление текста

Формулировка текста в официальном документе подразумевает ясность, четкость, недвусмысленность. Мысль должна звучать лаконично и быть объективной, полной, а также соблюдать естественные формальности. О. П. Сологуб апеллирует к термину ЕОФЯ (единицы официального функционирования языка) [Сологуб 2008], который является

чрезвычайно важным в вопросе определения документа как официально-делового. Исследователь характеризует вербальные ЕОФЯ, рассматривая их реализацию на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях. На лексическом уровне официальность проявляется с помощью: 1) клише; 2) официонимов, которые являются а) наименованиями учреждений, б) наименованиями должностных лиц; 3) книжной лексики, включающей в себя а) абстрактную лексику, отражающую ценностные ориентиры, отвлеченные действия и качества, б) организационно-производственную лексику, в) специальную терминологию (терминология государства и права, юридическая, экономическая). На синтаксическом уровне ярким показателем официальности является полнота, сложность предложений, что также свидетельствует о приверженности авторов книжной традиции оформления текста.

Показателем официальности текста является также его тщательно разработанная композиция, что выражается в разбиении документа на общие и частные разделы (разделы, главы, части, статьи, параграфы и т. д.), оформленные посредством рубрикации [Сологуб 2013]. Таким образом, важной чертой официального документа является его четкая структурированность. Говоря о таком параметре, как языковое оформление текста, при анализе Кутюмов Бовези мы в первую очередь будем обращаться к термину ЕОФЯ, к которым на лексическом уровне относятся клише, официонимы, книжная лексика, на синтаксическом уровне об официальном начале свидетельствует полнота и сложность предложений, на уровне текста – его разбиение на разделы. Клише представлены такими единицами, как: *perte d'avoir* (конфискация имущества), *comme il est dit devant* (как это указано выше), *porter faus tesmoing* (лжесвидетельствование) и другими примерами. Из проведенного анализа текста следует, что клише использовались в незначительной степени. Что касается официонимов, то в исследуемом фрагменте не встречается данных единиц, кроме наименования должностного лица *baillis* (бальи).

Примерами книжной лексики, в числе которых – абстрактная лексика и специальная терминология, являются: *les mesfes* (проступки), *venjance* (наказание), *murtres/homicide* (убийство), *traisons* (предательство), *fame esforcier* (изнасилование женщины), *charnel compaignie* (плотская компания), *la volenté* (воля), *un meisme jugement* (королевская юрисдикция) и другие.

Изучая оформление текста на синтаксическом уровне, обратимся вновь к параграфу 823:

«Car aussi comme li mesfet ne sont pas onni, ne sont pas les venjances onnies, ainçois sont aucun mesfet liquel doivent estre veigné de diverses mors, si comme li cas de crime qui sont fet par les maufeteurs en diverses manieres ; et la seconde maniere de mesfes doit estre vengie par longue prison et par perte d'avoir et non pas onniement, mes selonc ce que li fes le requiert <...>».

«Ибо так же, как неодинаковы проступки, неодинаковы и наказания. Есть такие преступления, которые должны караться смертью как подлежащие королевской юрисдикции, независимо от того, каким путем злоумышленник их совершил. Другие же преступления должны быть наказаны долголетним тюремным заключением с конфискацией имущества, но не одинаково во всех случаях, а в той степени, в какой это требуется <...>».

Предложения на языке оригинала и на языке перевода являются примером сложного, распространенного синтаксиса. В переводе на русский язык конструкции были раздроблены на несколько более мелких для облегчения понимания и смысловой разгрузки.

8. Дистанция на отдаление / сближение

Поскольку официальные документы поступают от уполномоченных органов, составляются и заверяются согласно предписанным нормам, а также призваны регулировать отношения и ситуации, их центр тяжести приходится на конкретную ситуацию, а не на лицо. Таким образом, в официальном документе прослеживается дистанция на удаление. В приведенных выше примерах из предшествующих пунктов можно вывести неактуальность межличностных отношений для содержания конкретного документа.

9. Точность, не допускающая инотолкования

Одним из важнейших параметров официально-делового стиля является точность, не допускающая инотолкования. Рассмотрим на примере 825 параграфа:

«Murtrés si est quant aucuns tue ou fet tuer autrui en aguet apensé puis soleil esconsant dusques a soleil levant, ou quant il tue ou fet tuer en trives ou en asseurement».

«Убийство состоит в том, что один (человек) умышленно убивает или заставляет кого-нибудь убить другого человека во время между заходом и восходом солнца, причем убийство это совершается наверняка».

Такая формулировка текста официального документа, с точным указанием на время суток, использованием повторов и достаточно простой лексики для человека, не сведущего в вопросах сферы юрисдикции, вероятно, говорит о том, что автор стремился сделать текст в первую очередь понятным, общедоступным, в том числе для необразованных слоев населения. Не прибегая к сложной терминологии, автор труда добился ясности и точности изложения путем использования простых, доступных конструкций.

В качестве примера приведем также текст 826 параграфа:

«Traïsons si est quant l'en ne moustre pas semblant de haine et l'en het mortelement si que, par la haine, l'en tue ou fet tuer, ou bat ou fet batre dusques a afoleure celui qu'il het par traïson».

«Предательство состоит в том, что кто-нибудь, не выказывая явно признаков ненависти, смертельно ненавидит кого-либо и из ненависти убивает его, или заставляет другого человека его убить, либо избивает его, или заставляет другого человека его избить до того, что тот, кого он ненавидит или предает, становится калекой».

С точки зрения функциональной стилистики возможен анализ древних официально-деловых документов на предмет обладания ими теми или иными чертами официально-делового стиля, так как право и судопроизводство, а также потребность фиксировать те или иные обычаи, законы, указы и договоренности, которые возникли еще в эпоху Средневековья.

Заключение

Анализ древнего юридического документа показывает, что формирование функциональных стилей, их существование является естественным процессом в жизни человеческого общества вне зависимости от исторического периода. Этот процесс связан с

функционированием языка в разных сферах его применения. Функциональные стили, их релевантные черты определяются самими потребностями, возникающими в жизни людей; их выделение связано с отбором языковых средств, обслуживающих ту или иную область человеческой деятельности.

Список литературы

1. Багана Ж., Кривчикова Н. Л. Стилистические характеристики законодательного текста // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 6. Выпуск 17. С. 49–53
2. Егорова Н. А., Милованова М. В. Кодекс как вид документа // Секретарское дело. 2002. № 4. С. 13–18.
3. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1968. 251 с.
4. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта, 2008. 464 с.
5. Кыркунова Л. Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь. 2007. 19 с.
6. Лыкова Н. Н. Генезис языка права: начальный этап (на материале французских и русских документов X–XV вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург. 2005. 50 с.
7. Лысенко О. Л. Кутюмы Бовези в системе источников права средневековой Франции XIII в. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 1. С. 62–86.
8. Мешкова И. Н. Некоторые особенности официально-делового стиля французского языка в правовой сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. С. 301–307.
9. Сологуб О. П. О единицах официального функционирования языка // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 5(12). С. 79–83.
10. Сологуб О. П. Официальное и деловое как организующие начала текста // Филология и человек. 2013. № 3. С. 148–161.
11. https://w.histrf.ru/articles/article/show/feodalnaia_razdrobennost (дата обращения: 03.03.2023).
12. <https://www.france.promotour.info/histoire/histoire-10.php> (дата обращения: 03.03.2023).

References

1. Bagana Zh., Krivchikova N. L. Stilisticheskie kharakteristiki zakonodatel'nogo teksta [Stylistic characteristics of the legislative text]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific statements. Series Humanities]. 2013, no. 6, iss. 17, pp. 49-53. (In Russ.).
2. Egorova N. A., Milovanova M. V. Kodeks kak vid dokumenta [Code as a type of document]. *Sekretarskoe delo* [Secretarial business]. 2002, no. 4, pp. 13-18. (In Russ.).
3. Kozhina M. N. K osnovaniyam funktsional'noi stilistiki [To the foundations of functional style]. Perm', Izd-vo «Permskij universitet», 1968, 251 p. (In Russ.).
4. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskii V. A. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Flinta publ., 2008, 464 p. (In Russ.).
5. Kyrkunova L. G. Ofitsial'no-delovye teksty v aspekte funktsional'no-smyslovykh tipov rechi [Official business texts in terms of functional and semantic types of speech]. Perm', 2007, 19 p. (In Russ.).

6. Lykova N. N. Genezis yazyka prava: nachal'nyi etap (na materiale frantsuzskikh i russkikh dokumentov X-XV vv.) [The genesis of the language of law: the initial stage (based on French and Russian documents of the 10th-15th centuries)]. Doctoral dissertation abstract, Ekaterinburg, 2005, 50 p. (In Russ.).

7. Lysenko O. L. Kutuyumy Bovezi v sisteme istochnikov prava srednevekovoi Frantsii XIII v. [Coutuyumy Bovezi in the system of sources of law in medieval France of the 13th century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Episode 11 - Law]. 2013, no. 1, pp. 62-86. (In Russ.).

8. Meshkova I. N. Nekotorye osobennosti ofitsial'no-delovogo stilya frantsuzskogo yazyka v pravovoi sfere [Some features of the official business style of the French language in the legal sphere]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences]. 2013, pp. 301-307. (In Russ.).

9. Sologub O. P. O edinitsakh ofitsial'nogo funktsionirovaniya yazyka [On the units of the official functioning of the language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2008, no. 5(12), pp. 79-83. (In Russ.).

10. Sologub O. P. Ofitsial'noe i delovoe kak organizuyushchie nachala teksta [Official and Business as Organizing Beginnings of the Text]. *Filologiya i chelovek* [Philology and man]. 2013, no. 3, pp. 148-161. (In Russ.).

11. https://w.histrf.ru/articles/article/show/fieodalnaia_razdroblyennost (дата обращения: 03.03.2023).

12. <https://www.france.promotour.info/histoire/histoire-10.php> (дата обращения: 03.03.2023).

Информация об авторах

Л. А. Красноборова – кандидат филологических наук,

доцент, кафедра лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет;

М. А. Ерыпалова – лингвист, переводчик,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

L. A. Krasnoborova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation, Perm State University;

M. A. Erypalova – Linguist, Translator,

Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 10.06.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 61–71.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 61-71.

Научная статья

УДК 81'37

ТРАНСЛЯЦИЯ КОНЦЕПТА *MEMORIA* ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ТЕАТРАЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ

Елена Михайловна Химинец¹, Кристина Алексеевна Верхокамкина²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ ellen.lm@mail.ru

¹ krisver2312@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей трансляции концепта *MEMORIA* в испанской научной статье театральной тематики при переводе на русский язык. Анализ концепта *MEMORIA* направлен на создание качественного текста перевода путём соотнесения вариантов репрезентации концепта на испанском и русском языках и представления его в виде фрейма. Интерес к данной теме обусловлен важностью исследования концепта *MEMORIA* для театральной сферы, поскольку память является человеческой способностью, которая помогает познанию мира, а также является неотъемлемой частью любой художественной деятельности. Отметим, что данный концепт мало исследован в рамках театра, следовательно, перевод научной статьи театральной тематики, направленный на корректную передачу научного знания, может представлять интерес как для лингвистов, исследующих эти аспекты, так и для театроведов, для преподавателей театральных институтов и для театральных критиков. В ходе исследования был проведён компонентный анализ лексемы *MEMORIA*, который позволил выделить минимальные компоненты значения лексемы. Кроме того, проведённый когнитивно-дискурсивный анализ дал возможность выделить ключевые смыслы статьи, концептуализировать и категоризировать вербальные репрезентанты во фрейме концепта на языке оригинала, составляющем основу для перевода. Также были рассмотрены основные проблемы перевода научного текста, выделены и обоснованы переводческие трудности, среди которых: корректная передача научного знания в переводном тексте (ПТ), учёт интертекстуального характера исходного текста (ИТ), концептуальное и терминологическое единообразие и другие. В тексте статьи представлены наиболее репрезентативные примеры перевода, отражающие особенности трансляции исследуемого концепта.

Ключевые слова: когнитивное переводоведение, концепт, фрейм, компонентный анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, *MEMORIA*.

Для цитирования: Химинец Е. М., Верхокамкина К. А. Трансляция концепта *MEMORIA* при переводе текста театральной тематики // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 61–71.

Original article

THE TRANSLATION OF THE CONCEPT MEMORIA IN THE THEATRICAL TEXT

Elena M. Khiminets¹, Christina A. Verkhokamkina²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ ellen.lm@mail.ru

¹ krisver2312@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the translation features of the concept MEMORIA actualized in the Spanish scientific article of the theatrical subject during translating into Russian. The study of the concept within the cognitive-discursive approach allows creating text by correlating the representations of the concept in Spanish and Russian and presenting it in the frame. The research is relevant due to the importance of the concept MEMORIA for the theater. Memory as a human ability leads to the world knowledge, as well as an essential part of any artistic activity. Furthermore the translation of a scientific article that is aimed at the correct transfer of the scientific building, may be of needed both for linguists, theater researchers, theater critics and for teachers of theater institutes because of little previous studies of the concept MEMORIA. The article presents the results of the component analysis of the lexeme MEMORIA, during which the minimum components of the lexeme meaning were identified. Moreover, the cognitive-discursive analysis allows finding the key meanings of the article, conceptualize and categorize verbal representatives in the original language, which forms the basis for translation. In conclusion, the main problems of the scientific text were considered, translation difficulties were identified and substantiated, such as the correct transfer of scientific knowledge in a translated text, the intertextual nature of the original text, conceptual and terminological consistency, etc. The most representative examples of translation reflecting the features of the concept MEMORIA were represented.

Keywords: cognitive translation studies, concept, frame, component analysis, cognitive-discursive analysis, MEMORIA.

For citation: E. M. Khiminets, Ch. A. Verkhokamkina. The translation of the concept memoria in the theatrical text. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:61-71. (In Russ.).

Введение

Современное переводоведение отличается множественностью теоретических концепций и методов исследования. Существует два основных направления развития представлений о переводе: текстоцентрическое и коммуникативно-функциональное. Основной задачей переводчиков, работающих в текстоцентрическом подходе, является «выявление лингвистических закономерностей процесса перевода» [Сдобников 2014: 91]. Современные представления о переводе стали частью представлений о межкультурной коммуникации в целом, то есть перевод стали воспринимать как «инструмент осуществления коммуникации между представителями разных языковых коллективов и культур, а в широком смысле – средство осуществления предметной деятельности разноязычных коммуникантов» [Сдобников 2014: 91].

З. Д. Львовской было сформулировано понятие коммуникативно-функционального подхода [Львовская 1985], целью которого является «дифференциация понятий языковых значений и речевого смысла, а также взаимосвязь и взаимозависимость, существующая между ними» [там же: 76].

Коммуникативно-функциональный подход расширил рамки переводческой деятельности и позволил рассматривать перевод как процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Отметим, что наше исследование проводится в рамках когнитивного подхода к переводу: изучая когнитивные процессы, лингвисты стремятся «объяснить, как релевантные для этих процессов знания хранятся и активизируются при выполнении перевода» [Фурсова 2013: 67]. Когнитивная составляющая переводческой деятельности связана с интеллектуальной деятельностью человека; Л. В. Кушнина, анализируя когнитивные механизмы переводческой деятельности, пишет, что «понимание когнитивных механизмов перевода возможно при описании их соотношения между интеллектуальной и деятельностной сферами личности переводчика, что соотносится, с одной стороны, с акциональным аспектом анализа, с другой стороны, с коммуникативным аспектом» [Кушнина 2015: 296].

Наконец, согласно когнитивно-эвристической модели перевода А. Г. Минченкова, «исходный текст в первую очередь воспринимается переводчиком-читателем и служит источником актуализации в его сознании определенных концептов, прежде всего и изначально тех концептов, которые объективируются как прототипические значения входящих в исходный текст слов или сочетаний слов» [Минченков 2008: 75].

В этой связи можно говорить о концептах – «единицах ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [Кубрякова, Демьянков 1996: 90]. В контексте работы с концептом применяется метод когнитивно-дискурсивного анализа [Хрусталева 2013], неотъемлемой частью которого являются процессы концептуализации и категоризации языковых репрезентантов и представление их в виде фреймовой структуры.

Фреймовый анализ помогает структурировать информацию и рассмотреть особенности концепта через вербальные репрезентации, обнаруженные в научном тексте театральной тематики. Для такого текста характерна научность, как способ репрезентации научного знания. Кроме того, следует учитывать такие трудности научного перевода, как концептуальное и терминологическое единообразие, необходимость корректной передачи процессов абстрагирования, которые находятся на имплицитном уровне понимания текстов [Алексеева 2010: 79–80].

Основная часть

Статья Дж. Каудильо Лосано «Театральность тела и памяти: возможный диалог между Анри Бергсоном, Сэмюэлом Беккетом, Фридрихом Ницше и Ежи Гротовским» (*Teatralidades del cuerpo y la memoria, un diálogo posible entre Bergson, Beckett, Nietzsche y Grotowski*) была

опубликована в журнале «Театральные исследования» (*Investigación Teatral*) 14 ноября 2022 года. Данная статья написана в научном стиле, что обусловлено направленностью научного журнала, в котором она была опубликована.

Автором поднимается проблема памяти в театральном контексте, основу исследования составляют философские идеи Анри Бергсона, Сэмюэля Беккета и Фридриха Ницше; особое внимание автор уделяет воззрениям Ежи Гротовского. Тексты научного стиля отличаются наличием специальной лексики и терминологии, которая, являясь одной из главных составляющих научной речи, воплощает такое качество научного стиля, как точность [Вьюгина 2020: 201]. Научный стиль присущ научным текстам, в которых автор излагает информацию, подтверждённую фактами, так как «основная цель научного стиля – сообщение научных результатов: основная форма его осуществления – монолог» [там же].

В рамках нашего исследования концепта, мы обращаемся к методу компонентного анализа и следуем алгоритму, который сформулировали И. А. Стернин и М. С. Саломатина [Стернин, Саломатина 2011: 16]. В ходе анализа нами был составлен список дефиниций слова MEMORIA из 13 наиболее известных испанских толковых и специальных словарей. В ходе работы нами были выявлены 6 групп компонентов общего значения лексемы MEMORIA: acción (31 %), objeto (31 %), característica (19 %), sujeto (9 %), plazo (6 %), calidad (4 %). Минимальные компоненты значений, объединённые в семантические группы, не только отражают оттенки значений, но и указывают на особенности употребления лексемы MEMORIA в различных сферах, что является важным для создания корректного текста перевода (далее ТП).

Применяя когнитивно-дискурсивный анализ, был построен фрейм концепта MEMORIA на основе текста статьи, он включает в себя 7 слотов: *sujeto*, *objeto*, *acción*, *actividad*, *característica*, *calidad*, *plazo*. В ходе работы, было установлено, что репрезентанты слотов фрейма исходного теста (далее ИТ) образуют многочисленные семантические связи среди них: синонимия, антонимия, отношения по типу «часть-целое», «род-вид», по атрибутивному признаку.

Полученный фрейм концепта MEMORIA позволил на этапе перевода следовать логике автора, а на этапе постперевода – проанализировать особенности употребления некоторых вербальных репрезентантов.

Обратимся к слоту **sujeto** и к одному из репрезентантов – **cuerpo**, входящему в подслот 2-го уровня **físicos**. В тексте статьи, с которой мы работаем, **cuerpo** определяется как часть субъекта, что подтверждает определение *Conjunto de los sistemas orgánicos que constituyen un ser vivo (Совокупность органических систем, составляющих живое существо)* [RAE: эл. р.]. Приведём примеры из текста статьи: *Debido a esto, el cuerpo es imagen y articula imágenes al ser afectado por el mundo circundante y absorberlo en la memoria... (В силу того, что тело формирует образы из окружающего мира, сохраняя их в памяти...)* [Lozano 2022: 71]. В данном случае под **телом** автор статьи подразумевает часть живой системы, которая способствует формированию образов, взаимодействуя с окружающим миром, и сохраняет их

в памяти. Отметим, что в статье Дж. Лосано определяет **тело** как образ, однако, при переводе мы опускаем лексему «imagen», так как из контекста становится ясно, что **тело** представляет собой систему образов, а значит и само является таковым.

В примере *La teatralidad del cuerpo y la memoria es la ambigüedad de aquello que se muestra entre lo decible y lo indecible... (Театральность тела и памяти указывает на противоречие между “видимым” и “скрытым”)* [Lozano 2022: 68] лексема **cuerpo** употребляется в контексте театральности и обозначает часть личности. Словосочетание *La teatralidad del cuerpo y la memoria* мы переводим как «Театральность тела и памяти». Отметим, что в ходе анализа дефиниций, мы пришли к выводу, что «театральность» представляет собой социальный феномен, связанный с развитием личности и её существованием в окружающей действительности, а **тело** и **память** – это части личности, позволяющие взаимодействовать с окружающей средой и социумом.

Обратимся к слоту **acción**, а именно к подслоту 1-го уровня **recolección**, который включает в себя две лексемы **consolidar** и **almacenar**. Рассмотрим пример: *...Lemm habla de la memoria de la voluntad para referirse a la manera en la que la civilización se consolida a sí misma en los cuerpos, articulando las imágenes históricas... (...Ванесса Лемм рассуждает о памяти, как о силе воли. Воля – это способ, позволяющий окружающей действительности оставаться в телах людей, сохранять и распознавать исторические образы)* [Lozano 2022: 83].

В испанском словаре **consolidar** определяется как «Afianzar o asegurar del todo una cosa, hacerla duradera» (Полностью закрепить или обезопасить вещь, сделать ее долговечной) [Diccionarios.com: эл. р.], в тексте статьи мы переводим данную лексему как «закреплять», «сохранять», в зависимости от контекста. В данном случае речь идёт об исследователе Ванессе Лемм, которая принимает память за силу воли и отмечает способность воли сохранять в себе части окружающей действительности в виде образов, о которых упоминалось ранее.

Согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова «оставаться» значит то же самое, что и «остаться» – «сохраниться, не перестать существовать» [Толковый словарь Ушакова: эл. р.]. Итак, выражение **se consolida a sí misma en los cuerpos** мы переводим как «...оставаться в телах людей», подчеркивая тем самым процесс долгосрочного закрепления, задержки образов памяти в телах людей.

В примере *Nietzsche denuncia que la modernidad tradicional tiende a consolidar su historicidad civilizatoria, clausurando la multiplicidad de la memoria intensiva, petrificando un relato monumental que articula un régimen de identidad, ya no solamente individual, sino colectivo (Фридрих Ницше критикует современную тенденцию сохранять свою цивилизационную историчность, при помощи активной памяти, блокировать прошлый опыт, представляя его историей)* [Lozano 2022: 81]. Лексема **consolidar** переводится как «сохранять» и является синонимом **almacenar**. Автор статьи говорит о критике тенденции сохранения цивилизационной историчности, о которой пишет Фридрих Ницше. При помощи активной памяти люди работают со своей историей, в таком типе памяти сохраняются самые ранние знания о прошлом. Таким образом, мы переводим **consolidar** как «сохранять», акцентируя внимание на процессе сбора информации в памяти.

Лексема **almacenar** в испанском словаре определяется как *Reunir varias cosas* (*Собирать несколько вещей вместе*) [Diccionarios.com: эл. р.]. В тексте статьи мы её переводим как «сохранять», приведём пример: «...pero al mismo tiempo [imágenes] **se almacenan en la memoria** y adquieren un movimiento propio» (*Однако, образы, сохраняясь в памяти, могут существовать отдельно, изменяться*) [Lozano 2022: 71]. Из контекста мы понимаем, что речь идёт об образах, которые могут сохраняться в памяти и существовать отдельно друг от друга. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова «сохранять» – «хранить, держать в каком-нибудь месте» [Толковый словарь Ушакова: эл. р.].

Таким образом, Дж. Лосано подчёркивает способность памяти удерживать образы в одном месте, хранить их на протяжении долгого времени. Исходя из этого, в испанском фрейме MEMORIA мы выделяем две лексемы **consolidar** и **almacenar**, которые переводим как «оставаться», «сохранять», следовательно, они составляют синонимичную пару.

Рассмотрим особенности употребления одного из репрезентантов слота **objeto**, входящего в подслот **concepto – monstruo bicéfalo**, который мы переводим как «двуглавый монстр». Приведем пример: «Sin embargo, siempre acecha la memoria de la voluntad, [...], adquiriendo fuerza la imagen propuesta por Beckett en donde el tiempo aparece como un monstruo bicéfalo» (*Однако, произвольная память доминирует и усиливает образы. Сэмюэл Беккет сравнивал произвольную память с двуглавым монстром*) [Lozano 2022: 85].

В данном контексте автор использует метафору «двуглавый монстр», сравнивая произвольную память человека с монстром, поскольку она содержит не только индивидуальные образы, но и хранит в себе образы из окружающего мира. Лексема **monstruo** означает «Ser que presenta anomalías o desviaciones notables respecto a su especie» (*Существо, имеющее заметные отклонения или отклонения от своего вида*) [RAE: эл. р.]. Лексема **bicéfalo** – «Que tiene dos cabezas» (*Тот, у которого две головы*) [RAE: эл. р.]. Автор использует данную метафору, представляя произвольную память – монстром, так как этот вид памяти одновременно доминирует и усиливает образы, что отличает её от других видов памяти; двуглавый – так как речь идёт о двух видах образов: индивидуальных и пришедших извне. Следовательно, переводя данную лексему как «двуглавый монстр», мы сохраняем авторскую метафору, которая понятна русскому реципиенту, так как в русской культуре «двуглавый монстр» ассоциируется у нас с героями из мультфильмов и сказок (например, змей Горыныч – трехголовый монстр). Кроме того, данная метафора придаёт научной статье художественность, что также является особенностью данного текста, которую целесообразно сохранить при переводе как часть авторского стиля.

Обратимся к слоту **actividad**, репрезентантами которого являются лексемы **coreografía** и **danza**. В испанском словаре **coreografía** означает «Conjunto de pasos y figuras de un espectáculo de danza o baile» (*Набор шагов и фигур из танцевального или танцевального представления*) [RAE: эл. р.], то есть представляет собой совокупность танцевальных движений. Лексема **danza** определяется как «baile (acción de bailar)» (*танец; танцевальное действие*) [RAE: эл. р.].

Автор статьи говорит о танцевальной деятельности в контексте двигательной памяти, которая активизируется при заучивании танцевальных движений: «...el filósofo francés distingue dos aspectos de la memoria; una que **depende de los mecanismos motores y se dirige a la acción**, la cual puede verse en <...> el aprendizaje de **una coreografía de danza**» (...французский философ различает два типа памяти. **Первая зависит от двигательных механизмов и направлена на действие. Ее можно наблюдать в процессе заучивания <...> танцевальных движений**) [Lozano 2022: 72].

Из контекста мы понимаем, что хореография – часть танца. В толковом словаре Д. Н. Ушакова даётся следующее определение «танца» – «ряд таких движений, определённого темпа и формы, исполняемых в такт определённой музыке» [Толковый словарь Ушакова: эл. р.]. Следовательно, выражение «**una coreografía de danza**» мы переводим как «танцевальные движения», то есть лексему **danza** (танец) мы заменяем прилагательным «танцевальный», акцентируя внимание на признаке, подчеркивая то, что хореография – набор движений под музыку. Итак, во фрейме на испанском языке в слоте **actividad** мы выделяем две лексемы **coreografía** и **danza**, а в русском – одно словосочетание «танцевальные движения», которое указывает на деятельность актера, в процессе которой активизируется двигательная память.

Говоря о наиболее репрезентированном слоте **característica**, рассмотрим примеры перевода вербальных единиц **memoria intensiva**, **cuerpo-memoria**, которые являются видами памяти и входят в подслот **tipos**. Словосочетание **memoria intensiva** мы переводим как «кратковременная память». Отметим, что **intensiva** означает «*Más intenso, enérgico o activo que de costumbre*» (*Более интенсивный, энергичный или активный, чем обычно*) [RAE: электронный ресурс], то есть указывает на такие характеристики, как активность, интенсивность. Приведём пример: «*La memoria intensiva es el lugar donde habita la multitud que somos*» (*Кратковременная память – место скопления наших образов*) [Lozano 2022: 75].

В данном случае автор представляет память в качестве резервуара для хранения образов и отмечает кратковременность описываемого процесса. Исходя из этого, мы можем перевести данную лексему как «кратковременная память». В Психологическом словаре даётся следующее определение кратковременной памяти – «вид памяти, характеризующийся относительно коротким временем хранения информации (до 30 с.), которая теряется в силу действия временного фактора или из-за поступления новой информации, и небольшим количеством воспроизводимых элементов» [Психологический словарь 2000: эл. р.].

Таким образом, важная черта кратковременной памяти – небольшое время хранения информации, на чём и акцентирует внимание автор статьи. Кроме того данный вариант перевода научно обоснован, закреплён в психологии в качестве термина, поэтому кажется нам наиболее точным.

Следующая лексема, отражающая тип памяти – **cuerpo-memoria**, сформулирована Ежи Гротовским в многочисленных работах, касающихся театра. Лексема **cuerpo**, как упоминалось нами ранее, представляет часть тела человека, следовательно, **cuerpo-memoria**

мы можем переводить как «память тела». В примере <...> *puede entenderse como una imaginación corpórea que está en la base de lo que Grotowski llama cuerpo-memoria* ([Такой механизм] называется телесным воображением, лежит в основе того, что **Ежи Гротовский** называет памятью тела) [Lozano 2022: 73].

Автор говорит о телесном воображении, которое составляет основу памяти тела. Возможный вариант перевода лексемы **cuerpo-memoria** – «тело-память», однако, в таком случае теряется акцент на самом главном – связи памяти и тела.

Отметим, что перевод «памяти тела» не единственный. Данную лексему также можно трактовать как *телесная память* – устоявшийся в театральных кругах термин, принадлежащий Ежи Гротовскому. В словосочетании *телесная память*, прилагательное *телесный* определяется как «относящийся к телу» [Толковый словарь Ушакова: электронный ресурс]. Приведём пример: «...se mantendrá un diálogo con el pensamiento de **Jerzy Grotowski** y su **posición de cuerpo-memoria...**» (...мы будем вести диалог с идеей «*телесной памяти*», которую сформулировал **Ежи Гротовский**) [Lozano 2022: 68].

Автор статьи обозначает, что Ежи Гротовский является автором данного понятия. Наконец, мы работаем с научной статьей, которой присущи термины, поэтому вариант перевода «телесная память» кажется нам наиболее удачным.

Наконец, рассмотрим слот **plazo**, который содержит одну лексему **pasado**. В испанском языке данная лексическая единица имеет значения «*Tiempo que pasó*» (*Время, которое прошло*) [RAE: электронный ресурс]. В примере «*Esta memoria involuntaria es el flujo de la duración en donde colapsa la construcción lineal del tiempo, el pasado como una multiplicidad de flujos que se acumulan en el presente, en tanto virtualidad*» (*Непроизвольная память – поток, в котором разрушается линейная конструкция времени. Данный тип памяти включает в себя прошлое, которое состоит из множества потоков, которые накапливаются в настоящем, как воображаемые образы*) [Lozano 2022: 74].

Речь идёт о непроизвольной памяти, которая способствует разрушению линейной конструкции времени, так как включает в себя множество образов из прошлого. Мы переводим лексему **pasado** как «прошлое», имея в виду завершённый период времени, в течение которого в памяти накапливались образы. На возможность такой трактовки указывает определение из русского толкового словаря, в котором «прошлое» определяется через прилагательное «прошлый» – «прошедшее, минувшее время, прошлая жизнь, события прошедшего времени» [Толковый словарь Ушакова: эл. р.]. Таким образом, мы сохраняем значение завершённого периода и событий, которые происходили, что наиболее полно отражает смысл, вложенный автором.

Заключение

В ходе работы, выполненной в рамках когнитивного подхода к переводу, был проведён компонентный анализ лексемы **MEMORIA**, в результате которого были выделены минимальные компоненты значения лексемы.

Исследование в рамках когнитивно-дискурсивного подхода способствовало выявлению структуры и вербализации концепта MEMORIA и его трансляции при переводе текста научной статьи театральной тематики. Концептуальное моделирование при переводе позволило следовать логике автора, передать основные смыслы, заложенные в ИТ и сохранить их на этапе постперевода. Кроме того, в статье были рассмотрены основные проблемы перевода научного текста, выделены и обоснованы некоторые переводческие трудности.

Анализ научного текста, выделенные особенности языковой реализации концепта MEMORIA позволили добиться максимальной структурной и смысловой точности при трансляции научного знания ИТ в ПТ и создать цельный научный текст на русском языке, позволяющий читателю познакомиться с научным подходом к проблеме памяти, неотъемлемой части любой художественной деятельности, и её связи с театральностью.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Методика обучения письменному переводу специального текста // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (8). С. 77–84.
2. Вьюгина С. В. Научный стиль: лексические особенности // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2020. Т. 1. С. 201–203.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 1996. 245 с.
4. Кушникова Л. В. О когнитивных механизмах перевода // Studia Rossica Gedanensia. 2015. № 2. С. 291–299.
5. Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка). М.: Высшая школа, 1985. 232 с.
6. Минченков А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология. 2007. 256 с.
7. Психологический словарь. 2000 год. [Электронный ресурс] URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
8. Сдобников В. В. Так кто же оценивает качество перевода? // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Нижний Новгород: Изд-во «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», 2014. Вып. 2(9). С. 86–92.
9. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
10. Толковый словарь Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
11. Фурсова И. Н. Когнитивный подход в переводоведении // Lingua movilis. 2013. С. 66–73.
12. Хрусталева М. А. Дискурс, концепт, концептуализация: методика когнитивно-дискурсивного анализа // Иностранные языки в контексте культуры. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2013. С. 118–123.
13. Diccionario de la lengua española RAE. [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 10.03.2023).

14. Diccionarios.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diccionarios.com/> (дата обращения: 10.03.2023).

15. Lozano J. C. Teatralidades del cuerpo y la memoria, un diálogo posible entre Bergson, Beckett, Nietzsche y Grotowski / Investigación teatral. Mexico: Universidad Veracruzana Centro de Estudios, Creación y Documentación de las Artes, 2022. Vol. 13. Núm. 22. P. 65–86.

References

1. Alekseeva L. M. Metodika obucheniya pis'mennomu perevodu spetsial'nogo teksta [Methodology for teaching written translation of a special text]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University]. 2010, iss. 2 (8), pp. 77-84. (In Russ.).

2. V'yugina S. V. Nauchnyi stil': leksicheskie osobennosti [Scientific style: lexical features]. *Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo»* [Proceedings of the International Symposium "Reliability and Quality"]. 2020, vol. 1, pp. 201-203. (In Russ.).

3. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G, Luzina L. G. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Izd-vo «Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova» publ., 1996, 245 p. (In Russ.).

4. Kushnina L. V. O kognitivnykh mekhanizmaxh perevoda [About cognitive mechanisms of translation]. *Studia Rossica Gedanensia* [Studia Rossica Gedanensia]. 2015, no. 2, pp. 291-299. (In Russ.).

5. L'vovskaya Z. D. Teoreticheskie problemy perevoda (na materiale ispanskogo yazyka) [Theoretical problems of translation (based on the Spanish language)]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1985, 232 p. (In Russ.).

6. Minchenkov A. G. Kognitsiya i evristika v protsesse perevodcheskoi deyatel'nosti [Cognition and heuristics in the process of translation activity]. Saint Petersburg, Antologiya publ., 2007, 256 p. (In Russ.).

7. Psikhologicheskii slovar'. 2000 god. [Psychological dictionary. year 2000] (In Russ.). Available at: <https://academic.ru/> (accessed: 15.02.2023).

8. Sdobnikov V. V. Tak kto zhe otsenivaet kachestvo perevoda? [So who evaluates the quality of a translation?]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti* [Theoretical and applied aspects of the study of speech activity]. Nizhnii Novgorod, Izd-vo «Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N. A. Dobrolyubova» publ., 2014, iss. 2(9), pp. 86-92. (In Russ.).

9. Sternin I. A., Salomatina M. S. Semanticheskii analiz slova v kontekste [Semantic analysis of a word in context]. Voronezh, Istoki publ., 2011, 150 p. (In Russ.).

10. Tolkovyi slovar' D. N. Ushakova [Dictionary of N. D. Ushakov]. (In Russ.). Available at: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed: 15.02.2023).

11. Fursova I. N. Kognitivnyi podkhod v perevodovedenii [Cognitive approach in translation studies]. *Lingua movilis* [Lingua movilis]. 2013, pp. 66-73. (In Russ.).

12. Khrustaleva M. A. Diskurs, kontsept, kontseptualizatsiya: metodika kognitivno-diskursivnogo analiza [Discourse, concept, conceptualization: methods of cognitive-discursive analysis]. *Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury* [Foreign languages in the context of culture]. Perm', Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet» publ., 2013, pp. 118-123. (In Russ.).

13. Diccionario de la lengua española RAE. [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 10.03.2023).

14. Diccionarios.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diccionarios.com/> (дата обращения: 10.03.2023).

15. Lozano J. C. Teatralidades del cuerpo y la memoria, un diálogo posible entre Bergson, Beckett, Nietzsche y Grotowski. Investigación teatral. Mexico: Universidad Veracruzana Centro de Estudios, Creación y Documentación de las Artes, 2022. Vol. 13. Núm. 22. P. 65-86.

Информация об авторах

Е. М. Химинец – старший преподаватель, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

К. А. Верхокамкина – лингвист,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. M. Khiminets – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;

Ch. A. Verkhokamkina – Linguist,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 72–84.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 72-84.

Научная статья

УДК 81'42

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Ж.-И. ЛЕ ДРИАНА)

Наталья Владимировна Хорошева¹, Ани Арменовна Саакян²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ romanphyl@gmail.com

² ani.saakyan07@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению французского дипломатического дискурса, в частности, его репрезентации в выступлениях Жан-Ива Ле Дриана – выдающегося французского государственного и политического деятеля, занимавшего пост министра Европы и иностранных дел Франции с мая 2017 г. по май 2022 г. Авторы статьи рассматривают теоретические аспекты дипломатического дискурса, специфику и функционирование французского дипломатического дискурса, а также проблемы перевода в сфере дипломатии. Исследование позволило выявить, что для французского дипломатического дискурса характерно наличие как общих, так и специфических признаков. В настоящей статье представлен анализ конститутивных признаков французского дипломатического дискурса, репрезентированных в текстах выступлений главы французской дипломатии на лексическом, морфосинтаксическом и стилистическом уровнях. Среди основных характеристик французского дипломатического текста отмечается клишированность речи, высокая степень референциальной насыщенности, обилие отлагательных существительных и специальных терминов, эвфемизация и метафоризация высказываний, риторические приёмы, а также модальность долженствования. В целом тексты выступлений выражают политику «мягкой силы» и переход от личностного плана выражения к институциональному. В работе продемонстрированы результаты перевода выступления Жан-Ива Ле Дриана на русский язык, представлено обоснование принятых стратегий перевода. Также отмечены трудности, с которыми сталкивается дипломатический переводчик в ходе выполнения своей работы, и обозначены способы их преодоления. Для реализации общей стратегии перевода с учётом сохранения стиля дипломатической коммуникации и преодоления трудностей, возникающих в процессе перевода, необходимо учитывать семантику и стилистический потенциал как отдельных языковых единиц, так и макроконтестов.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, французский дипломатический дискурс, стратегия перевода, анализ перевода, дипломатическая коммуникация.

Для цитирования: Хорошева Н. В., Саакян А. А. Специфика перевода французских дипломатических текстов на русский язык (на материале выступлений министра иностранных дел Ж.-И. Ле Дриана) // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 72–84.

Original article

PECULARITIES OF TRANSLATION OF FRENCH DIPLOMATIC TEXTS INTO RUSSIAN (BASED ON THE SPEECHES OF THE MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS J.-I. LE DRIAN)

Natalia V. Khorosheva¹, Ani A. Sahakyan²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ romanphyl@gmail.com

² ani.saakyan07@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the French diplomatic discourse and its representation in the speeches of Jean-Yves Le Drian, an outstanding French statesman and politician who served as The Minister for Europe and Foreign Affairs of France from May 2017 to May 2022. The paper examines theoretical aspects of diplomatic discourse, the specifics and functioning of the French diplomatic discourse, the problems of translation in the field of diplomacy. The present article analyses the constitutive features of the French diplomatic discourse represented in the texts of the speeches of the head of French diplomacy at the lexical, morphosyntactic and stylistic levels. The main characteristics of the French diplomatic text include clichéd speech, a huge amount of references, an abundance of verbal nouns and special terms, euphemisation and metaphorisation of statements, rhetorical devices and the modality of obligation. In general, the texts of speeches express the politics of «soft power» and the transition from the personal to the institutional plane of expression. The paper demonstrates the results of translation of Jean-Yves Le Drian's speech into Russian and provides justification for the accepted translation strategies. The difficulties a diplomatic translator encounters in the course of his work are also pointed out and the ways to overcome them are outlined. In order to implement a general strategy of translation taking into account the preservation of the style of diplomatic communication and to solve the difficulties arising in the process of translation, it is necessary to take into account the semantics and stylistic potential of both separate linguistic units and macro-contexts.

Keywords: diplomatic discourse, French diplomatic discourse, translation strategy, translation analysis, diplomatic communication.

For citation: Khorosheva N. V., Sahakyan A. A. Peculiarities of translation of French diplomatic texts into Russian (based on the speeches of the minister of foreign affairs J.-I. Le Drian). Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:72-84. (In Russ.).

Введение

Изучение дипломатического дискурса – одна из актуальных лингвистических задач, лежащих в поле исследования глобальных проблем взаимосвязи языка и власти, языка и политики, языка и социума.

В современных условиях раздробленности мирового сообщества дипломатическая коммуникация – инструмент переговоров и достижения взаимопонимания. В связи с этим перевод дипломатических выступлений нередко имеет стратегическое межгосударственное

значение. При этом перевод французских дипломатических текстов на русский язык требует особого внимания и изучения, так как французский дипломатический дискурс имеет свои особенности, связанные с культурными, историческими и политическими контекстами. Анализ текста выступлений главы дипломатии того или иного государства позволяет выявить характерные черты дипломатического дискурса, а также определить стратегию их трансляции на русский язык.

Цель нашего исследования состояла в выявлении конститутивных признаков французского дипломатического дискурса, репрезентированных в текстах выступлений представителя французской дипломатии, и в обосновании соответствующих им стратегий перевода.

Материалом для исследования явились тексты 10 выступлений Жан-Ива Ле Дриана в период с 2017 по 2021 гг. на таких мероприятиях международного уровня, как пресс-конференции Генеральной Ассамблеи ООН, заседания Генеральной Ассамблеи ООН, годовщина празднования подписания Устава ООН, заседания Совета Безопасности ООН, заседания Совета Европейского союза по иностранным делам, заседания Генеральной конференции ЮНЕСКО. Общий объём проанализированных текстов составил более 94 000 печатных знаков.

Основная часть

Дипломатический дискурс – статусно-ориентированный дискурс, представляющий собой речевое взаимодействие представителей института дипломатии [Кожетева 2012: 55]. Данный тип дискурса выражает специфические ценности, к которым относят следующие: суверенное равенство, добросовестное выполнение принятых на себя обязательств, разрешение международных споров мирными средствами, сотрудничество, невмешательство во внутренние дела субъекта, динамику, устойчивое развитие, честность, лояльность, некатегоричность, тактичность, корректность, сдержанность [Волкова 2007: 12].

Как известно, французский язык был рабочим языком международной дипломатии на протяжении столетий до Первой мировой войны, именно поэтому французская дипломатия лежит в основе современной мировой дипломатии [Сагайдак 2006: 290]. С французской дипломатией связывают такое понятие, как *softpower* («мягкая сила») – стратегии, при которой страна за счёт своих внутренних культурных ресурсов способна обеспечить влияние на современной политической арене, не прибегая при этом к насильственным методам [Коган 2019: 169].

Французские дипломаты представляют своё государство как сильную, бесстрашную, гостеприимную, исключительную, процветающую державу, несущую образ свободы, независимости, страну, которая заботится о процветании и благосостоянии стран-соседей [Емельянова, Глинчевский 2018: 17]. Дипломатический перевод представляет собой один из самых сложных и трудных видов переводческой деятельности, затрагивающий национальные интересы и внешние отношения, являющийся наиболее политически деликатным, поэтому к нему предъявляются высокие требования.

В ходе анализа выступлений министра мы выявили следующие особенности. В целом тексты выражают политику «мягкой силы» и переход от личного плана выражения к институциональному. Выступление министра – это презентация позиций внешней политики государства, поэтому министр высказывается от лица государства, которое представляет: *«La France est d'ailleurs prête à recevoir d'autres organisations internationales sur son sol»*.

Политика «мягкой силы» французской дипломатии, выражается в том, что министр в своих выступлениях упоминает вклад Франции, прежде всего финансовый, в поддержание мирового порядка и развития: *«... la France s'est donné un objectif ambitieux de consacrer en 2022 500 millions d'euros à l'action humanitaire, soit un triplement depuis 2017»*.

Наблюдается высокая степень насыщенности отсылками к различным прецизионным референтам (фактам, датам, именам и т. д.): *«Dans quelques jours (le 12 novembre), nous célébrerons le 75e anniversaire l'UNESCO. S'il fallait résumer en un seul mot ces décennies employées à "construire la paix dans l'esprit des femmes et des hommes"» (C'est la devise de l'UNESCO), je parlerais sans hésiter de progrès»*.

Каждая речь министра начинается с клише приветствия и выражения уважения, часто – благодарности, которые одновременно служат для выражения вежливости и соблюдения деловой дистанции между коммуникантами: *«Mesdames et Messieurs»*; *«Monsieur le Président»*; *«Monsieur le Président de l'Assemblée générale»*; *«Monsieur le Secrétaire général»*; *«Mesdames et Messieurs les chefs d'Etat et de gouvernement»*; *«Je souhaiterais d'abord remercier mon ami Heiko Maas d'avoir pris l'initiative d'organiser cette réunion»*; *«Je voulais d'abord vous dire que c'est un grand plaisir de se retrouver»*; *«J'ai l'honneur de prendre la parole au nom du Conseil de sécurité»*; *«Je tiens également à saluer et à remercier le secrétaire général des Nations unies»*.

Формализованность прослеживается в употреблении большого количества аббревиатур: 1) международные организации: *«l'OMS»*; *«l'ONU»*; *«CICR»*; *«l'UNESCO»*; *«FMI»*; *«l'UICN»*; *«GIEC»*; *«ONG»*; 2) международные форумы, миссии, конференции и объединения: *«G20»*; *«COP26»*; *«MINUSMA»*; *«G5 Sahel»*; *«COP23»*; *«APD»*; *«ACT-A»*; *«FINUL»*; *«COVAX»*; *«BCAH»*; *«HCR»*; *«l'UNRWA»*; *«l'ALIPH»*; *«P5»*; *«DTS»*; 3) международные соглашения: *«JCPoA»*; 4) названия стран: *«RCA»*; *«RDC»*; 5) названия эпидемий: *«COVID-19»*; *«VIH/SIDA»*. Использование аббревиатур позволяет министру соблюсти требования информативности и краткости, предъявляемые дипломатическому дискурсу – выступающий в экономической форме реализует намерения и обеспечивает понимание реципиента. Более того, использование аббревиатур обусловлено требованием обеспечения унификации и стандартизации текстов дипломатического подстиля.

На лексическом уровне характерно употребление отглагольных существительных. Преобладание отглагольных существительных в дипломатическом дискурсе обусловлено стремлением к точности, краткости и простоте синтаксической структуры высказываний: *régression; mobilisation; polarisation; coopération; collaboration; installation* и других.

Слова, образованные с помощью префиксов, позволяют более точно и сжато выразить определённые понятия и явления, что особенно важно в дипломатической коммуникации: *redire; rappeler; reparler; repenser; resurgir; rejoindre; revenir* и другие. Особенной

продуктивностью отличается суффиксация наречий, которая во французском дипломатическом тексте играет важную роль в создании точности, ясности и прозрачности высказываний. Наречия на *-ment* позволяют уточнить, конкретизировать значение глагола или прилагательного, указать на способ действия или характеристику объекта. Данные наречия частотно используются в текстах выступлений министра для выражения эмоций, отношения или оценки: *fortement; également; particulièrement; évidemment; ardemment; malheureusement* и другие.

Терминологическая насыщенность как одна из отличительных стилистических черт дипломатического дискурса также прослеживается в речи министра. Термины в дипломатическом дискурсе используются для создания формального и официального языка, для установления ясных и точных правил и процедур, которые могут быть поняты и приняты однозначно всеми участниками дипломатического процесса.

Проанализировав тексты выступлений министра, мы выявили употребление терминов, которые можно разделить на категории, перечисленные ниже. Помимо этого, мы посчитали необходимым разделить данные категории по употребительности на две подкатегории, – моноинституциональные (собственно дипломатические) и полиинституциональные (термины, которые используются как в дипломатическом дискурсе, так и в других институциональных дискурсах – общеполитическом, экономическом, юридическом, культурологическом и др.) [Афанасьева, Каневская 2020: 1537].

Однако следует отметить, что границы между обозначенными категориями и подкатегориями терминов не являются жесткими.

(1) Ранги и должности: моноинституциональные (*les ambassadrices; les ambassadeurs; le ministre des Affaires étrangères*); полиинституциональные (*délégués permanents; les chefs de gouvernement; les chefs de délégation; le Représentant; le Président; le Président de la République* и др.

(2) Главные органы ООН, руководящие органы ЮНЕСКО, государственные органы и другие международные органы, организации и объединения и термины, связанные с их работой: моноинституциональные (*Le Conseil de l'Union européenne; l'Union européenne; La Commission européenne; le Conseil des ministres; le Conseil des affaires étrangères; l'Assemblée Générale*); полиинституциональные (*les forces de sécurité; les forces armées nationales; les blocages politiques; le mandat; la présidence; la gouvernance; l'Alliance pour le multilatéralisme; l'Alliance internationale pour la protection du patrimoine dans les zones de conflit; Le Conseil de sécurité* и другие.

(3) Термины в области международных отношений и международного права, международных соглашений и нормативных документов: моноинституциональные (*la coopération internationale; la solidarité internationale; la communauté internationale; un ordre international multilateral; le processus de paix; le règlement international; la régulation internationale; le maintien de la paix et la sécurité internationales; le multilatéralisme; l'unilatéralisme; le système multilateral*); «*la négociation multilatérale*» и другие; полиинституциональные (*les Etats membres; Signataire; les droits fondamentaux; le droit*

international; le droit international humanitaire; les droits de l'Homme; alliés; l'espace humanitaire; la justice pénale internationale; le processus politique; les missions politiques; la présence politique; la solution politique; le programme d'action commun; grands défis globaux и другие.

(4) Латинские полиинституциональные термины: *vis-à-vis; statu quo*.

Ещё одной лингвостилистической особенностью речи министра является наличие эвфемизмов. Рассмотрим фразу: «*On voit que les réflexes d'une époque que nous espérons révolue n'ont pas disparu: l'unilatéralisme, l'imprévisibilité, le défaut de concertation entre alliés*». В данном примере очевидно, что министр, критикуя стремление государств к односторонности, непредсказуемости, смягчает своё негативное отношение к данной ситуации и прибегает к использованию лексической единицы нейтрального регистра *réflexes*. Часто прямое именование *guerre* заменяется эвфемизмами *la crise, le conflit, les conflits armés, la situation dramatique, les hostilités, la situation instable* с целью избежать прямой номинации военных действий. Например, *la crise afghane; le conflit du Proche-Orient; la cessation des hostilités; la situation reste extrêmement instable; les opérations de maintien de la paix; décontamination*.

Наблюдается насыщенность речей государственного деятеля метафорами, часть из которых служит повышению экспрессивности и эмоциональности высказываний, а другая – характеризуется стертой образностью и не придает тексту эмоциональной или экспрессивной окраски. Рассмотрим примеры. В некоторых случаях метафорические выражения служат для того, чтобы выразить крайнюю степень обеспокоенности, продемонстрировать опасности и даже угрозы, которые стоят перед обществом: «*Mais dans un monde <...> hanté par le spectre de terribles regressions*». Данная метафора является стилистическим приёмом и служит для придания экспрессивности речи. Театральная метафора – одна из распространённых метафор в дипломатическом дискурсе, однако по своей природе данная метафора характеризуется стёртой образностью: «*Les populations civiles des théâtres de crise en payent le prix*»; «*Il y aura par ailleurs de nombreuses réunions consacrées à d'autres théâtres*».

Присущие дипломатическому дискурсу повторы функционируют в качестве риторического приёма и служат для создания эффекта сегментации речи, сравните: «*Et les efforts de l'UNESCO y sont pour beaucoup. Nous le savons tous. Comme nous savons qu'elle continue à oeuvrer sans relâche en faveur de cet objectif clair: l'éducation pour toutes et tous, sans exception; Nous connaissons leur passé. Nous connaissons, pour ainsi dire, leur passif.*

Морфосинтаксические особенности текстов выступлений характеризуются употреблением модальных глаголов долженствования (...*il nous faut encore aller plus loin*), местоимения *nous* вместо *je* (*Nous avons une méthode: le multilatéralisme*), герундия (...*en nous permettant de mieux vivre ensemble*), использования простого будущего времени (*En ce sens, le président de la République participera lundi, aujourd'hui, à une réunion en présence des chefs d'État du Sahel, du Secrétaire général des Nations unies et de la Haute représentante de l'Union européenne*), безличных оборотов (...*cela veut dire aussi qu'il nous est nécessaire de continuer à nous battre contre l'impunité des infractions commises à l'encontre des travailleurs humanitaires*) и

пассивных конструкций (*Signataire de la plupart des instruments de l'Organisation, notre pays est pleinement engagé dans ses travaux – au sein de son Conseil exécutif et de plusieurs de ses instances*), а также условного наклонения (*Les personnels médicaux humanitaires ne sauraient opérer de distinction entre les blessés qu'ils ont à prendre en charge sur la base de raisons étrangères à la médecine. Une telle attitude serait contraire à l'éthique de leur profession*) и конструкции «существительное + относительное прилагательное» (*l'action collective*»; *l'engagement commun*»; *une stratégie commune*). Перечисленные особенности придают речи министра официальный, формальный тон, способствуют деперсонализации, повышают модальность высказываний, а также используются для выражения уверенности и убедительности.

Для рассмотрения переводческих проблем нами была переведена на русский язык речь, произнесенная 27 сентября 2021 г. в Нью-Йорке на общих прениях по случаю 76-й Генеральной Ассамблеи ООН. Коммуникативное задание текста – выразить от своего имени мнение Франции относительно основных международных вопросов, предписать действия в некатегоричной форме, привлечь внимание участников сессии к глобальным проблемам человечества. Министр затрагивает в своей речи вопросы международного мира и безопасности, предоставления гуманитарной и медицинской помощи в регионы, где происходят военные действия, восстановления экономики, предоставления помощи другим странам в борьбе с пандемией COVID-19, а также освещает глобальные экологические проблемы, которые требуют незамедлительных действий.

Рассмотрим некоторые примеры из осуществленного нами перевода: *La France est prête à transférer 20 % de son allocation de DTS vers les économies africaines, afin de renforcer la résilience des sociétés et d'accompagner la transition vers un modèle de développement soutenable et conforme à nos objectifs pour le climat et l'environnement.* / *Франция готова передать 20% своего объема СДР экономикам африканских стран с тем, чтобы повысить устойчивость обществ и поддержать переход к модели устойчивого развития, соответствующей нашим целям в области климата и окружающей среды.*

В ходе поиска мы выяснили, что экономическое понятие «*allocation de DTS*» («специальные права заимствования») имеет значение условной расчётной единицы Международного валютного фонда, которая используется при расчётах между странами и для предоставления кредитов. В различных источниках нам встретился адаптированный вариант данной аббревиатуры: *СПЗ*. Однако, обратившись к общероссийскому классификатору валют, мы выяснили, что Госстандартом утвержден вариант *СДР*, которого мы и решили придерживаться в переводе, так как нам необходимо было передать стандартизованность языка дипломатической коммуникации.

Обратимся к следующему примеру: *Chacun d'entre nous doit, en responsabilité, y apporter une contribution à la mesure des enjeux. À savoir des milliers de vies humaines, la stabilité internationale, l'avenir des nouvelles générations. Avant qu'il ne soit trop tard, nous devons nous retrouver autour de l'objectif de neutralité climatique à l'horizon 2050. Là encore, la France sera solidaire: elle apportera six milliards d'euros par an et consacra plus d'un tiers de ses financements*

à l'adaptation climatique. / Каждый из нас должен со всей ответственностью внести вклад, соразмерный поставленным задачам. Речь идет о тысячах человеческих жизней, международной стабильности, будущем новых поколений. Пока не стало слишком поздно, мы должны объединиться для достижения цели климатической нейтральности к 2050 году. И здесь Франция вновь проявит солидарность: мы будем вносить шесть миллиардов евро в год и выделять более трети своего финансирования на адаптацию к изменению климата.

В данном предложении нам необходимо было, прежде всего, разобраться с прагматическими намерениями оратора. Здесь проявляется политика «мягкой силы» – министр подчеркивает вклад, который сделает Франция в пользу борьбы с изменением климата. Семантически в русском языке глагол простого будущего времени совершенного вида выражает завершённое действие в будущем времени, а глагол простого будущего времени несовершенного вида выражает действие, которое будет происходить в будущем, но не указывает на его завершённость.

В первом случае мы решили применить транспозицию и заменили прилагательное *solidaire* на существительное *солидарность* с тем, чтобы употребить глагол совершенного вида, который в большей мере выражает заложенный в исходном тексте оттенок долженствования и результат уже принятого решения – *Франция обязалась выплачивать 6 миллиардов в год*.

Во втором случае мы решили передать будущее время глаголом несовершенного вида, так как нам необходимо было передать длительность процесса – *выплаты будут производиться ежегодно*.

Термины и терминологические словосочетания в переводе мы отразили с помощью единичных соответствий с целью сохранить специализированность высказываний. При повторении терминов в речи министра мы руководствовались принципом унификации. Однако здесь мы столкнулись со следующей проблемой – нам дважды встретился термин «*mandat*»: *Afin de rendre au Conseil de sécurité la capacité d'exercer tout son mandat. / С целью вернуть Совету Безопасности способность в полной мере выполнять свой мандат. À cet égard, Monsieur le Secrétaire général, je tiens à saluer votre action et vos efforts pour insuffler une nouvelle dynamique au système des Nations unies. Nous serons à vos côtés tout au long de votre second mandat/ В связи с этим, господин Генеральный секретарь, я хотел бы воздать должное вашим действиям и усилиям по приданию нового импульса системе Организации Объединенных Наций. Мы будем рядом с вами на протяжении Вашего второго срока действия мандата.*

Следует понимать, что значение лексической единицы *mandat* во французском языке шире, чем его эквивалент *мандат* в русском языке. Словарь Larousse определяет термин *mandat* 1) как функцию, возложенную на кого-то, обязанность делать то или иное дело от имени кого-то, группы и 2) как миссию, которую граждане возлагают на некоторых из них выборным путём для осуществления от их имени политической власти; продолжительность этой миссии. В русском языке значение слова *мандат* более узкое, отсутствует сема продолжительности, понимается лишь первое значение, упомянутое выше.

В первом высказывании речь шла о выполнении полномочий, поэтому целесообразным было передать это значение эквивалентной единицей *мандат*. Что касается второго высказывания, то в нём министр подчеркивал именно факт продолжительности. Здесь мы решили использовать прием экспликации и добавили составляющую продолжительности *срока действия мандата* во избежание двусмысленности или инотолкования для русскоязычного реципиента.

Перейдем к репрезентации референциальной насыщенности текста: *Vingt ans après le choc du 11 Septembre, nous savons ce que la reconstitution d'un sanctuaire terroriste impliquerait pour nous tous. / Спустя 20 лет после потрясений 11 сентября мы знаем, чем может обернуться для всех нас восстановление убежища для террористов*. В данном предложении министр имплицитно упоминает террористические акты 11 сентября 2001 в США, характеризуя их как *le choc*.

Основная функция данной референции к событиям прошлого – напомнить реципиенту о том, что подобное нельзя допустить в будущем. Так как данные террористические акты широко известны всему мировому сообществу, то нет необходимости эксплицитно указывать на то, где именно они были совершены. Метафорическое выражение *sanctuaire terroriste* мы решили передать в том же переносном значении, какое заложено в исходном тексте. У нас возникло несколько вариантов перевода, таких как *пристанище, убежище, укрытие, прибежище*. Учитывая употребление словосочетания *убежище для террористов* в русскоязычной медиакоммуникации, а также соответствие данного варианта регистру дипломатического дискурса, мы решили остановиться именно на нём. В данном предложении присутствует ещё одна черта французского дипломатического дискурса – употребление условного наклонения (*impliquerait*), с помощью которого министр выражает опасение по поводу предполагаемого будущего.

Данное предположение-опасение мы решили «передать на русский язык модальным глаголом *может* для того, чтобы показать, что подобный риск существует при определённых обстоятельствах».

Заключение

Комплексный анализ текста выступлений Жан-Ива Ле Дриана позволил выявить и классифицировать конститутивные признаки французского дипломатического дискурса – лексические, стилистические, морфосинтаксические. Исследование показало, что для французского дипломатического дискурса, характерно наличие как специфических, так и общих признаков. К специфическим характеристикам французского дипломатического дискурса можно отнести сочетание, с одной стороны, клишированности, формализованности, высокой степени референциальной насыщенности, с другой – эвфемизации, метафоричности, риторических повторов.

В целом прагматика французского дипломатического дискурса подчинена выражению политики «мягкой силы». Репрезентативность выявленных в исходном тексте конститутивных признаков определила основную стратегию перевода. Для реализации

общей стратегии перевода с учетом сохранения официально-делового стиля, стандартизованности дипломатической коммуникации и решения трудностей, возникающих в процессе перевода, необходимо учитывать семантику и стилистический потенциал как отдельных языковых единиц, так и макроконтестов.

Изучение текстов выступлений Жан-Ива Ле Дриана позволило проследить конститутивные черты современной французской дипломатической коммуникации и продемонстрировать особенности перевода французских дипломатических текстов на русский язык. Полученные результаты относительно стратегий перевода с учётом всех вышеперечисленных особенностей позволяют оптимизировать процесс перевода французских дипломатических текстов, что будет актуально и полезно для переводчиков, работающих в области дипломатии и международных отношений.

Список литературы

1. Афанасьева О. М., Каневская Я. Е. Классификация дипломатических терминов, употребляемых в современных СМИ (на материале газетного подкорпуса национального корпуса русского языка) // *Инновации. Наука. Образование*. 2020. № 21. С. 1532–1538.
2. Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков) : автореф. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 23 с.
3. Егорова О. Г., Емельянова Н. А., Савельева У. А. Прагматика дипломатического дискурса (на примере выступлений представителей дипломатических служб и глав Франции и Великобритании) // *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6. № 2. С. 265–279.
4. Емельянова Н. А., Глинчевский Э. И. Интертекстуальность и формализованность дипломатического дискурса (на материале английского и французского языков) // *Гуманитарные исследования*. 2018. № 2(66). С. 12–19.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* : Сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Коган М. Публичная дипломатия Франции в современном мире // *Collegium linguisticum: тезисы докладов Ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ*. М. : Изд-во «Московский государственный лингвистический университет», 2019. С. 169.
7. Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета*. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 17. С. 54–63.
8. Логунова К. А. Эвфемизмы в дипломатическом языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2014. № 12(42): в 3-х ч. Ч. 2. С. 109–112.
9. Сагайдак О. П. Дипломатический протокол и этикет : учебное пособие. Киев : Знание, 2006. 380 с.
10. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 1 (22). С. 47–56.
11. Терентий Л. М. Интенциональная структура дипломатического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 447 с.

12. Хорошева Н. В., Банникова А. Д. Проблема манипулятивного речевого воздействия в ситуации синхронного перевода дипломатического дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 48–55.

13. Яппарова В. Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 165–170.

14. Carvalho E. M. Diplomatic Discourse // Semiotics of International Law. Trade and Philosophy. Law and Philosophy Library. Vol. 91. Dordrecht: Springer, 2011. P. 37–56.

15. Larousse. Dictionnaire français [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 06.03.2023).

Список источников материала

1. Conférence de presse de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur la relation transatlantique et les questions internationales, à New York le 20 septembre 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/281627-jean-yves-le-drian-20092021-france-etats-unis> (дата обращения: 15.02.2023).

2. Conférence de presse de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur les défis et priorités de la politique étrangère de la France, à New York le 18 septembre 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/203640-conference-de-presse-de-m-jean-yves-le-drian-ministre-de-leurope-et-d> (дата обращения: 14.02.2023).

3. Déclaration à la presse de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur le conflit israélo-palestinien, à Paris le 18 mai 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/279963-jean-yves-le-drian-18052021-conflit-israelo-palestinien> (дата обращения: 15.02.2023).

4. Déclaration de M. Jean-Yves le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur la Charte des Nations Unies, à Paris le 26 juin 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/275492-jean-yves-le-drian-26062020-charte-des-nations-unies> (дата обращения: 17.02.2023).

5. Déclaration de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur l'action de l'ONU face à la pandémie de Covid-19 et aux conflits, à Paris le 2 juillet 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/275538-jean-yves-le-drian-02072020-relations-internationales> (дата обращения: 18.03.2023).

6. Déclaration de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur la distribution par l'Union européenne de vaccins contre le coronavirus et l'aide économique européenne en faveur de l'Afrique, à New York le 19 mai 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/280027-jean-yves-le-drian-19052021-union-europeenne-afrique> (дата обращения: 12.02.2023).

7. Déclaration de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur la préservation de l'espace humanitaire, à New York le 16 juillet 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/280863-jean-yves-le-drian-16072021-aide-humanitaire> (дата обращения: 09.02.2023).

8. Déclaration de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur le droit international humanitaire, à New York le 22 septembre 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/281646-jean-yves-le-drian-22092022-droit-international-humanitaire> (дата обращения: 07.02.2023).

9. Déclaration de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur le rôle de l'UNESCO, à Paris le 2 novembre 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/282685-jean-yves-le-drian-02112021-unesco> (дата обращения: 04.02.2023).

10. Déclaration de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des affaires étrangères, sur les défis et priorités en matière de relations internationales, à New York le 27 septembre 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/281767-jean-yves-le-drian-27092021-relations-internationales> (дата обращения: 11.02.2023).

References

1. Afanas'eva O. M., Kanevskaya Ya. E. Klassifikatsiya diplomaticheskikh terminov, upotrebyaemykh v sovremennykh SMI (na materiale gazetnogo podkorpusa natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Classification of diplomatic terms used in modern media (based on the newspaper subcorpus of the national corpus of the Russian language)]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie* [Innovation. The science. Education]. 2020, no. 21, pp. 1532-1538. (In Russ.).

2. Volkova T. A. Diplomaticeskii diskurs v aspekte strategichnosti perevoda i kommunikatsii (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov) [Diplomatic discourse in the aspect of strategic translation and communication (on the material of English and Russian languages)]. PhD dissertation abstract. Tyumen', 2007, 23 p. (In Russ.).

3. Egorova O. G., Emel'yanova N. A., Savel'eva U. A. Pragmatika diplomaticheskogo diskursa (na primere vystuplenii predstavitelei diplomaticheskikh sluzhb i glav Frantsii i Velikobritanii) [Pragmatics of diplomatic discourse (on the example of speeches by representatives of diplomatic services and heads of France and Great Britain)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies]. 2019, vol. 6, no. 2, pp. 265-279. (In Russ.).

4. Emel'yanova N. A., Glinchevskii E. I. Intertekstual'nost' i formalizovannost' diplomaticheskogo diskursa (na materiale angliiskogo i frantsuzskogo yazykov) [Glinchevskiy E. I. Intertextuality and Formalization of Diplomatic Discourse (Based on English and French Languages)]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities Studies]. 2018, no. 2(66), pp. 12-19. (In Russ.).

5. Karasik V. I. O tipakh diskursa [About types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse]. Volgograd, Peremena, 2000, pp. 5-20. (In Russ.).

6. Kogan M. Publichnaya diplomatiya Frantsii v sovremennom mire [French Public Diplomacy in the Modern World]. *Collegium linguisticum: tezisyy dokladov Ezhegodnoi konferentsii Studencheskogo nauchnogo obshchestva MGLU* [Collegium linguisticum: abstracts of the Annual Conference of the MSLU Student Scientific Society], Moscow, Izd-vo «Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet» publ., 2019, pp. 169. (In Russ.).

7. Kozheteva A. S. Diplomaticeskii diskurs kak osobyi vid institutsional'nogo diskursa [Diplomatic discourse as a special kind of institutional discourse]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennyye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodological-didactic research]. 2012, no. 17, pp. 54-63. (In Russ.).

8. Logunova K. A. Evfemizmy v diplomaticheskom yazyke [Euphemisms in diplomatic language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, Gramota publ., 2014, no. 12(42), part 2, pp. 109-112. (In Russ.).

9. Sagaidak O. P. *Diplomaticeskii protokol i etiket* [Diplomatic protocol and etiquette]. Kiev, Znanie publ., 2006, 380 c. (In Russ.).
10. Terentii L. M. *Diplomaticeskii diskurs kak osobaya forma politicheskoi kommunikatsii* [Diplomatic discourse as a special form of political communication]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics]. 2010, no. 1 (22), pp. 47-56. (In Russ.).
11. Terentii L. M. *Intentsional'naya struktura diplomaticheskogo diskursa* [Intentional Structure of Diplomatic Discourse]. Doctoral dissertation. Moscow, 2016, 447 p. (In Russ.).
12. Khorosheva N. V., Bannikova A. D. *Problema manipulyativnogo rechevogo vozdeistviya v situatsii sinkhronnogo perevoda diplomaticheskogo diskursa* [The Problem of Manipulative Speech Influence in the Situation of Simultaneous Translation of Diplomatic Discourse]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian humanitarian journal]. 2021, no. 4, pp. 48-55. (In Russ.).
13. Yapparova V. N. *Diplomaticeskii diskurs kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Diplomatic discourse as an object of interdisciplinary research]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture]. 2016, no. 2 (44), pp. 165-170. (In Russ.).
14. Carvalho E. M. *Diplomatic Discourse // Semiotics of International Law. Trade and Philosophy. Law and Philosophy Library. Vol. 91.* Dordrecht: Springer, 2011. P. 37–56.
15. Larousse. *Dictionnaire français* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 06.03.2023).

Информация об авторах

Н. В. Хорошева – кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет;

А. А. Саакян – лингвист, переводчик,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

N. V. Khorosheva – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;

A. A. Sahakyan – Linguist, Translator,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.06.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 85–96.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 85-96.

Научная статья

УДК 81.27:159.9

ПОМОГАЮЩИЙ СТАТУС КОММУНИКАТИВНОЙ ПРОФЕССИИ МЕДИАТОРА

Анна Сергеевна Киндеркнехт

Пермский государственный аграрно-технологический университет

им. академика Д.Н. Прянишникова, Пермь, Россия, a_kinderknecht@mail.ru

Аннотация. В статье освещается специфика помощи в коммуникативном поведении медиатора – независимого посредника, привлекаемого для урегулирования конфликтной ситуации и налаживания коммуникации между сторонами конфликта. Медиация – это новый социальный институт и новая профессия, относящаяся к ряду коммуникативных профессий. От эффективного общения медиатора зависит эффективность его посреднической деятельности в потенциально конфликтной ситуации, когда стороны не могут самостоятельно конструктивно вести диалог. Медиация относится также к профессиям социономического типа, основанных на помогающих отношениях. Медиатор помогает, содействует, способствует урегулированию конфликта, облегчает коммуникацию между сторонами в конфликтном дискурсе. В статье рассматриваются социолингвистические аспекты становления институционального дискурса медиации и интерпретируются характерные особенности помогающих профессий применительно к помогающей деятельности медиатора. Анализируются отличия помогающих коммуникативных стратегий медиатора от коммуникативных стратегий представителей других помогающих профессий. Выясняется, что характер помощи в медиации характеризуется недирективностью и обусловлен невмешательством медиатора в интересы и решения сторон конфликта. Как третья нейтральная сторона процесса медиации медиатор не советует, не защищает и не консультирует стороны конфликта, не вмешивается в содержательную часть переговоров. Рассматривается недопустимость директивных реплик медиатора и приводятся в пример коммуникативные тактики процессуального поведения медиатора, которые демонстрируют соблюдение им принципа нейтральности по отношению к обсуждаемому в ходе медиации. Делается вывод, что специфика помощи медиатора заключается в организации процесса коммуникации между сторонами и не связана с экспертной директивностью.

Ключевые слова: медиация, медиатор, помогающая профессия, дискурс медиации, языковая личность медиатора, помощь.

Для цитирования: Киндеркнехт А. С. Помогающий статус коммуникативной профессии медиатора // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 85–96.

Original article

HELPFUL STATUS OF THE COMMUNICATIVE PROFESSION OF MEDIATION

Anna S. Kinderknecht

Perm State Agrarian and Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov,
Perm, Russia, a_kinderknecht@mail.ru

Abstract. The article highlights the specifics of assistance in the communicative behavior of a mediator – an independent mediator involved in resolving a conflict situation and establishing communication between the parties to the conflict. Mediation is a new social institution and a new profession related to a number of communicative professions. The effectiveness of the mediator's mediation activity depends on effective communication in a potentially conflict situation, when the parties cannot constructively conduct a dialogue on their own. Mediation also refers to professions of a socio-economic type based on helping relationships. The mediator helps, promotes, promotes conflict resolution, facilitates communication between the parties in the conflict discourse. The article examines the sociolinguistic aspects of the formation of the institutional discourse of mediation and interprets the characteristic features of the helping professions in relation to the helping activity of the mediator. The differences between the mediator's helping communicative strategies and the communicative strategies of representatives of other helping professions are analyzed. It turns out that the nature of mediation assistance is characterized by non-directivity and is due to the mediator's non-interference in the interests and decisions of the parties to the conflict. As a third neutral party to the mediation process, the mediator does not advise, protect or advise the parties to the conflict, does not interfere in the substantive part of the negotiations. The inadmissibility of the mediator's directive replicas is considered and the communicative tactics of the mediator's procedural behavior are given as an example, which demonstrate his compliance with the principle of neutrality in relation to what is discussed during mediation. It is concluded that the specifics of the mediator's assistance lies in the organization of the communication process between the parties and is not related to expert directive.

Keywords: mediation, mediator, helping profession, mediation discourse, mediator's linguistic personality, assistance.

For citation: Kinderknecht A. S. Helpful status of the communicative profession of mediation. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:85-96. (In Russ.).

Введение

Структурные изменения в сфере занятости в условиях глобализации современных социальных процессов приводят к появлению новых профессий, востребованных в группе «человек – человек», предполагающих постоянное взаимодействие с людьми и связанных с помогающей деятельностью. Одной из новых профессий последних десятилетий является профессия медиатора, становлению которой посвящено немало работ [Аллахвердова, Иванова 2007; Аллахвердова 2012; Бесемер 2004; Вечерина, Путалова 2021; Иванова 2021;

Карпенко 2014; Шамликашвили 2017 и др.]. Медиация – это новый социальный институт альтернативных методов разрешения конфликтов и вид трудовой деятельности, общественное признание которой определяется профессиональным стандартом [Профессиональный стандарт: эл. р.] и комплексом знаний, умений и навыков практикующих медиаторов, передаваемых в ходе профессиональной подготовки.

Медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника «в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора» [Об альтернативной процедуре..., ст. 2, п. 3], нейтральный посредник, одной из задач которого является «восстановление нарушенного взаимопонимания между сторонами конфликта» [Азарнова 2015: III].

Профессия медиатора относится к так называемым «коммуникативным профессиям» [Тимофеев 1994], от профессионального общения медиатора зависит эффективность его деятельности, а коммуникативные практики медиатора связаны с умением отбирать оптимальные языковые средства для достижения необходимого результата коммуникации в ситуации конфликта. В настоящее время остается актуальным освещение вопроса помогающего статуса профессии медиатора и установление соотношения коммуникативной и помогающей деятельности в интерпретации речевых стратегий медиатора.

Основная часть

1. Медиация в системе помогающих профессиональных видов деятельности

Помогающие профессии относятся к группе профессий социономического типа, основанных на оказании разных видов помощи людям. Несмотря на то, что, по утверждению исследователей, круг специальностей, относящихся к данной категории, «до конца не определен» [Бычкова 2020: 156], в разных работах к помогающим профессиям традиционно относят профессии психолога, юриста, врача, учителя, социального работника, менеджера, продавца. Деятельность медиатора также относится к категории «помогающей» деятельности. Ключевой здесь, как и для других помогающих профессий, является идея помощи. Согласно «Атласу новых профессий», медиатор – это «специалист, помогающий решать ненасильственным путем конфликты, возникающие между социальными группами на имущественной, культурной, национальной, религиозной и др. почве» [Атлас новых профессий: эл. ресурс]. Во многих определениях медиации идея помощи явно эксплицируется, например, говорится, что медиатор – это человек, который «помогает сторонам прийти к соглашению, облегчая и направляя коммуникацию между ними, помогая получить соответствующую информацию и сделать правильный выбор» [Аллахвердова, Карпенко 2005: 105]. Медиатор помогает, содействует, способствует урегулированию конфликта.

Так же, как и в других помогающих профессиях, медиатор при непосредственном взаимодействии со сторонами, обратившимися за помощью, осознанно и целенаправленно применяет специальные знания и навыки «с целью оказания физической, социальной и психологической помощи для улучшения качества его жизнедеятельности» [Сорокоумова, Исаев 2013: 187–189].

Н. И. Влах обобщает рассматриваемые в научной литературе особенности помогающих профессий: инструментом осуществления профессиональных функций является личность субъекта труда; в профессиональной деятельности преобладают субъект-субъектные взаимодействия; характерны интенсивность, продолжительность и сложность межличностных контактов; отмечаются разновозрастный контингент клиентов и острота их проблем; упоминается о нерегламентированности рабочего дня [Влах 2015: 96].

Проинтерпретируем проявление этих особенностей в деятельности медиатора. Инструментом осуществления профессиональных функций медиатора является сам медиатор как лицо, уполномоченное для осуществления коммуникации в непростой эмоциональной ситуации, в потенциально агрессивной среде, когда стороны конфликта/спора не могут самостоятельно конструктивно вести диалог. Медиатор – профессиональная языковая личность с определенным набором специфических личностных характеристик, которые позволяют ему эффективно осуществлять свою деятельность. Субъект-субъектный тип взаимодействий в медиации – это взаимодействие медиатора как субъекта труда и сторон как субъектов отношений, которые добровольно участвуют в процедуре медиации. Коммуникативное взаимодействие участников медиации отмечено сложным совмещением вертикального и горизонтального типов коммуникации [Киндеркнехт, Соболева 2019].

Интенсивность, продолжительность и сложность межличностных контактов в медиации объясняется общей ситуацией столкновения оппонентов в конфликтном дискурсе. В отличие от других социономических профессий трудовая деятельность медиатора напрямую связана с конфликтом. Мотивационной основой дискурса медиации являются разного рода конфликтные ситуации. Для сравнения мы можем привести в пример профессию врача, в которой мотивационной основой является болезнь, ее лечение и профилактика. В качестве мотивационной основы профессии учителя можно рассматривать объективную потребность ученика в познании и развитии. Для профессии социального работника мотивационной основой выступают социальная незащищенность определенных слоев населения, плохие материальные и бытовые условия проживания. Мотивационной основой профессии юриста являются неосведомленность населения и отдельных лиц в своих правах и незнание норм права и закона (юрист – специалист, который знает законы и защищает права людей). Для профессии психолога основанием деятельности выступают трудные жизненные события – депрессии, фобии, разного рода зависимости, проблемы во взаимоотношениях с коллегами по работе и с близкими людьми.

Последние из перечисленных особенностей помогающих профессий – гетерогенность возрастных характеристик клиентов, острота их проблем и нерегламентированность рабочего дня – также характеризуют деятельность медиатора, более того, являются причинами профессионального выгорания. «Наши медиаторы усердно работают с конфликтами между подростками и родителями, мужьями и женами, преступниками и жертвами, учителями и студентами», – пишут М. С. Бриль и С. О. Пегашова, рассматривая среди специфических факторов профессионального выгорания медиатора нагрузку медиатора, тяжесть случаев и условия труда [Бриль, Пегашова 2020: 52–54].

2. Проблемы становления профессионального дискурса медиации

Как и в других помогающих профессиях, медиация является посреднической деятельностью. Одним из ключевых концептов медиации является концепт «посредничество», однако это не единственный концепт, представляющий институциональный дискурс медиации. Распространенным, но не всегда применимым к медиации концептом является «примирение». Ключевыми выступают также концепты, характеризующие процесс оказания помощи (*согласительная процедура, переговоры с участием нейтрального посредника*) и цель оказания помощи (*урегулирование конфликта/спора, разрешение конфликта*).

Затруднения в определении ключевого концепта связаны с тем, что в нашей стране медиация находится в стадии институционального оформления. Официальное закрепление институт медиации получил с принятием закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Об альтернативной процедуре: эл. ресурс]. Особенностью развития медиации в России является выстраивание профессионального социального института на основе правового [Карпенко 2014].

Исследователи медиации пишут о трудностях определения специальности медиатора в рамках профессионального стандарта, отмечается, что «в российском профессиональном сообществе до сих пор нет консолидированного мнения о том, какие профессиональные навыки и уровень квалификации необходимы для медиатора» [Вечерина, Путалова 2021: 6]. Становление профессиональной языковой личности медиатора осуществляется чаще всего на курсах повышения квалификации и в системе дополнительного профессионального образования. По программам подготовки к данной трудовой деятельности чаще всего обучаются и проходят переподготовку юристы, социальные работники, психологи, педагоги, то есть представители других помогающих профессий.

Начало медиации в современном ее виде было положено англоязычными медиаторами, и фактически профессиональный язык медиации в России формируется на основе и по примеру английского языка медиации. В своей работе российские медиаторы изначально отталкиваются от англоязычной профессиональной коммуникативной практики, создавая и отрабатывая русский язык медиации. Обучение чаще и эффективнее осуществляется интерактивно, в тренингах, знания передаются от медиатора-тренера медиатору-ученику, из опыта, а не из учебников.

Высказывается мнение, что четко прописанные алгоритмы и тексты устной речи медиаторов создают иллюзию идеала и не позволяют медиатору в своей профессиональной деятельности проявлять гибкость в применении той или иной коммуникативной техники, в зависимости от ситуации, особенностей участников конфликта и прочих условий. Г. Пикер и К. Рюкерт пишут, что «ядром медиации является умение слушать клиента, обращать внимание на разнообразные аспекты общения, думать совершенно иначе, нежели это было принято до сих пор, видеть скрытые от постороннего глаза индивидуальные и привнесенные культурой установки и развивать пластичность во всех этих категориях» [Пикер, Рюкерт 2004: 310].

Возможно, именно на таком качестве, как гибкость, наряду с другими свойствами личной зрелости, базируется требование достижения определенного возраста для осуществления профессиональной деятельности медиатора. Согласно закону о медиации, «осуществлять деятельность медиатора на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации» [Об альтернативной процедуре..., ст. 16, п. 1].

Одним из спорных вопросов в становлении дискурса медиации является различие профессиональной и непрофессиональной основ деятельности медиатора. По закону, осуществлять деятельность медиатора на непрофессиональной основе могут лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости. Данный перечень требований, согласно исследователям, является «весьма поверхностным и не дающим гарантий того, что процедура медиации принесет желаемый результат сторонам спора» [Малышок, Свойкина 2017: 87].

Разграничение профессиональной и непрофессиональной деятельности медиатора находит отражение в определении социомических профессий: так называемая «помогающая деятельность» является главным элементом профессиональной деятельности, «неструктурированная помощь становится структурированной (иначе говоря, помогающая деятельность становится помогающей профессией), когда субъект помогающей деятельности начинает осознанно и целенаправленно применять специальные знания и навыки» [Сорокоумова, Исаев 2013: 187]. Вместе с тем непрофессиональная деятельность медиатора относится также к структурированной деятельности в волонтерской работе, в частности, в работе университетских медиативных клиник, где медиаторами выступают студенты. Отметим, что структурированная деятельность характеризует также школьные службы примирения, не охваченные Федеральным законом [Об альтернативной процедуре... эл. ресурс].

Критерии профессионализации медиативной деятельности здесь весьма сложно вычленишь. Судя по тексту закона, как пишут И. Г. Малышок и Е. Д. Свойкина, медиативной деятельностью можно заниматься «достаточно широкому кругу лиц», в связи с чем в непрофессиональных медиаторах не видится необходимости [Малышок, Свойкина 2017: 87]. Споры вызывают категории дел, по которым допускается работать непрофессиональным медиаторам, обязательность/необязательность юридического образования для осуществления деятельности медиатора на профессиональной основе и другие вопросы, связанные с определением понятия «профессия медиатора», влияющие на развитие профессионального медиационного дискурса.

3. Помогающие коммуникативные стратегии профессионального медиатора

Социологический экскурс в помогающие профессии и рассмотрение особенностей становления профессионального дискурса медиации значимы для определения помогающих коммуникативных стратегий медиатора. Характер помощи здесь обусловлен невмешательством в интересы и решения сторон. Одним из основополагающих принципов медиации является нейтральность медиатора.

Медиатор – это нейтральное, независимое лицо, «не вовлеченное в отношения сторон и, в свою очередь, не имеющее никаких отношений со сторонами конфликта, помимо тех, которые связаны с процедурой медиации» [Азарнова 2015: 251]. Если мы обратимся к определениям слов «помощь», «помогать» («помочь»), то обнаружим, что участие в работе кого-либо, содействие кому-либо в чем-либо могут проявляться в форме совета и консультации, поддержки, защиты, то есть помогающий субъект берет на себя функции решать, каким образом действовать объектам помощи, или же играет роль защитника интересов тех, кто в помощи нуждается. В медиации же помогающий статус ключевого участника ограничивается организацией конструктивного диалога сторон как объектов помощи.

Медиатор помогает, содействует, способствует урегулированию конфликта: «Основная роль медиатора – мотивировать стороны, чтобы они приняли участие, и регулировать их взаимодействие, помогая им наладить коммуникацию. Медиатор ответственен и за их безопасность во время встречи, а также и за выработку соглашения [Дронзина 2015: 226]. Медиатор не вправе решать за стороны, как им поступать, в медиации «стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения», посредник-медиатор не имеет консультативных функций [Плотников 2016: 15].

В речевых стратегиях медиатора указанная особенность коммуникативного поведения медиатора проявляется, например, в репликах самопрезентации, когда медиатор объясняет сторонам конфликта/спора свои функции и зону ответственности: *Как организатор переговоров я не могу давать консультации, но я несу ответственность за ход переговоров.* Медиатор объясняет, в чем именно он будет помогать сторонам: *Я буду стараться, чтобы встреча была конструктивной, чтобы соблюдались принципы медиации, чтобы медиативное соглашение соответствовало вашим интересам.* Медиатор четко дает понять, что он не принимает решение за стороны, что его функции заключаются в организации переговоров. В соответствии с ролью организатора диалога сторон в конфликтной ситуации медиатор вправе перебивать спорящих в эмоциональной перепалке, в то же время в его задачи входит «не допустить нарушения процедуры, не давать сторонам перебивать и оскорблять друг друга», дать сторонам возможность высказаться [Аллахвердова 2006: 42].

Роль защитника интересов в помогающих действиях медиации проявляется в соблюдении принципа конфиденциальности, в защите сферы частных интересов и возможности сохранить в тайне информацию, высказанную в ходе процедуры медиации. Медиатор не защищает сами интересы спорящих/конфликтующих: *В ходе бесед я не буду подыгрывать никому из вас и становиться на защиту его интересов в ущерб интересам второй стороны* (пример из работы [Азарнова 2015: 180]).

Невмешательство в интересы и решения сторон выражается также в отдельных репликах медиатора в ответ на запрос о помощи в виде совета или консультации: *По закону медиатор не имеет право консультировать / Посоветоваться с медиатором нельзя.* Обозначая себя в третьем лице, медиатор подчеркивает свою роль нейтрального посредника и таким образом не дает сторонам привлечь себя на свою сторону.

Отдельного рассмотрения заслуживает категория директивности/недирективности в помогающих коммуникативных действиях медиатора. Согласно И. Н. Ивановой, под директивностью в медиации понимается «уровень вмешательства медиатора» в область предмета спора и в процесс медиации – экспертная директивность и уровень процессуальной власти медиатора [Иванова 2014: 82]. Что касается процессуальной директивности, ее уровень может быть высоким, так как медиатор ответственен за процесс коммуникации, ему необходимо «сохранить контроль над ходом беседы (не над содержанием), он может заглушить спор, ударить по столу, спросить стороны, есть ли у них желание продолжать медиацию, и если все скажут “да”, то продолжать», он может прервать или прекратить медиацию [Бесемер 2004: 106]. Однако экспертная директивность в профессиональной коммуникативной деятельности медиатора по большей части недопустима. Так, для медиатора недопустимы реплики: *Вы должны; Вам следует* и т. п. Помощь медиатора в решении сложной ситуации принципиально недирективна, ее реализация обеспечивается за счет вопросов и других коммуникативных инструментов, которые заслуживают рассмотрения в отдельном исследовании.

Заключение

Медиация занимает важное место в системе социномических профессий, в основе которых лежит идея помощи другим людям для облегчения сложных, напряженных и непонятных жизненных ситуаций. Так же, как и в других помогающих профессиях, в медиации медиатор участвует в субъект-субъектных взаимодействиях, характеризующихся интенсивностью и продолжительностью. Инструментом осуществления профессиональных функций в медиации является профессиональная языковая личность медиатора, которая выступает посредником между объектами помощи и задачей которой является осуществление коммуникации в ситуации конфликта.

Несмотря на трудности в определении профессии медиатора в условиях институционального становления медиации в России, в настоящее время можно уже выделить специфику совмещения коммуникативной и помогающей деятельности медиатора, которая заключается в недирективности оказываемой помощи. Нейтральность медиатора не позволяет ему активно вмешиваться в содержательную сторону переговоров, а его ответственность касается преимущественно ведения процесса коммуникации сторон.

Список литературы

1. Азарнова А. Н. Медиация: искусство примирять: технология посредничества в урегулировании конфликтов. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 288 с.
2. Аллахвердова О. В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 4. С. 31–49.
3. Аллахвердова О. В. Обучение медиаторов и формирование компетенций // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2012. № 3. С. 51–59.

4. Аллаhverдова О. В., Иванова Е. Н. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2-2. С. 73–77.
5. Аллаhverдова О. В., Карпенко А. Д. Методическое пособие для посредников-медиаторов. СПб. : Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2005. 107 с.
6. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf?ysclid=ld1g8htsd164811526 (дата обращения: 10.04.2023).
7. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Н. В. Маловой. Калуга : Духовное познание, 2004. 176 с.
8. Бриль М. С., Пегашова С. О. Профессиональное выгорание и его профилактика у практикующих медиаторов // Медиация: современность, инновационность, технологичность : материалы междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г. СПб. : Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 2020. С. 52–57.
9. Бычкова М. В. Становление понятия «помогающие профессии» в историческом и социокультурном контексте // Человек и образование. 2020. № 2 (63). С. 156–160.
10. Вечерина О. П., Путалова И. Б. Проблемы профессиональной подготовки медиаторов в России // Современное образование. 2021. № 1. С. 1–13. DOI: 10.25136/2409-8736.2021.1.34746.
11. Влах Н. И. Эмоциональное выгорание у представителей «помогающих» профессий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 96–103.
12. Дронзина Т. Медиация : учеб.-метод. пособие / Республик. гос. управление «Қоғамдық келісім»; Исслед. ин-т «Общественное мнение». Астана : Типография «ПрофиМакс ДК», 2015. 320 с.
13. Иванова Е. Н. Динамика директивности при обучении медиаторов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 3. С. 80–86.
14. Иванова Е. Н. Медиация как междисциплинарное сотрудничество // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2021. № 1 (44). С. 343–348.
15. Карпенко А. Д. Особенности подготовки российских медиаторов // Конфликтология. 2014. № 5. С. 37–40.
16. Киндеркнехт А. С., Соболева Л. А. Вертикальный и горизонтальный типы коммуникации в восстановительной медиации: проблема соотношения // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 255–259.
17. Малышок И. Г., Свойкина Е. Д. Профессиональные медиаторы: да или нет? // Вестник Амурского государственного университета. 2017. № 78. С. 86–88.
18. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (с изм. и доп.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 10.04.2023).
19. Пикер Г., Рюкерт К. Размышления об обучении медиации // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / сост.: Г. Мета, Г. Похмелкина; пер. с нем. Г. Похмелкиной. М. : VERTE, 2004. 320 с.

20. Плотников А. Д. Этномедиация как фактор урегулирования споров в межнациональных отношениях: теория, современный опыт и практические технологии. М. : Ассамблея народов России, 2016. 30 с.
21. Профессиональный стандарт. Специалист в области медиации (медиатор) [Электронный ресурс]. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/07.001-spetsialist-v-oblasti-mediatcii.html> (дата обращения: 10.04.2023).
22. Сорокоумова С. Н., Исаев В. П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 86–190.
23. Тимофеев В. П. Профессиональное общение и его развитие с помощью видеотренинга : автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. М., 1994. 42 с.
24. Шамликашвили Ц. А. Медиация в вопросах и ответах. М. : Изд-во «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. 95 с.

References

1. Azarnova A. N. *Mediatsiya: iskusstvo primiryat': tekhnologiya posrednichestva v uregulirovanii konfliktov* [Mediation: the art of reconciliation: mediation technology in conflict resolution]. Moscow, Infotropik Media publ., 2015, 288 p. (In Russ.).
2. Allakhverdova O. V. *Mediatsiya - novaya kommunikativnaya praktika v razreshenii konfliktov* [Mediation is a new communicative practice in conflict resolution]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2006, vol. 9, no. 4, pp. 31-49. (In Russ.).
3. Allakhverdova O. V. *Obuchenie mediatorov i formirovanie kompetentsii* [Training of mediators and the formation of competencies]. *Vestnik Sankt-Peterburg. un-ta. Ser. 16. Psikhologiya. Pedagogika* [Vestnik St. Petersburg. university Ser. 16. Psychology. Pedagogy]. 2012, no. 3, pp. 51-59. (In Russ.).
4. Allakhverdova O. V., Ivanova E. N. *Istoriya razvitiya mediatsii* [History of the development of mediation]. *Vestnik Sankt-Peterburg. un-ta. Ser. 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik St. Petersburg. university Ser. 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations]. 2007, no. 2-2, pp. 73-77. (In Russ.).
5. Allakhverdova O. V., Karpenko A. D. *Metodicheskoe posobie dlya posrednikov-mediatorov* [Methodological guide for intermediaries-mediators]. Saint Petersburg, Laboratoriya operativnoi pechati fakul'teta zhurnalistiki SPbGU publ., 2005, 107 p. (In Russ.).
6. Atlas novykh professii [Atlas of new professions]. (In Russ.). Available at: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf?ysclid=ld1g8htsd164811526 (accessed: 10.04.2023).
7. Besemer Kh. *Mediatsiya. Posrednichestvo v konfliktakh* [Mediation in conflicts]. Kaluga, Dukhovnoe poznanie publ., 2004, 176 p. (In Russ.).
8. Bril' M. S., Pegashova S. O. *Professional'noe vygoranie i ego profilaktika u praktikuyushchikh mediatorov* [Professional burnout and its prevention in practicing mediators]. *Mediatsiya: sovremennost', innovatsionnost', tekhnologichnost'* [Mediation: modernity, innovation, manufacturability]. Sankt-Peterburg, April 16, 2019, Saint Petersburg, Izd-vo «Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet» publ., 2020, pp. 52-57. (In Russ.).
9. Bychkova M. V. *Stanovlenie ponyatiya «pomogayushchie professii» v istoricheskom i sotsiokul'turnom kontekste* [The formation of the concept of "helping professions" in the historical and sociocultural context]. *Chelovek i obrazovanie* [Man and education]. 2020, no. 2 (63), pp. 156-160. (In Russ.).

10. Vecherina O. P., Putalova I. B. Problemy professional'noĭ podgotovki mediatorov v Rossii [Problems of professional training of mediators in Russia]. *Sovremennoe obrazovanie* [Modern education]. 2021, no. 1, pp. 1-13. DOI: 10.25136/2409-8736.2021.1.34746. (In Russ.).
11. Vlakh N. I. Emotsional'noe vygoranie u predstavitelei «pomogayushchikh» professii [Emotional burnout among representatives of "helping" professions]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology]. 2015, vol. 8, no. 1, pp. 96-103. (In Russ.).
12. Dronzina T. Mediatsiya [Mediation]. Respublik. gos. upravlenie «Kofamdyk kelisim», Issled. in-t «Obshchestvennoe mnenie», Astana, Tipografiya «ProfiMaks DK» publ., 2015, 320 p. (In Russ.).
13. Ivanova E. N. Dinamika direktivnosti pri obuchenii mediatorov [Dynamics of directiveness in the training of mediators]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Culturology. religious studies]. 2014, no. 3, pp. 80-86. (In Russ.).
14. Ivanova E. N. Mediatsiya kak mezhdistsiplinarnoe sotrudnichestvo [Mediation as an interdisciplinary collaboration]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo* [Bulletin of the Voronezh State University. Series. Right]. 2021, no. 1 (44), pp. 343-348. (In Russ.).
15. Karpenko A. D. Osobennosti podgotovki rossiĭskikh mediatorov [Features of the training of Russian mediators]. *Konfliktologiya* [Conflictology]. 2014, no. 5, pp. 37-40. (In Russ.).
16. Kinderknekht A. S., Soboleva L. A. Vertikal'nyĭ i gorizontallye tipy kommunikatsii v vosstanovitel'noĭ mediatsii: problema sootnosheniya [Vertical and Horizontal Types of Communication in Restorative Mediation: The Correlation Problem]. *Baltiĭskiiĭ gumanitarnyiĭ zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal]. 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 255-259. (In Russ.).
17. Malyshok I. G., Svoikina E. D. Professional'nye mediatory: da ili net? [Professional mediators: yes or no?]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Amur State University]. 2017, no. 78, pp. 86-88. (In Russ.).
18. Ob al'ternativnoĭ protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii) [On the alternative dispute resolution procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)]. *Federal'nyiĭ zakon ot 27 iyulya 2010 g. No 193-FZ* [Federal Law of July 27, 2010 No 193-FZ]. (In Russ.). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (accessed: 10.04.2023).
19. Piker G., Ryukert K. Razmyshleniya ob obuchenii mediatsii [Reflections on Mediation Training]. *Mediatsiya - iskusstvo razreshat' konflikty. Znakomstvo s teorieĭ, metodom i professional'nymi tekhnologiyami* [Mediation is the art of resolving conflicts. Acquaintance with the theory, method and professional technologies]. Moscow, VERTE publ., 2004, 320 p. (In Russ.).
20. Plotnikov A. D. Etnomediatsiya kak faktor uregulirovaniya sporov v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh: teoriya, sovremennyiĭ opyt i prakticheskie tekhnologii [Ethnomediation as a Dispute Settlement Factor in Interethnic Relations: Theory, Modern Experience and Practical Technologies]. Moscow, Assambleya narodov Rossii publ., 2016, 30 p. (In Russ.).
21. Professional'nyi standart. Spetsialist v oblasti mediatsii (mediator) [Professional standard. Mediation specialist (mediator)]. (In Russ.). Available at: <https://classinform.ru/profstandarty/07.001-spetcialist-v-oblasti-mediatsii.html> (accessed: 10.04.2023).

22. Sorokoumova S. N., Isaev V. P. Spetsifika professional'noï deyatel'nosti spetsialistov pomagayushchikh professii [The specifics of the professional activity of specialists in helping professions]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2013, no. 4, pp. 86-190. (In Russ.).

23. Timofeev V. P. Professional'noe obshchenie i ego razvitie s pomoshch'yu videotreninga [Professional communication and its development through video training]. Doctoral dissertation abstract. Moscow, 1994, 42 p. (In Russ.).

24. Shamlikashvili Ts. A. Mediatsiya v voprosakh i otvetakh [Mediation in questions and answers]. Moscow, Izd-vo «Mezhregional'nyi tsentr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniya» publ., 2017, 95 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A. С. Киндеркнехт – кандидат филологических наук,
доцент, кафедра иностранных языков,
Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. академика Д. Н. Прянишникова.

Information about the author

A. S. Kinderknecht – Ph. D. (Philology),
Associate Professor, Department of Foreign Languages
Perm State Agrarian and Technological University
named after Academician D. N. Pryanishnikov.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 10.06.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 97–109.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 97-109.

Научная статья

УДК 821(82)

ОБ ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА М. ПУИГА «BOQUITAS PINTADAS»

Анастасия Петровна Чагина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
liolio@list.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется экранизация романа «Крашенные губки» аргентинского писателя М. Пуига, созданная под руководством режиссера и сценариста Леопольдо Торре Нильсона. Цель работы заключается в определении того, как авторский замысел оригинального произведения воплотился на экране; предпринята попытка заключить, является ли киноадаптация успешной. Для достижения поставленной цели были рассмотрены исследования в области анализа экранизаций литературных произведений; были выявлены ключевые черты оригинального романа, необходимые для понимания и раскрытия авторского замысла, на основе которых анализировалась экранизация. При рассмотрении киноадаптации учитывались литературоведческие критерии (сюжет, тема, образы и характеры героев и др.), также во внимание принималась художественная специфика киноязыка. Был сделан вывод о том, что киноадаптация романа «Крашенные губки» во много следует за сюжетом оригинала, удалось сохранить некоторые черты авторского стиля М. Пуига и передать характеры и образы большинства героев. Однако фильм значительно уступает оригинальному произведению в глубине и многогранности, что связано с упущением важных черт, характерных для романа: центральная роль танго и болеро; игра с жанрами и пародийность; элементы массовой культуры; сложные повествовательные структуры и др. Определение успешности экранизации основано на субъективных критериях и зависит от позиции и точки зрения, поэтому фильм «Крашенные губки» можно считать как успешной киноадаптацией романа М. Пуига, поскольку она воспроизводит сюжет и сохраняет характеры персонажей оригинала, так и не успешной, поскольку она не привносит ничего нового в понимание романа М. Пуига, а, напротив, в значительной степени упрощает его.

Ключевые слова: М. Пуиг, экранизация, киноадаптация, роман, интермедиальность.

Для цитирования: Чагина А. П. Об экранизации романа М. Пуига «Boquitas pintadas» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 97–109.

Original article

ABOUT THE FILMING OF M. PUIG'S NOVEL «BOQUITAS PINTADAS»

Anastasia P. Chagina

Perm State University, Perm, Russia, liolio@list.ru

Abstract. This article analyzes the film adaptation of the novel «Boquitas pintadas» by the Argentinean writer M. Puig, created under the direction of director and screenwriter Leopoldo Torre Nilsson. The purpose of the work is to determine how the author's intention of the original work was embodied on the screen; an attempt is made to conclude whether the film adaptation is successful. To achieve this goal, studies were considered in the field of analysis of film adaptations of literary works; the key features of the original novel, in our opinion, necessary for understanding and revealing the author's intention, were identified, on the basis of which the film adaptation was analyzed. When considering a film adaptation, literary criteria were taken into account (plot, theme, main characters, etc.). The artistic specificity of film language was also taken into account. It was concluded that the film adaptation of the novel «Boquitas pintadas» largely follows the plot of the original, the filmmakers also managed to preserve some features of the author's style of M. Puig and convey the characters and images of most of the characters. However, the film is significantly inferior to the original work in depth and versatility because of the omission of important features of the novel: tango and bolero; game with genres and parody; elements of mass culture; complex narrative structures, etc. Determining the success of a film adaptation is based on subjective criteria and depends on the position and point of view, therefore the film «Boquitas pintadas» can be considered as a successful adaptation of M. Puig's novel, since it reproduces the plot and retains the characters of the original, and not successful, since it does not bring anything new to the understanding of M. Puig's novel, but, on the contrary, greatly simplifies it.

Keywords: M. Puig, film adaptation, filming, novel, intermediality.

For citation: Chagina A. P. About the filming of M. Puig's novel «Boquitas pintadas». Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:97-109. (In Russ.).

Введение

Романы аргентинского писателя Мануэля Пуига (*Manuel Puig*, 1932–1990), представителя «нового» латиноамериканского романа, кинематографичны по своей природе и наполнены многочисленными отсылками к миру кинематографа, будь то упоминания именитых голливудских актрис первой половины XX в., цитаты или аллюзии к кинокартинам. Эта черта литературного видения М. Пуига напрямую вытекает из его биографии. Будущий писатель родился в небольшом провинциальном городе Хенераль Вильегас посреди аргентинской пампы. Его отец был строгим, авторитарным человеком, тогда как мать, напротив, отличалась мягким характером и во всём поддерживала сына и его увлечения. Именно она привила М. Пуигу любовь к кинематографу ещё в раннем детстве. Юный М. Пуиг стремился сбежать в мир кино от неприглядной реальности и ненавистных

консервативных устоев окружавшего его мира (см. об этом [Mujica 1986]), и, повзрослев, решил связать свою жизнь и профессию с кинематографом: он мечтал стать сценаристом и творить кино.

Однако, оказавшись на обучении в итальянском Экспериментальном Киноцентре (Centro Sperimentale di Cinematografia), М. Пуиг постепенно разочаровался в своей мечте: «El Centro de mal en peor. Hubo un poco de trabajo y se lo dieron todo a los italianos. Es lógico pero no me hace ninguna gracia» [Puig 2005: 90]. Пытаясь разобраться в своей жизни и понять, как в тридцать лет он оказался на другом континенте без работы и перспектив, М. Пуиг принялся за сценарий, основанный на его собственном детстве, который вылился в первый роман «Предательство Риты Хейворт» (*La traición de Rita Hayworth*, 1968). Тем не менее, именно кинематограф сформировал М. Пуига как писателя, и он активно применял всё богатство возможностей, предлагаемых кинематографом, в литературном творчестве [Levine 2012: 50].

Поэтика кино проявляется в романах М. Пуига через драматизирующие повествование диалоги без авторского слова. Подобные диалоги позволяют воспринимать повествование как развивающееся «здесь и сейчас» по кинематографическому принципу. Кроме того, диалог выстраивается и на уровне текста как целого, а автор вступает в опосредованный разговор с читателем. М. Пуиг часто прибегает к выразительным средствам кино, среди которых монтаж, игра цвета, визуальные образы, фоновая музыка. Благодаря использованию приёма «вездесущей камеры» создаётся ощущение повышенной правдивости повествования, выстраивается саспенс, создающий атмосферу тревоги, что отражает неоднозначное восприятие писателем мира и судьбы человека в нём. Романы М. Пуига наполнены отсылками к голливудскому кино первой половины XX в. Такие «киноцитаты» обращаются к общекультурному опыту читателя и играют значимую роль в развитии сюжета и раскрытии характеров героев. Ключевым для творчества М. Пуига является образ кинодивы.

Представляется, что подобная кинематографичность литературного творчества делает романы М. Пуига «идеальными» для переноса на экран. И действительно, три из восьми опубликованных романов М. Пуига были экранизированы: «Крашенные губки» (*Boquitas pintadas*, 1969; экранизирован в 1974), «Ангельский пол» (*Pubis Angelical*, 1979; экранизирован в 1982) и «Поцелуй женщины-паука» (*El Beso de la Mujer Araña*, 1976; экранизирован в 1985). Тем не менее, не все они оказались успешны среди критиков и зрителей. Так, на кинопортале IMDb¹ оценка фильма «Boquitas pintadas» составляет всего 6.9/10, тогда как «Pubis Angelical» набрал ещё меньше – всего 5.9/10. «Kiss of the Spider Woman», тем не менее, получил 7.3/10 пунктов. В настоящей статье обратимся к экранизации романа «Крашенные губки» и постараемся определить, что удалось или не удалось кинематографистам, а также заключить, можно ли считать экранизацию успешной.

¹ IMDb – Internet Movie Database – веб-сайт с крупнейшей в мире базой данных о кинематографе.

Основная часть

Проблема интерпретации и оценивания киноадаптаций появилась вместе с самим кинематографом, поскольку с момента своего изобретения кино активно прибегало к использованию литературного и театрального материала [Мильдон 2007: 6]. К экранизациям обращались и продолжают обращаться как отечественные, так и зарубежные кинематографисты (Л. И. Гайдай, Г. М. Козинцев, Ф. Ф. Коппола, С. Кубрик, Э. А. Рязанов, В. И. Пудовкин, А. Хичкок и др.). Заметим, что отношение к экранизации литературных произведений менялось со временем (от полного отказа от неё до признания за экранизацией самостоятельности), а споры о самой возможности переноса литературного произведения на экран не утихают и сегодня.

Заметим, что, с одной стороны, многие исследователи экранизаций рассматривают их как перевод с одного художественного языка на другой, сводя проблему экранизации к «переводимости» [Мильдон 2007: 12]. С другой стороны, существует противоположное мнение: понимать экранизацию как «перевод» с языка литературы на язык кино некорректно из-за их принципиального различия, а любая экранизация является самостоятельным творческим феноменом, функционирующим по своим законам [Арутюнян 2003; Козинцев 1973]. Тем не менее, многие исследователи согласны с тем, что точкой соприкосновения литературы и кинематографа, которая делает возможным сам факт экранизации литературного произведения, является принцип повествовательности [Агафонова 2008; McFarlane 1996], заложенный в обоих видах искусства.

Ряд вопросов вызывает определение критериев успешности киноадаптации. Отметим, что, несмотря на активное изучение взаимодействия литературы и кино, не существует единой системы объективных критериев сравнения экранизации и её первоисточника, а оценка киноадаптации основывается преимущественно на субъективных представлениях [Игнатов 2007]. Так, Дж. А. Вагнер полагает экранизацию возможной и предлагает три пути киноадаптации литературного произведения, каждый из которых правомерен: когда вмешательство кинематографиста минимально (*transposition*); когда кинематографист, намеренно или нет, искажает оригинал из-за поставленных перед ним задач (*commentary*); когда оригинал полностью изменяется ради создания нового произведения искусства (*analogy*) [Wagner 1975: 222]. Б. МакФарлейн считает необходимым отказаться от оценочного сопоставления оригинала и экранизации, при этом отмечает, что существуют общие сюжетные элементы, которые могут быть перенесены из оригинала в фильм без потерь («*transfer*»), и то, что невозможно сохранить в полной мере («*adaptation*») [McFarlane 1996: 13]. Иначе говоря, экранизация может быть успешна, независимо от сохранения в ней особенностей и характеристик оригинального произведения.

Несколько иного взгляда придерживаются отечественные исследователи. Согласно В. И. Мильдону, экранизация имеет смысл только тогда, когда «становится самостоятельной художественной ценностью», для этого она должна передавать «значения оригинала, невыразимые словами» [Мильдон 2007: 205], если же экранизация ничего не добавляет, то её можно считать лишь кинопересказом, то есть вторичным текстом. Схожей позиции

придерживается О. А. Леонтович, полагая, что «экранизация не является простым слепком или отпечатком оригинального произведения – автор всегда привносит нечто свое, переструктурируя и перекомбинируя смыслы текста-источника» [Леонтович 2010: 145]. Таким образом, экранизация может быть успешной лишь тогда, когда ей удастся выразить то содержание оригинала, которое невозможно выразить словами.

Кроме того, оценивать экранизацию литературного произведения возможно как с применением общей методологии анализа игрового фильма, так и с позиции литературоведения. Например, Т. Н. Романова и Л. И. Черемных предлагают сравнивать экранизацию и книгу по литературоведческим критериям: сюжет, время и место действия, образы героев, атмосфера, речь героев, тема и идея [Романова, Черемных 2010: 70]. Однако представляется, что при анализе экранизации важно учитывать художественную специфику самого кино. Так, значимую роль играет присущее кинематографу «повествование изображением», поскольку литературный сюжет воспроизводится на экране изображением, дающим образу чувственно-конкретное воплощение [Фрейлих 2015], воздействие которого на зрителя отличается от воздействия литературного, словесного образа на читателя [Агафонова 2008: 5]. Кроме того, необходимо принимать во внимание и звуковую составляющую кинематографа, т. к. именно современный звукозрительный монтаж является основой «полифонического построения фильма, преодолевшего каноны классической драматургии» [Фрейлих 2015]. Также важно помнить о том, что кино неспособно обращаться к прошлому как таковому, поскольку всегда развивается в настоящем [Damour 1996].

Таким образом, при анализе экранизации романа М. Пуига «Крашенные губки», мы будем основываться как на литературных критериях, так и учитывать специфику художественной выразительности кинематографа (повествование изображением, звуковое сопровождение, монтажные приемы и пр.).

Экранизация романа «Крашенные губки»

Второй роман М. Пуига «Крашенные губки» вышел в свет в 1969 г. Как и в «Предательстве Риты Хейворт», действие разворачивается в небольшом провинциальном городе Коронель Вальехос, прототипом которого стал родной город писателя. В центре повествования – повседневная жизнь и «любовные драмы» жителей города. Используя любовные клише, такие как архетипический герой-любовник (имя одного из главных героев Хуан Карлос отсылает к Дон Жуану), любовный треугольник, несчастная любовь, предательство, смерть и др., и пародируя бульварный любовный роман (обратим внимание на подзаголовок романа «folletín»), автор поднимает острые социальные проблемы (положение женщины в обществе, навязывание социальных ролей, давление общества на индивида и др.) и обличает пороки аргентинского общества тех лет. Роману свойственна игра с читателем и обращение к поп-культуре, характерные для литературы эпохи постмодернизма.

Роман «Крашенные губки» был перенесён на экран в 1974 г. Режиссёром и сценаристом выступил Леопольдо Торре Нильсон (*Leopoldo Juan Torre Nilsson*, 1924–1978), один из известнейших мастеров аргентинского кинематографа, неоднократно занимавшийся

экранизациями (среди них киноадаптации произведений Х. Борхеса, А. Б. Касареса, К. Лафойет, Х. Эрнандеса и др.). Фильм был удостоен «Серебряной раковины» и специальной премии жюри на Международном кинофестивале в Сан-Себастьяне¹.

Рассмотрим подробнее ключевые составляющие романа и то, как они были (или не были) перенесены на экран.

Сюжет и хромотоп

В центре произведения – жизнь шести главных персонажей: Нене, Мабель, Селины, Рабадиллы, Хуана Карлоса и Панчо. Сюжет строится вокруг взаимоотношений (часто любовных) героев, показывая перипетии и хитросплетения их судеб. Кинокартина следует за сюжетом романа, сохраняя ключевые эпизоды. Заметим, что повествование в романе непоследовательно: текст постоянно переносится из прошлого в настоящее и обратно, в том числе в рамках одной главы. Однако в киноленте сюжет развивается более последовательно. С одной стороны, это обусловлено природой самого кинематографа, в котором время всегда условно настоящее, поскольку действие развивается перед зрителем «здесь и сейчас», т. е. кино не знает прошлого времени, что в некоторой степени «сглаживает» переходы между разными промежутками времени. С другой стороны, на «плавность» киноповествования повлияло опущение некоторых эпизодов романа, что может быть связано с художественными приёмами, которые невозможно перенести на экран, и ограниченностью хронометража самого фильма.

Важно, что для романа характерно многообразие повествовательных форм, к которым прибегает М. Пуиг: диалоги без авторского слова, письма, записки, дневники, заметки из ежедневника, фотографии, газетные вырезки, опущение собеседника и т. д. Многие из этого не попали в экранизацию (например, ежедневник Хуана Карлоса, вставки из женского журнала, куда писала Мабель, внутренние монологи героев, дневниковые записи и др.), тогда как письма героев заняли центральное, сюжетообразующее место в кинокартине. Такое решение кинематографистов закономерно, поскольку и в романе письма являлись своего рода «каркасом», вокруг которого выстраивался сюжет, что удалось сохранить в экранизации: как и в романе, зритель сначала сталкивается с письмами Нене, затем с письмами Хуана Карлоса, которые Нене просила вернуть, и, наконец, с письмами Селины, сестры Хуана. Именно последние являются поворотными в сюжете обоих произведений, поскольку вскрывают обман Селины, желающей отомстить Нене, якобы виновной в смерти Хуана Карлоса.

Как отмечает О. А. Леонтович, «то, что в романе изложено линейно, последовательно (к примеру, сначала – внешность героя, потом какие-либо его действия), в фильме возникает синхронно, что уже само по себе воздействует на восприятие» [Леонтович 2010: 147]. В экранизации «Крашенных губок» обозначенная проблема обостряется. Так, роман начинается с газетного некролога, посвященного кончине Хуана Карлоса, после чего

¹ Ежегодный международный кинофестиваль, который проводится с 1953 г. в городе Доностия-Сан-Себастьян (Страна Басков, Испания); одно из крупнейших культурных событий Испании. Высшими наградами фестиваля являются «Золотая раковина» и «Серебряная раковина».

следуют письма Нене его матери, в которых она приносит соболезнования, рассказывает о своей жизни и просит прислать ей письма Хуана Карлоса, которые он писал, находясь на лечении в Коскине. Таким образом, читатель не знает ничего о внешности героини, а об её быте и жизни узнаёт из писем и комментариев между ними, выделенных курсивом, т. е. сама героиня появляется в «кадре» значительно позже. Тогда как в экранизации зритель сразу же погружается в повседневную рутину Нене, наполненную заботами о доме, муже и детях. Лишь почти на четвертой минуте фильма (00:03:45) Нене из газеты узнаёт о гибели бывшего возлюбленного и, терзаясь сомнениями, решается написать его матери. Мы видим, как она всё больше погружается в воспоминания, а центром её жизни становятся письма, ведь только они способны отвлечь её от ненавистного быта. Постепенно ожидание ответа превращает жизнь Нене в пытку, она становится всё более раздражительной, что приводит к конфликту с мужем. Схожая ситуация происходит с эпизодом предсказания цыганки. В романе (глава 6) перед читателем предстаёт лишь монолог гадалки, и только из контекста можно предполагать о том, кто является её клиентом, тогда как в экранизации зритель сразу видит Хуана Карлоса в шатре цыганки.

Отметим ещё один эпизод. После писем Нене начинаются титры (00:11:45), которые идут на фоне фотокарточек Хуана Карлоса, начиная с детских лет, и других персонажей. Здесь кинолента также следует за романом, где после двух глав, содержащих письма Нене, в третьей главе описывается фотоальбом Хуана Карлоса, а затем комната Мабель, где тоже встречаются фотографии. С тем отличием, что в романе на обороте некоторых фотокарточек есть подписи, уже проливающие свет на отношения героев («*Detrás de la fotografía se lee el siguiente texto: "Mi amor éste fue el día más feliz de mi vida. ¡Nunca soñé que pudiera hacerte mía! <...>"*» [Puig 2000: 21]), тогда как в фильме о романе между Мабель и Хуаном Карлосом станет известно значительно позже (на двадцать седьмой минуте). Следует за романом и окончание фильма: муж Нене по её последней просьбе сжигает письма Хуана Карлоса, которые героиня хранила всё это время, так и не прочитав их. В кадре мы видим, как горят письма, а закадровый голос Хуана Карлоса озвучивает отрывки из них (01:56:19–01:57:04). Так и роман заканчивается сожжёнными письмами и отрывками из них: <...> «...Muñeca, se me termina el papel...» «...porque ahora siento que te quiero tanto...» «...mirá, rubia, ya de charlar un poco con vos me siento mejor ¡cómo será cuando te vea...» «...te quiero como no he querido a nadie...» <...> [Puig 2000: 107].

Интересным образом был компенсирован параллелизм присущий роману. Так, в киноленте параллельный монтаж появляется во время смерти Хуана Карлоса (01:37:23–01:38:42) и Нене (01:54:20–01:55:30). Когда умирает Хуан Карлос, зритель видит Нене, моющую посуду, потом Мабель, флиртующую с очередным мужчиной, могилу Панчо, Рабу, кормящую кур. Эпизоды сопровождаются закадровыми предсмертными хрипами Хуана Карлоса и напряжённой музыкой, которые затихают лишь на эпизоде с Рабой. Наконец мы видим похороны Хуана Карлоса. Аналогично происходит и со смертью Нене: окруженная семьёй она умирает в собственной постели. Затем в кадре появляются сначала могила Хуана Карлоса, затем Мабель, ведущая урок в школе, могила Панчо, Раба с дочерью,

отправляющаяся навестить сына. Вновь за кадром слышны предсмертные вздохи героини и та же напряженная музыка. Затихают они снова на эпизоде с Рабой, когда та в разговоре с дочерью вспоминает про Нене. Параллельный монтаж показывает, как течёт жизнь других персонажей, как герои стали далеки друг от друга, как разошлись их судьбы и каков их финал. В эпизоде смерти Панчо тоже присутствует параллелизм. Раба по просьбе хозяйки дома, матери Мабель, зарезает курицу: камера приближается и показывает крупным планом птицу, слышны её вопли (01:19:20–01:19:40). Затем в кадре появляется сцена с обнаженными Мабель и Панчо. Когда Панчо уходит от Мабель, он встречает в саду Рабу. В кадре мы видим лишь руку девушки, сжимающую нож, на фоне белого подола её ночной рубахи, и Панчо в полный рост (01:21:11). Белый цвет её одежды олицетворяет невинность, которую украл Панчо, обесчестив девушку и бросив её одну с ребенком. Раба убивает Панчо тем же ножом, что и курицу.

Представляется, что, хотя сюжет киноленты во многом следует за сюжетом романа, практически копируя многие эпизоды, опущение некоторых деталей и художественных приёмов влияет на восприятие сюжета и, пусть и незначительно, искажает его.

Образы героев

Заметим, что образы героев во многом сохранены и даже в некоторой степени обогащены за счёт «визуального повествования». Актёрская игра, мимика, жесты и интонация звучащего голоса позволяет восполнить то, что было выпущено в характерах персонажей из-за отсутствия тех или иных моментов и литературных художественных приёмов, которые невозможно воплотить средствами киноязыка. Так, смуглая кожа Рабы и Панчо, а также их простая по сравнению с другими персонажами одежда подчёркивают низкое происхождение этих героев. А утончённые наряды Мабель напротив говорят о её более высоком социально-классовом статусе по сравнению с остальными.

Авторам экранизации удалось передать самовлюблённость и эгоизм Хуана Карлоса, чьим главным интересом являются азартные игры и женщины: мы часто видим его играющим в карты; его постоянно окружают девушки, которые с готовностью уделяют ему внимание, что подчёркивает красоту и неотразимость героя. Постоянный кашель позволяет показать серьёзность его болезни, а частые напоминания окружающих о том, что он должен больше заботиться о своём здоровье, ещё раз указывает на то, что Хуан Карлос предпочитает игнорировать проблему. Лишь оказавшись на лечении в Коскине и столкнувшись со смертью, герой осознаёт всю серьёзность своей болезни. Так, когда он узнаёт о смерти молодой красивой девушки, с которой познакомился в столовой всего несколько дней назад, в кадре крупным планом мы видим шокированное лицо героя: он не может поверить в её смерть, ведь она казалась вполне здоровой (00:53:50–00:53:55). Увидев брошенных умирать в одиночестве постояльцев лечебницы и пансиона, Хуан Карлос готов изменить свою жизнь, и даже собирается жениться на Нене, ведь она единственная продолжала писать ему, давая надежду на исцеление и будущее. Тем не менее, в итоге он возвращается к своим привычкам и прежнему образу жизни. Даже умирает Хуан Карлос за игрой в карты.

Хорошо передан и образ Мабель, которая ведёт себя самоуверенно и откровенно по сравнению с остальными героинями. Девушка постоянно заигрывает с мужчинами и с готовностью приглашает их в свою спальню, несмотря на наличие жениха. Так, когда Хуан Карлос отправился на лечение в Коскин, она заменила его Панчо, лучшим другом Хуана. Даже будучи замужем, Мабель заигрывает с продавцом в магазине одежды (01:38:01–01:38:27). Характер героини дополняется визуальной составляющей: мимика, жесты, особенно улыбка и взгляд актрисы, исполнившей её роль, подчёркивают игривость и кокетливость Мабель. Фильму удалось показать эгоистичность и решительность героини, её готовность пойти на всё ради собственного благополучия.

В отличие от Мабель, Нене стесняется своих желаний, она излишне беспокоится о мнении окружающих, о своем статусе и положении в обществе. Так, она не готова впустить в свой дом Рабу, которая приехала в Буэнос-Айрес на заработки, потому что стесняется своей пустой, не обставленной квартиры. Заметим, что визуальный ряд позволяет показать некоторую двуличность и лицемерие героини. Так, она хвалит подарок Мабель на свадьбу, а позднее мы видим, что он так и лежит не распакованный в шкафу: камера задерживается на светильнике (01:07:25), когда закадровый голос Нене озвучивает её письмо, адресованное Мабель, и позднее светильник по-прежнему в пленке, спрятанный в шкаф, выделяется крупным планом (01:17:45). Кроме того, в фильме Нене становится центральным персонажем, поскольку сюжет в большей степени сосредоточен на ней: именно её закадровый голос мы слышим чаще всего. Это частично лишает фильма многоголосия, присущего роману.

Представляется, что наибольшие изменения претерпел характер Рабадилли. В романе Раба была простой девушкой из бедной семьи, которая мечтала о счастливом финале, как в фильмах, которые она так любила, где бедная служанка выходит замуж за богатого господина и живёт долго и счастливо. В экранизации мечтательность героини практически исчезает, а её увлечение танго и кино полностью проигнорировано. Кроме того, в эпизоде, когда Раба покидает Буэнос-Айрес и разговаривает с Нене по телефону в последний раз, она шантажирует подругу и требует, чтобы та принесла ей на вокзал что-нибудь для малыша в обмен на молчание о состоянии квартиры Нене (01:16:57–01:17:28). Тогда как в романе Нене сама предложила передать подарок для Рабы и малыша:

- ¿A qué hora sale el tren mañana? Porque si querés te llevo alguna ropa mía usada.
- A las diez de la mañana sale. Pero mejor si tenés algo nuevo para el Panchito. Que necesita más que yo.
- Y, mucho tiempo no voy a tener, si encuentro algo se lo compro [Puig 2000: 67].

Более того, в романе Нене первая прощается с Рабой, тогда как в фильме точку в разговоре ставит последняя, после чего довольно улыбается. Это придает характеру Рабы черты, которых она была лишена в романе, будучи самой простой и навивной из всех героинь.

Тема и атмосфера

Отметим, что роман носит пародийный характер, и важную роль в сюжете и «атмосфере» произведения играет обращение к массовой культуре, что не всегда сохранено и удачно передано в экранизации.

Так, значительной потерей является практически полное отсутствие танго и болеро в фильме. В романе каждая глава сопровождается эпитафией, представляющим собой строки из танго и болеро. Эпитафии, с одной стороны, отражают авторскую точку зрения и позволяют вступить автору в опосредованный диалог с читателем, с другой – они обращаются к общекультурным знаниям читателей, вызывая определенные ассоциации, что влияет на восприятия событий, развивающихся в той или иной главе. Вместе с тем, жизнь героев тесно переплетается с танго и болеро: они слушают танго и болеро по радио, цитируют строки из них или используют клишированные фразы, проигрывают в голове их сюжеты. В экранизации же танго играет по радио только в начале, когда Нене убирает посуду после ужина, погруженная в мысли о Хуане Карлосе (00:06:12), и в конце, когда догорают письма Хуана Карлоса (01:57:04). Заметим, что акцент с танго и болеро в фильме сместился на танцы в целом. Так, камера крупным планом показывает конверт, в котором Нене отправляет письма, с изображением танцующей пары (00:04:48) и покрывало на постели уже покойного Хуана Карлоса (01:48:30), где также изображена танцующая пара. Одним из центральных эпизодов в фильме становится танцевальный вечер, на котором Хуан Карлос и Нене танцуют вальс. Мы видим развитие отношений героев: с момента репетиции, где они по воле случая оказались в одной паре (00:22:10), до самого вечера танцев, где они выступили с вальсом (00:23:00), а затем, когда все уже разошлось, герои продолжают танцевать одни посреди пустого зала (00:23:37). Там же зарождается конфликт Селины и Нене. Тем не менее, несмотря на наличие танцев в романе, ключевое значение для сюжета играют именно танго и болеро, поскольку автор противопоставляет идеологию танго, которой на словах так стремятся следовать герои, реальному положению вещей.

Также из экранизации исчезла радионовелла, которую слушали Мабель и Нене. Обсуждая радионовеллу, девушки говорили о своей жизни, об отношениях с мужчинами в целом и с Хуаном Карлосом в частности. Радионовелла не только в очередной раз подчеркивает разность взглядов Мабель и Нене, но и пародийность романа, которая практически утрачена в экранизации. Заметим, что режиссер пытался восполнить её через нарочито комические изображения некоторых сцен, например, когда Нене вспоминает о том, как началась её связь с доктором, у которого она работала медсестрой (00:16:35), или когда инсценируются ложные показания о смерти Панчо (01:22:19). Однако представляется, что этого недостаточно для воссоздания атмосферы романа.

Заметим, что в экранизации удалось передать некоторые художественные приёмы, присущие стилю М. Пуига. Так, в романе есть диалоги без слов автора, в которые вплетаются мысли героев, выделенные курсивом. Например, когда Панчо взбирается на изгородь, чтобы починить радиоантенну, и встречает Мабель (именно тогда начинается их роман):

– *Perdone que ande por este tapial, que si no ponemos una antena no oímos la radio, y los presos se me van a andar quejando, los presos no ven nunca a una mujer*

– *Y usted también querrá escuchar, no diga que no... negro barato, le brillan el cuello y las orejas, se lava para blanquearse* compro [Puig 2000: 68].

Или когда Селина приходит к вдове, чтобы попросить её держать в тайне отношения с Хуаном Карлосом:

– Mire, ante todo quiero que usted me prometa no contárselo a nadie, *orillera chusma, vas a sufrir sin contárselo a la vecina*

– Se lo juro por lo más sagrado. *¿Dios no me castigará que estoy jurando?*

– *¿Por quién? si jurás por mi hermano te escupo*

– *por Juan Carlos no me animo* Por la felicidad de mi hija [Puig 2000: 80].

В фильме мысли героев в этих эпизодах озвучены закадровым голосом (01:12:23–01:15:32 и 01:23:54–01:26:44 соответственно). Это позволяет зрителю, как и читателю, узнать, что на самом деле скрывается за словами героев, их истинное отношение друг другу, раскрыть их характеры и подчеркнуть лицемерие, замаскированное притворной вежливостью.

Заключение

Экранизация «Крашенных губок» режиссёра Л. Торре Нильсона во многом следует за романом М. Пуига, сохраняя не только сюжетные повороты, но и некоторые художественные приемы писателя. Можно заключить, что Л. Торре Нильсон стремился передать не только центральную тему романа, но и сохранить его атмосферу. Характеры главных героев на экране во многом соответствуют их книжным прототипам (за исключением Рабадилли), а визуальная и аудио составляющие дополняют образы персонажей, позволяя компенсировать опущения.

Тем не менее, в фильме лишь частично сохранены или вовсе отсутствуют некоторые особенности оригинального произведения, которые представляются ключевыми для раскрытия и понимания авторского замысла: многоголосие и множественность точек зрения; параллели с танго и болеро, а также противопоставление идеологии танго и действительности; игра с читателем (зрителем) и жанрами; использование элементов массовой культуры и др. Хотя авторам киноадаптации удалось показать двуличность и лицемерие героев, отметить проблемы и пороки провинциального общества, почти стертая пародийность приближает экранизацию скорее к мелодраме, т. е. к тому жанру, который пародировался в оригинальном произведении. Всё это во многом лишает фильм глубины и многогранности, которая была свойственна роману М. Пуига. Некоторая недосказанность романа и его сложная повествовательная структура подталкивают читателя к размышлениям, тогда как фильм значительно упрощает проблематику оригинала.

Говоря об успешности экранизации, стоит помнить, что она основана на субъективных критериях и зависит, как от совпадения понимания оригинала читателем/зрителем и кинематографистами, так и от характеристик, которые выбраны для оценивания. Таким образом, с одной стороны, киноадаптацию «Крашенных губок» можно считать успешной, поскольку она в полной мере передает сюжет оригинала и до определённой степени сохраняет стиль автора оригинала. С другой – экранизация не только не привносит ничего нового в понимание романа М. Пуига, но и лишает его ряда ключевых черт, что свидетельствует о несостоятельности фильма как адаптации литературного произведения и приближает его к кинопересказу.

Список литературы

1. Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск : Тесей, 2008. 392 с.
2. Арутюнян С. М. Экранизация литературных произведений как специфический тип взаимодействия искусств : дис. ... канд. ф. наук. М., 2003. 155 с.
3. Игнатов К. Ю. От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 196 с.
4. Козинцев Г. М. Пространство трагедии (Дневник режиссера). М. : Искусство, 1973. 232 с.
5. Мильдон В. И. Другой лаокоон, или о границах кино и литературы: эстетика экранизации. М. : РОССПЭН, 2007. 223 с.
6. Леонтович О. А. Проблемы интерсемиотического перевода (на материале зарубежных экранизаций русской классики) // Наука телевидения. 2010. № 7. С. 144–157.
7. Романова Т. Н., Черемных Л. И. Экранизация как прием раскрытия идейно-художественного содержания литературного произведения // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Пермь : Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2010. № 8. С. 68–73.
8. Фрейлих С. И. Теория кино: От Эйзенштейна до Тарковского : учебник для вузов. 4-е изд. М. : Академический проект: Фонд «Мир», 2007. 512 с.
9. Damour J. P. Cinéma et littérature // Dictionnaire des littératures de langue française. A–D. Paris, 1996. P. 487–488.
10. Levine S. J. Manuel Puig: Edipo ronda La Pampa // Cuadernos de literatura. № 31. 2012. P. 48–64.
11. McFarlane B. Novel to Film: An Introduction to the Theory of Adaptation. Oxford.: Clarendon Press, 1996. 296 p.
12. Mujica B. The Imaginary Worlds of Manuel Puig / Américas, Vol. 38, No. 3, May–June, 1986. P. 2-7.
13. Puig M. Querida familia: Tomo 1. Cartas europeas (1956–1962), compilación, prólogo y notas de Graciela Goldchluk, asesoramiento cinematográfico de Ítalo Manzi. Buenos Aires: Entropía, 2005. 393 p.
14. Wagner G. A. The Novel and the Cinema. Fairleigh Dickinson University Press: Rutherford, NJ.: 1975. 394 p.

Источники материала

1. Puig M. Boquitas Pintadas [Электронный ресурс]. AGEA.S.A., 2000. 107 p. URL: <http://biblio3.url.edu.gt/Libros/16/boquitas.pdf> (дата обращения 24.09.2019).
2. Boquitas pintadas, 1974.

References

1. Agafonova N. A. Obshchaya teoriya kino i osnovy analiza fil'ma [General Film Theory and Fundamentals of Film Analysis]. Minsk, Tesei publ., 2008, 392 p. (In Russ.).
2. Arutyunyan S. M. Ekranizatsiya literaturnykh proizvedenii kak spetsificheskii tip vzaimodeistviya iskusstv [Screen adaptation of literary works as a specific type of art interaction]. PhD thesis. Moscow, 2003, 155 p. (In Russ.).
3. Ignatov K. Yu. Ot teksta romana k kinotekstu: yazykovye transformatsii i avtorskii stil' (na angloyazychnom materiale) [From the text of the novel to the film text: linguistic transformations and the author's style (on the English-language material)]. PhD thesis. Moscow, 2007, 196 p. (In Russ.).

4. Kozintsev G. M. Prostranstvo tragedii (Dnevnik rezhissera) [Tragedy Space (Director's Diary)]. Moscow, Iskustvo publ., 1973, 232 p. (In Russ.).
5. Mil'don V. I. Drugoi laokoon, ili o granitsakh kino i literatury: estetika ekranizatsii [Another laocoon, or about the boundaries of cinema and literature: the aesthetics of film adaptation] Moscow, ROSSPEN publ., 2007, 223 p. (In Russ.).
6. Leontovich O. A. Problemy intersemioticheskogo perevoda (na materiale zarubezhnykh ekranizatsii russkoi klassiki) [Problems of Intersemiotic Translation (Based on Foreign Film Adaptations of Russian Classics)]. *Nauka televideniya* [The science of television]. 2010, no. 7, pp. 144-157. (In Russ.).
7. Romanova T. N., Cheremnykh L. I. Ekranizatsiya kak priem raskrytiya ideino-khudozhestvennogo sodержaniya literaturnogo proizvedeniya [Screen adaptation as a method of revealing the ideological and artistic content of a literary work]. *Problemy romano-germanskoi filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Problems of Romano-Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages]. Perm', Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet» publ., 2010, no. 8, pp. 68-73. (In Russ.).
8. Freilikh S. I. Teoriya kino: Ot Eizenshteina do Tarkovskogo [Film Theory: From Eisenstein to Tarkovsky]. 4th ed., Moscow, Akademicheskii proekt: Fond «Mir» publ., 2007, 512 p. (In Russ.).
9. Damour J. P. Cinéma et littérature. Dictionnaire des littératures de langue française. A-D. Paris, 1996. P. 487-488.
10. Levine S. J. Manuel Puig: Edipo ronda La Pampa. Cuadernos de literatura n°31. 2012. P. 48–64.
11. McFarlane B. Novel to Film: An Introduction to the Theory of Adaptation. Oxford.: Clarendon Press, 1996. 296 p.
12. Mujica B. The Imaginary Worlds of Manuel Puig. *Américas*, Vol. 38, No. 3, May-June, 1986. P. 2-7.
13. Puig M. Querida familia: Tomo 1. Cartas europeas (1956–1962), compilación, prólogo y notas de Graciela Goldchluk, asesoramiento cinematográfico de Ítalo Manzi. Buenos Aires: Entropía, 2005. 393 p.
14. Wagner G. A. The Novel and the Cinema. Fairleigh Dickinson University Press: Rutherford, NJ.: 1975. 394 p.

Информация об авторе

А. П. Чагина – кандидат филологических наук,
доцент, кафедра лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

A. P. Chagina – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.06.2023.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 10–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 – код УДК;
 - 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 - 3 – ученая степень, ученое звание;
 - 4 – должность, место работы (если таковое имеется).
 - 5 – контактная информация (e-mail);
 - 6 – название статьи;
 - 7 – аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
 - 8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и/или словосочетаний);
 - 9 – ссылки.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Бондарко 2005: 25], [Leiss 2010: 234], [Fillmore 1987: 34].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения: 22.12.2019). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «там же» или "Ibid. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или "Op. cit." (для документов, напечатанных латинским

шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

1. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.
2. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1998. С. 51–63.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. ...
Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 3. P. ...

Научная статья
УДК ...

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ

Иван Иванович Иванов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
azxvdvs@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции типологических свойств туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, рекламный, спортивный, природоохранный, гастрономический и научно-популярный. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а его читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается лингвокультурная, когнитивная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных

приемов, например, прилагательные в превосходной степени, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде – терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл.

Для цитирования: Иванов И. И. Языковая репрезентация типологических свойств туристического дискурса в переводе // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 7–15.

Original article

LINGUISTIC REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF TOURIST DISCOURSE IN TRANSLATION

Ivan I. Ivanov

Perm State University, Perm, Russia, azxvdvs@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain emotional information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Keywords: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning.

For citation: Ivanov I. I. Linguistic Representation of Typological Features of Tourist Discourse in Translation. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;3:6-6. (In Russ.).

Введение

Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1. Иванов И. И. Текст. Монография. М. : ТСС, 2020. 345 с.

Информация об авторе

И. И. Иванов – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

I. I. Ivanov – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2023. № 3.

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 22.08.2023. Дата выхода в свет 23.08.2023.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500 экз. Заказ №. 1214

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:

<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>

Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.
Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.